

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Рига 2023

Издание выходит
раз в квартал

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертес (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Литературный редактор *А. Заматаева*

Верстка *В. Матисон*

Содержание

№ 1 (88) 2023

Школе 30 лет

- Лена Немировская:*
«...я хочу сказать всем вам огромное спасибо!» 5
- Школа – это место встреч*
Михаэль Сульман 10
- Школа стала наградой для многих из нас*
Джон Ллойд 12
- Миссия чрезвычайной важности*
Арндт Фрейтаг фон Лорингхофен 15
- Знаки большой истории*
Ян Альбрехт 17

Тема номера

- Мы не имеем права быть наивными*
Ральф Фюкс 20
- Когда отрицательные эмоции торжествуют
над положительными*
Доминик Моизи 26
- А что же с правдой?..*
Шелби Коффи 30
- Сохранять универалистское спокойствие*
Сергей Лагодинский 35
- О некоторых признаках утраты доверия в обществе*
Михаэль Мертес 37

Новое осевое время

- Универсализм означает равное глобальное гражданство*
Андреас Буммель 40
- Массовое образование – инструмент ценностной деградации*
Владимир Шмелёв 44
- Правовое государство в изгнании*
Делфина Нугайред 46

Материя и сознание

- Один только материализм
не может объяснить загадку сознания*
Кишиитоф Мейснер 53

Дневник войны

- Слова о войне*
Сергий Жадан 66
Перевод Георгия Чижова

Опыт истории

- Ностальгия по жертвоприношению*
Андрей Колесников 69

Школе 30 лет

- Российская империя должна умереть*
Энн Эпплбаум 74

Биография

- Михаил Фишман о своей книге «Преемник»
Спастись и победить: О книге «Джордж Сорос. Вся его жизнь»*
Сергей Николаевич 83

Наш архив

- Моральные уроки советской истории.
Опыт противостояния злу*
Филипп Буббайер 100
Насилие и структура рациональности
Юрий Сенокосов 108

Наш анонс

- Реализм планетарного парламента*
Василий Жарков 117

Книги

- «Да, азиаты – мы...»*
Андрей Симбирцев 122
Контрапункт
Максим Горюнов 127

Nota bene

- Предисловие*
Леон Конрад 134

После внесения 9 декабря 2014 г. Министерством юстиции РФ Московской школы гражданского просвещения в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента, и возникших в этой связи трудностей с организацией и проведением семинаров в России у Школы появилась возможность провести ежегодный международный форум под названием «В поисках утраченного универсализма» в Берлине.

7–8 декабря 2022 г. состоялся уже 7-й такой форум совместно с Фондом им. Генриха Бёлля.

Настоящий номер посвящен прошедшему форуму.

Лена Немировская: «...я хочу сказать всем вам огромное спасибо!»

*Лена Немировская,
соосновательница Школы
гражданского просвещения*

Дорогие друзья!

Я хочу познакомить вас с Вальтером Кауфманом, одним из руководителей Фонда Бёлля, потому что для нас имеет большое значение, что мы отмечаем свое 30-летие в этом фонде — с нашим партнером не только праздничного мероприятия.

Спасибо большое, Вальтер!

Почти два месяца я думала — Юра знает, — что сказать о нашем с ним (и не только) прошедшем 30-летию... Что-то писала, что-то не писала, но все отставила. Думаю, это должно у меня получиться просто как тост. И как тост я хочу сказать всем вам огромное спасибо, что вы здесь, что вы приехали! Что вы сочли важным и нужным для себя быть здесь! Что вы вместе с нами!

Конечно, не все, кого я хотела бы видеть сейчас. Ведь выпускников Школы было 30 тысяч. Реально, я думаю, процентов 25 из них ушло во власть... Армаз, но это не такая власть, как у тебя в Грузии! Это люди *сегодняшней власти* в России. Но остальные более или менее с нами, а кто-то совсем с нами близко. Например, тут сидит человек, который представляет этих выпускников, и, очевидно, от их имени он решил доехать до Берлина.

Это грустная история — в каком реально времени мы живем. Нельзя подвести товарища, коллегу, друга.

Конечно, когда мы создавали Школу, было другое время, другие надежды, другие иллюзии, и мы сами были другие. Во-первых, это было 30 лет назад. Во-вторых, хотя мы тогда тоже что-то понимали, но такого, что происходит сегодня, никто не мог предположить.

*Мы живем в глобальном мире,
в котором глобальные
проблемы не исчезают
и возрастает наша
ответственность как граждан
глобального мира*

Я думаю, не только у меня нет рационального объяснения того, что происходит.

Для нас — основателей Школы — всегда было важно, чтобы во время семинара молодые люди почувствовали, что дискуссия, а точнее, ее результат — не о том, «как я *выиграл*», а о том, «что я *понял*». И когда это случалось, мы считали и считаем, что семинар удался.

Я уже назвала цифру 30 тысяч выпускников — это много. Но я не знаю, каков процент тех, для кого то, что случилось в Школе, оказалось событием в жизни. Потому что неумение вести себя во время дискуссии порождает конфликты и непонимание, а кончается войной. А наш школьный давний девиз: «Обществу граждан — гражданское просвещение!»

Сейчас много говорят об искусственном интеллекте и новых технологиях. Но все террористы тоже пользуются современными телефонами, как и все участники вторжения в Украину разговаривают друг с другом по мобильным телефонам. Но мы видим,

что владение телефоном и компьютером не делает человека существом понимающим.

Поэтому наша гражданская задача не связана с надеждой на искусственный интеллект, на создание искусственной головы, мы стараемся помочь думать живой голове.

И последнее, чего мы добиваемся в Школе: мы живем в глобальном мире, в котором глобальные проблемы не исчезают и возрастает наша ответственность как граждан глобального мира. А это значит, что мы должны быть честными, справедливыми, моральными (мораль никто не отменял), не забывая, что человек создал то, что может отменить этот мир в том его нормальном состоянии, которое позволяет нам существовать.

И еще два момента.

Мне кажется, что за 30 лет мы что-то поняли о том, что такое российское общество. Не до конца, не все, но что-то понимаем. И думая об этом и живя в России, мы с Юрой практически в 80 лет решили переехать (оказывается, начинать жизнь сначала можно, видимо, и в 100 лет, но в 80 — точно), так как перестали понимать российскую власть. В этой предельной сегодня, отвратительной, ужасной, криминальной точке. И мы, конечно, будем на сессиях говорить об Украине, о Грузии, о Чечне то, что мы говорим всегда на семинарах.

Мои дорогие представители российской аудитории! То преступление, которое совершается сейчас, в эту минуту, в отношении России как страны и как современного общества, равнозначно всем другим преступлениям. Я говорю не только о том, как идет мобилизация, как людей заставляют участвовать во всем этом. Посмотрите,

Инна Берёзкина, Андреас Буммель, Юрий Сенокосов и Лена Немировская

какой крестовый поход начался в России против нормального современного образования! Я уверена, вам станет так же страшно, как страшно на полях Украины, где ни в чем не повинные люди должны умирать потому, что кто-то живет в своих мифах, фобиях, настроениях. Этому нет оправдания. И я согласна с теми, кто считает, что зло наказуемо и процесс над этим злом должен состояться.

Я еще многое хотела бы сказать...

Так случилось, и это потрясающая возможность — знаете, когда Бог хочет, то он помогает, его можно просить, но я не знаю, слышит ли он просьбы, а поэтому будем думать, что *вот так случилось*. Что мои и Юрины близкие друзья, французские интеллектуалы — они здесь в зале — Диана Пинто и Доминик Моизи, которые решили 30 лет назад прочитать две страницы, которые мы им дали тогда на английском языке...

Это были удивительные годы, провоцирующие в людях самые высокие надежды, даже иллюзии, но они необходимы в жизни. Мы стремимся к рациональности, но не все так рационально. Человеческий поступок удивителен сам по себе... И вот эти люди привели нас с Юрой в Совет Европы благодаря тем страницам, которые они прочитали, — с нашим обращением о будущей Школе. Но это произошло позже, уже после августовского путча 91-го года, когда, приехав на встречу с Ельциным, мадам Катрин Лалюмьер (в то время Генеральный секретарь Совета Европы) пришла вечером к нам домой и с ней пять или шесть мужчин. И в том числе Джек Ханнинг, он сидит здесь и еще скажет свое слово. А затем примерно около двенадцати ночи все собрались уходить, и один из мужчин сказал: «Я знаю, что у вас есть какие-то странички о Школе. Можно я их возьму и мы их

посмотрим?» И спустя девять месяцев нас пригласили в Страсбург поговорить с Генеральным секретарем.

Так мы стали проектом Совета Европы...

Школа задумывалась как *европейский* проект. Потому что Россия, по нашему мнению, европейская страна, она живет с ориентацией на европейские ценности. Но Россия — не западная страна. Россия не понимает, и не верит, и не знает, что такое *независимые формальные институты* — то, о чем знает Запад. И задачей Школы всегда была идея, чтобы как-то восполнить этот пробел. Но нас мало, этого недостаточно на всю страну. Этого должно было быть *очень* много. И тогда просвещение (а не образование!), может быть, и случилось бы.

Нас сейчас часто спрашивают в интервью или кто-то близкий: «Вы разочарованы?» Мы с Юрой отвечаем: «Нет, мы не разочарованы. И не очарованы. Мы просто понимаем, что за всем стоит систематическая тяжелая работа, постоянное усилие быть современным человеком».

И я не имею права ничего говорить о всей России, потому что страна имеет свою биографию, свою историю, свое будущее. Но если страна и лучшие в ней люди не захотят ее осовременить в общественном смысле слова, то она не выдержит испытания временем. И это, мне кажется, теперь понимают многие.

Заканчивая, я хотела бы просто упомянуть прежде всего тех, кто стоял у истоков Школы: Мераба Мамардашвили и отца Александра Меня — это два близких нам человека. А также других известных интеллектуалов и ученых: Эрнеста Геллнера, Ральфа Дарендорфа, Алексея Салмина, Александра Согомонова.

Вот здесь сидит друг и уникальный эксперт Школы Крис Коукер.

Доминика и Диану я уже называла, их участие в Школе очень важно для нас. И многие-многие другие.

Берман, американский юрист, который годами настаивал, чтобы мы переводили английский термин *rule of law* не как «верховенство закона», а как «верховенство права», — это важно. Как советские люди мы долгое время не могли этого понять: в чем разница между двумя этими терминами?

Я хочу сказать огромное спасибо Михаэлю Мертесу! С ним я познакомилась тоже через Доминика и Диану. Я шла в его кабинет (это происходило в 1994 году еще в Бонне, где размещался тогда аппарат Федерального канцлера ФРГ) и вдруг вижу, что мне навстречу движется такой огромный «живой шкаф» — это оказался канцлер Коль. А потом мы сидели в кабинете Михаэля, я слушала его и одновременно видела в окно уникальную скульптуру Мура. Это такое общее восприятие, воспоминание.

Я хочу искренне поблагодарить все фонды, которые так или иначе на протяжении трех десятилетий оказывали нам финансовую помощь.

Я хочу поблагодарить мэра бывшего мэра Милана Джанпьетро Боргини, который тоже находится в зале. Он дал нашей Школе в течение 10 лет возможность познакомиться практически с каждым регионом Италии.

Я хочу сказать несколько слов отдельно о Германии. Я благодарила фонд, очень важно было, чтобы мы отметили наше 30-летие, хотя и без всех наших российских участников, именно здесь, в Германии. Потому что ее опыт, *эта* страна показала Европе

и миру пример того, как можно стать другим государством и обществом. Это трудный исторический процесс. Но это важно для нас.

Я знаю, в том числе и из собственного опыта, о сегодняшнем негативном отношении к русским. Да, придется пережить это отношение, как пережили его немцы после войны. Это примерно тот же самый опыт: реакция на агрессию. Это на уровне инстинкта. И надо через собственную работу и осмысление искать пути и решать для себя проблему: где я? Надо скинуть собственные маски не только перед другими, но и перед собой. Об этом Школа! В каждой точке человеческого существования мы должны еще раз подумать, где благо, где совесть, где все эти вещи, которые нам кажутся иногда ненужными.

И последнее. Школа — это не только мы с Юрой, как вы знаете. Прежде всего я хочу поблагодарить наш board и Михаэля Сульмана, который присутствует тут. И европейские фонды. Я очень благодарна... И там еще сидит Марсия Леви, наш юрист. (Если бы деньгами распорядилась я, мы бы все оказались в тюрьме, но у нас есть тот, кто в этом понимает.) Тоби Гати — в США. И американские фонды. В зале сидит лорд Скидельский, он будет перед вами выступать. Тоже наш board. Это совершенно замечательно! Спасибо им большое! И всем фондам.

Здесь присутствуют директора школ, которые появились после нашей Школы.

Я приветствую Армаза Ахвледiani, который возглавляет с 1998 года

грузинскую школу. Хочу поблагодарить Армена Закаряна, директора армянской школы.

Я хочу сказать через Криса Коукера огромное спасибо всей британской составляющей нашей экспертизы! В конце 90-х он привез на семинар своего учителя Майкла Ховарда, тоже думающего о войне и мире.

Еще я хотела сказать: у нас потрясающий коллектив переводчиков, которые не могут выехать из России. Но я благодарю переводчиков, которые работают здесь.

Хочу поблагодарить Пилар Бонет, известную испанскую журналистку, — она где-то здесь, наша подруга с 1982 года. Однажды я ей звоню с Кутузовского проспекта, чтобы просто пригласить в гости. А она говорит: «Ты что! Я сейчас на танке переезжаю из Осетии в Грузию». Еще раз позвонила и говорю: «Пилар, ты зайдешь?» А она отвечает: «Нет, я покрасила волосы, сижу в Крыму и смотрю, как здесь бегают разные люди с разными флагами».

Всем огромное спасибо! И самое большое спасибо нашим коллегам! Это, по-моему, уникальный коллектив, который понимает, что делает. Саша Шмёлев не даст мне соврать. Все всё понимают, преодолевая неприятные трудности. Мы с Юрой чувствуем и видим, что выросло поколение коллег, которые будут продолжать дело Школы. Даже если она будет немного другой.

И отдельное спасибо Барбаре и Арндту Фрейтаг!

Михаэль Сульман,
исполнительный директор
Нобелевского фонда
(1992–2011),
член Шведской королевской
академии наук

Школа – это место встреч

Уважаемые участники форума! Дамы и господа!

После столь содержательного выступления Лены Немировской мне остается только добавить несколько коротких комментариев.

Во-первых, привет и поздравления от имени board, то есть правления нашей организации. Во-вторых, большое спасибо нашим хозяевам — Heinrich-Böll-Stiftung!* Мы благодарны вам и надеемся на продолжение сотрудничества.

К вопросу о нашем юбилее. Поначалу мы думали о каком-то большом праздничном мероприятии, посвященном именно юбилею. Но, как все мы знаем, время для этого не совсем подходящее. Хотя полностью обойти стороной сам факт юбилея, конечно, невозможно. Эти 30 лет включают в себя особенности развития, трудности и победы Школы Лены Немировской и Юрия Сенокосова.

Программа форума предполагает разговор о злободневных проблемах современного мира. Но и взгляд, обращенный в прошлое, конечно, будет с нами.

Стоит вспомнить, что когда-то сказал Кант о просвещении: «Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения».

* Heinrich-Böll-Stiftung — Фонд имени Генриха Бёлля, немецкая независимая неправительственная организация. — Прим. ред.

В этой мысли идейная основа Школы, которая зарождалась на кухне у Лены и Юры. И многие из тех, кто тогда был там, присутствуют в этом зале и сегодня. Такое вот счастливое и уже историческое совпадение.

Дальше деятельность Школы крепла и развивалась. Как рассказала Лена, установились отношения с Советом Европы, с другими организациями и людьми, поддерживающими деятельность Школы. Это привело к созданию по модели Школы Ассоциации школ в восточной части Европы и даже вне пределов Европы.

Лена говорила и о том, что на подиумах и семинарах Школы выступали видные деятели из многих стран. Почему они так охотно приезжали? Во-первых, конечно, сила убеждения Лены и Юры — это один фактор. Во-вторых, для них это была возможность встречаться с молодыми людьми России, которым в будущем определять развитие страны. И это электричество в воздухе, ощущение собственного присутствия при формировании истории привлекали многих известных деятелей.

Атмосфера, однако, постепенно менялась, особенно с началом третьего тысячелетия. 2003 год — арест Ходорковского, который, между прочим, когда-то выступал на школьных семинарах. Его арест свидетельствовал о повороте в ту сторону, в которую пошла Россия. Школе донимали какими-то непонятными налоговыми проверками. Потом она получила «почетное звание» иноагента. В конце концов не только Школа, но и Ассоциация школ была объявлена в России нежелательной организацией.

Но это не помешало Школе развивать сотрудничество с академическими институтами, университетами, фондами и think tank-центрами*, такими, например, как наш сегодняшний хозяин Heinrich-Böll-Stiftung. И географически наша деятельность тоже расширилась, распространившись на Восточную Европу, Украину, Беларусь, Кавказ.

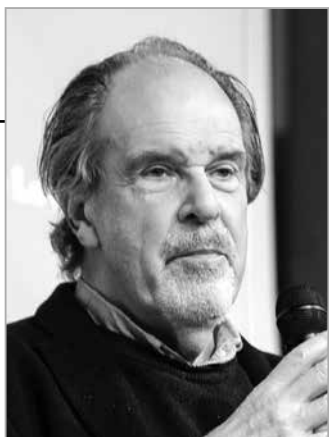
Важно и то, что Школа — платформа, на которой представлены разные мнения. Это не платформа для осуществления какой-то одной политической программы, суть ее — разнообразие.

Поэтому хочется поздравить с юбилеем Лену, Юру, их преданных сотрудников и сторонников с успешной деятельностью. Они действительно проявили решимость и мужество в трудных условиях.

Желаем всем вам хорошего будущего и дальнейших успехов.

---

* *Think tanks* — экспертно-аналитические центры; как правило, сосредоточивают свои усилия в области гуманитарных наук — политики, экономики, социологии, права.

Джон Ллойд,
редактор *Financial Times*,
член совета директоров
Школы

Школа стала наградой для многих из нас

Я охотно присоединяюсь к тому, что сказал Миша Сульман, и поделюсь своими мыслями. Как, думаю, и мыслями многих людей, сидящих в этом зале и связанных с 30-летним путешествием самой Школы.

С самого начала была просто идея, возникшая в головах Юры и Лены, а теперь это влиятельная организация, в которую вложено много работы, воображения, анализа различных процессов, прошло много-много семинаров и конференций, подобных нынешней. Я желаю Школе быть и развиваться дальше, распространяя, вопреки последствиям сегодняшней ужасной войны, свое влияние шире и глубже. Потому что с годами ее идеи вошли в умы и сердца людей, молодых и пожилых, и остались там. Школа заложила серьезное основание для свободомыслия в России, которое сохраняется даже теперь, во времена великой смуты. Это теперь внутри.

Для тех из нас, кто следил за Школой в течение многих лет отчасти из — я воспользуюсь этим словом — любви к Лене и Юре, как и наше восхищение, поддержка, в которой нуждались их детище, — для многих из нас эти годы в итоге обернулись наградой. Семинары, конференции, дискуссии, издание книг — все послужило созданию гражданского общества в стране, где его просто не было. А теперь есть, во всяком случае, начало ему положено. Оно есть даже сейчас, когда, как вы знаете не хуже меня, свободомыслие подавляется. Вот об этом я хотел сказать в контексте предстоящей сегодняшней дискуссии об универсализме. И о значении Школы для Европы.

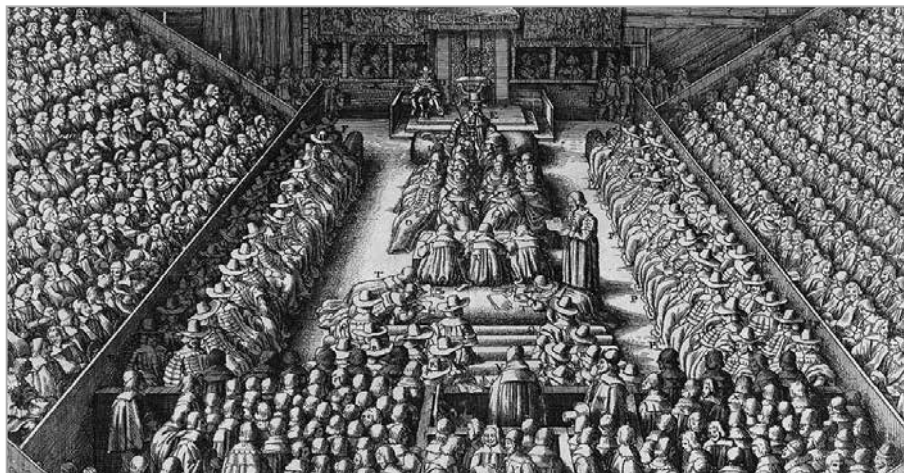
С Джанпьетро Боргини я обсуждал возможность проведения в будущем конференции в Милане. Католический университет Милана* предлагает провести дискуссионный семинар с участием европейцев и россиян, белорусов, украинцев. Обсудить, что значит Европа для России и бывших республик Советского Союза, что можно сделать после окончания ужасной войны.

Замечу, что, на мой взгляд, Европейский союз — это по-своему парадоксальная вещь. Я думаю, что с точки зрения старого доброго британского скептицизма Евросоюз, возможно, даже слишком хорош. Европейский союз очень хорошо отнесся к Украине, решительно, не колеблясь поддерживает ее. Притом что в ряде европейских стран есть колеблющиеся, сам союз, что совершенно ясно, стоит за Украину. Европа была прогрессивной, гуманистической, оказывала помощь бывшим коммунистическим государствам Центральной и Восточной Европы. Но парадокс в том, что Европа, Евросоюз немного застряли. Потому что поставили своей целью «еще более тесный союз». Что это будет означать в итоге? Речь про федеративное государство?..

Выход Великобритании из Европейского союза, безусловно, травмировал, но что означал тот Брексит? Он означал нежелание большого числа европейцев полностью следовать логике более тесного союза. И это в последние годы проявилось в подъеме новых правых, крайне правых. В сентябре 2022 года радикальные правые партии «Братья Италии» и «Шведские демократы» вошли во власть и стали доминировать в правительствах. Эти партии делают ставку на низшие и средние классы стран, входящих в Евросоюз, а те, по крайней мере до сих пор, чувствовали себя непричастными к разговорам о ЕС и его совершенствовании. И если для нас интернационалисты, глобализация скорее угроза, они наверняка приветствовали бы их. Поэтому когда мы говорим об общечеловеческих ценностях, мы должны помнить, что не существует модели управления вне национального государства. За исключением империи, а идея империи, как вы знаете, довольно непопулярна, и непопулярна по многим веским причинам. Даже там, где империя относительно безобидна, она имеет тенденцию жестко контролировать собственные внутренние процессы. Политика же остается упрямо национальной. При всем при том людям нужно что-то, что они могут понять, принять сами принципы управления ими. Это стало основной причиной Брексита. А парламент Великобритании стар, он в той или иной форме, изначально

*Желаю Школе быть
и развиваться дальше,
распространяя, вопреки
последствиям сегодняшней
ужасной войны,
свое влияние шире и глубже*

* Католический университет Святого Сердца (Catholic University of the Sacred Heart) — частное некоммерческое высшее учебное заведение Италии. Университет входит в число лучших высших учебных заведений мира.

Речь графа Стаффорда в парламенте. 1641

не столь уж демократичной, существует уже почти тысячелетие. Как именно следует управлять, глубоко укоренено во взглядах британцев, возможно, больше, чем в других европейских государствах, о чем мы всегда должны помнить.

Позже мы поговорим, я думаю, об универсализме. Культура Европы остается культурой ценностей, пришедших из иудаизма и христианства. Секуляризованной, конечно. Она демократична, опирается на гражданское общество. Это то, о чем говорила и что многие годы проповедовала Школа. Но для многих людей идеи гражданского общества остаются абстрактными.

Евросоюз же очень полезен в качестве маяка либеральных ценностей не только для стран ЕС, но и Северной Америки — Канады, Соединенных Штатов и других государств. Отказ от них очень дорого обходится, но политикам все сложнее и сложнее настаивать на них. С другой стороны, если продолжать настаивать на жестком контроле над государствами — членами Евросоюза, это, я думаю, может привести к гибели ЕС, образования отличного, на мой взгляд.

Миссия чрезвычайной важности

Уважаемые участники, дорогие Лена и Юра, уважаемые члены правления! Для меня большая радость и честь приветствовать всех вас здесь и участвовать в открытии этого форума. Тем более что проходит он в решающий момент для наших отношений с Россией и остальной Европой. Каждый день нас потрясают свидетельства жестокой войны, ведущейся против Украины. Но сегодня мы вправе на какое-то время отвлечься от этих ужасных событий и вспомнить, чего достигла замечательная Школа гражданского просвещения за 30 лет ее существования.

Тридцать лет назад вы, Лена и Юрий, приступили к осуществлению одной из самых, я считаю, принципиально важных, сложных и рискованных миссий. Сразу после распада Советского Союза вы способствовали установлению открытого диалога между участниками семинаров — сначала только из России, а потом и из других стран бывшего СССР — с западными интеллектуалами-экспертами, политиками. Речь шла о фундаментальных ценностях, демократических ценностях, верховенстве права, свободе СМИ. На эти и другие темы мы будем говорить здесь сегодня и завтра.

Меня ошеломили цифры: почти 30 тысяч человек приняли участие в более чем 300 семинарах Школы. Вы фактически создали в своей стране совершенно уникальную сеть и объединили думающих людей. Но кроме количества, я думаю, важно еще и качество, дух этих семинаров. Это действительно глубокая, открытая и откровенная концентрация на диалоге о ценностях. Вы изменили в своей стране мышление многих ваших последователей. Но одновременно вы изменили мышление представителей Запада, которые не так уж хорошо понимали Россию, но в конечном счете поверили, что другая Россия, более демократическая Россия на самом деле возможна. И можно

Арндт Фрейтаг
фон Лорингофен,
немецкий дипломат

только попытаться представить, как трудно противостоять давлению, которое на вас оказывают, и не утратить при этом боевого духа, веры в чрезвычайную важность своей миссии.

Поздравляем Школу с 30-летием, а также благодарим Фонд Генриха Бёлля за поддержку в организации форума.

Повторю, что этот форум проходит в решающий момент. Все мы знаем, что президент Путин вверг свою страну и остальную Европу в самый, пожалуй, глубокий кризис со времени Второй мировой войны, и общечеловеческие ценности, которые вы здесь сегодня обсуждаете, — верховенство права, демократия, свобода слова и коллективная безопасность — принесены в жертву националистическому империализму. Результатом этого стала жестокая война, крах системы европейской безопасности и полная политическая и экономическая изоляция России. Есть опасность, что эта изоляция распространится и на гражданское общество России. Вчера мы узнали, что будет прекращено вещание телеканала «Дождь» в Латвии. Европейские страны больше не выдают визы гражданам России, и между лауреатами Нобелевской премии мира России и Украины даже возник конфликт. Я думаю, что в такой ситуации ваш форум — сильное заявление, обращенное к нам, представителям Запада, и мы его слышим, мы готовы и впредь поддерживать вас, молодых демократов, критически настроенных россиян. Мы открыты для этой другой России.

И еще одна ремарка с моей стороны. Поскольку в прошлом я немецкий дипломат, я хочу сказать несколько слов о политике Германии в отношении России. Она, как мне видится, коренным образом изменилась, что служит как бы фоном для сегодняшней конференции. Германия долго контактировала с Кремлем, но уже через три дня после начала войны канцлер ФРГ Олаф Шольц произнес на английском языке свою известную речь, действительно ознаменовавшую полный поворот политики Германии в отношении России. Фундаментальные принципы этой политики в одночасье были отменены, включая, например, зависимость от импорта энергоресурсов из России. Канцлер не стеснялся в выражениях, а в недавней статье в американском журнале *Foreign Affairs* он заявил: «Реваншистский империализм должен быть остановлен. Чтобы закончить эту войну, Россия должна вывести свои войска». Он не призывает к переговорам.

И в то же время в Германии идут оживленные дебаты о политике в отношении России. Одни считают, что нам следует вернуться к импорту или торговле газом через «Северный поток». Другие — что мы должны поставлять Украине больше тяжелого вооружения, тяжелых танков. Но понятно, что в любом случае центр тяжести дебатов полностью сместился и Кремлю, когда дело доходит до противостояния и агрессии, нельзя недооценивать не только решимость Украины, но и решимость Германии и Европейского союза.

Знаки большой истории

Уважаемые дамы и господа, добро пожаловать в Фонд Генриха Бёлля! Спасибо всем за то, что вы здесь! Я почитаю за честь вновь принимать вас в этих стенах. Тем более что сегодняшний обмен мнениями происходит на фоне больших проблем, вызванных войной. Наш фонд признан нежелательным в России. Должен сказать, что это не столько осложняет нашу работу, сколько создает проблемы для всех, кому дороги идеи созидания гражданского общества в России и кого мы были бы рады видеть сегодня.

Позвольте мне вначале несколько реплик лично характера. Я родился почти в России, потому что мои родители путешествовали, когда моя мать была беременна, и они должны были решить, остановятся ли они в это время где-нибудь в Азии. И пропустили один из транзитных транссибирских поездов (это было в 1982 году), но они все же успели, я родился прямо у стены между Западной и Восточной Германией с западной стороны и никогда не забуду тот образ, который возник у меня в детстве, когда я гулял на самой высокой горе в Германии, где стояли советские военные. Это было всего через несколько дней после того, как рухнула Берлинская стена. Шел снег, и советские солдаты передо мной. Этот образ до сих пор остается в моей голове, так как он имеет отношение к тому, о чем мы говорим, — к большой истории.

А через 17 лет я отправился в летнюю школу в Санкт-Петербурге, организованную «Мемориалом» и Фондом Бёлля, в качестве стипендиата. И встретил там много стипендиатов с российской стороны, и это был еще один момент, который я никогда не забуду. Это были 2004–2005 годы — время, когда все еще было много надежд. Окружавшие меня молодые люди надеялись повлиять на развитие своей страны, заложить в России основы гражданского общества.

Ян Альбрехт,
немецкий политический
деятель, вице-президент
Фонда им. Генриха Бёлля

А спустя десять лет, сразу после аннексии Крыма, когда я был депутатом Европарламента и мы готовили Соглашение об ассоциации между Украиной и ЕС, все понимали, как это важно. И в результате Европарламент проголосовал за Соглашение об ассоциации, но, с другой стороны, мы этого не сделали, только проголосовали. Так как не вполне осознавали, насколько серьезно происходящее, у нас не было тогда об этом полного представления. И получили дальнейшее развитие другие меры, связанные с «Северным потоком». Конечно, это было непоследовательное действие. Поэтому я считаю важным всегда смотреть на то, что пошло не так. И добавлю к сказанному несколько других замечаний о том, откуда мы родом, потому что теперь я имею честь представлять Фонд Генриха Бёлля.

Когда я был в Европейском парламенте и голосовал в 2014 году за Соглашение об ассоциации с Украиной, я должен был встретиться с Вернером Шульцем. Это был мой коллега, тоже европарламентарий, а до этого

*Война Путина является
выражением и симптомом
глобального кризиса,
кризиса многосторонности,
глобальной геополитической
напряженности, и потому
правильно, что Школа
гражданского просвещения
отправилась на поиски
утраченного универсализма*

один из главных участников гражданского сопротивления в ГДР, а позже — один из основателей партии «Союз 90/Зеленые». И вот, к сожалению, 9 ноября, то есть совсем недавно, в тот же день через 33 года после падения стены, он умер. И я вспомнил, что мне нужно было поговорить с ним за несколько недель до воссоединения немецкой группы зеленых и группы зеленых парламентариев, поэтому я спросил его, что двигало им и его сторонниками до падения стены, на что они надеялись. А он ответил, что в советском обществе тоже не особенно

надеялись на перемены, однако они произошли. Я думаю, это сильное послание сегодняшним и будущим борцам за демократию и свободу.

И позвольте мне сказать еще пару слов о Фонде Бёлля. Буквально на прошлой неделе мы отмечали день рождения Петры Келли, немецкого политика, активистки борьбы за мир, бывшей в числе основателей партии «Зеленые». На этом мероприятии кто-то вспомнил, что когда-то Петра цитировала высказывание Генриха Бёлля о том, что настоящая реальность находится немного за пределами того, что мы можем видеть. То есть как в той неясной ситуации, о которой я говорил с Шульцем, так и в сегодняшней, действительно темной атмосфере истинная реальность на несколько шагов впереди, но есть шансы, которые мы не можем осознать сейчас, но они есть. И мы должны быть готовы воспользоваться ими.

День в Школе. В центре – социолог Юрий Левада

30 лет Московской школы гражданского просвещения прошли в подготовке россиян к созданию гражданского общества. Это великолепная работа, и мы, представители фонда, гордимся тем, что по мере сил участвовали в ней. Тем более важно, чтобы мы вместе продолжили этот путь. Хотя, конечно, сегодня мы сосредоточены на войне и на том, как бороться с путинским режимом. Но нужно понимать, что война Путина является выражением и симптомом глобального (в том числе и климатического) кризиса, кризиса многосторонности, глобальной геополитической напряженности, и потому правильно, что Школа гражданского просвещения отправилась на поиски утраченного универсализма.

В мире происходят серьезные изменения, они распространяются на все области, регионы, на все правительственные и оппозиционные движения, на многие государства, в которых наметилась трещина между универсализмом и тоталитаризмом. И об этом мы тоже должны поговорить, о том, каким мы видим будущее Европы и разных стран.

*Ральф Фюкс,
немецкий политик,
основатель и управляющий
директор Центра
либеральной современности*

Мы не имеем права быть наивными

Елена и Юрий, дорогие друзья, я сейчас немного волнуюсь. Во-первых, из-за того, что этот дом — Фонд Генриха Бёлля — был моим постоянным домом более 20 лет. Во-вторых, я и теперь работаю со многими русскими, которых называют «другой Россией».

После начала войны, особенно в последний месяц, мы говорили с моими друзьями, активистами из России, Украины, других центрально-восточных европейских стран, о будущем России. И во время этих разговоров я невольно обращал внимание на два лагеря, или две школы мысли. В одном лагере скептики. Они считали и считают, что в обозримом будущем от России нельзя ждать чего-то позитивного, речь может идти только о ее сдерживании, удержании и устрашении. Представители другого лагеря призывают не списывать Россию со счетов. Россия — не только Путин, есть и другая Россия. И не стоит недооценивать процесс культурной модернизации последних 20 лет. Тысячи людей занимались проблемами демократического развития страны, обрели политические знания и навыки, которые понадобятся, когда Россия проиграет и появится окно новых возможностей.

Я не могу быть судьей в отношении представителей того и другого лагеря. Но я бы сказал так: «Давайте будем готовы к неожиданностям. Возможно, перемены придут быстрее, чем мы можем себе представить сегодня».

Мне нравится, что Лена говорит о современности. Это очень близко нашим представлениям, которыми мы руководствовались при создании Центра либеральной современности. Современность — не только современные технологии. Это и набор ценностей, и представление о человеческом достоинстве, и

гражданские права. Без общечеловеческих и демократических ценностей мир легко может вернуться к варварству.

Но я не смею читать вам лекции о России, многим из вас лучше меня известно, что там происходит. Я бы предпочел немного поговорить о мировых тенденциях относительно демократических ценностей и о состоянии либеральной демократии. Я буду больше ориентироваться на западные реалии, и, возможно, это будет вам интересно.

То, что происходит сейчас в Украине, что происходит в России, является частью более широкого конфликта, глобальной борьбы между либеральными демократиями, либеральными идеями с антилиберальной контрреволюцией. Мы сталкиваемся с этим во многих местах. И, говоря о будущем демократического универсализма, мы не можем не говорить о войне в Украине. Потому что это не двусторонняя война, проблема значительно шире. Это попытка восстановить империю, оставив Украине статус российской колонии. И будущее Европы будет очень сильно зависеть от того, сохранит ли Россия агрессивное имперское мышление или через поражение в Украине откажется от идеи империи и станет современным государством с определенными границами. Недавно я наткнулся на слова Вацлава Гавела о том, что Россия не знает, где она начинается и где заканчивается. Вот еще одна из причин войны с Украиной.

Атака на европейский порядок безопасности со всеми его принципами, закрепленными в Хельсинкском соглашении, а затем и в Парижском меморандуме, на равный суверенитет всех европейских государств, на запрет применения силы для изменения границ — это удар по международному праву и либеральному мироустройству России, члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Россия должна выступать гарантом международного права, но де-факто попирает его. То, что происходит в Украине, граничит с геноцидом. Это война на уничтожение, чего не было в Европе со времен окончания Второй мировой войны и в меньшем масштабе постюгославских войн.

Наконец, эта война является частью нового системного конфликта между демократиями и авторитарными державами. Война будет глубоко и существенно определять будущее Европы.

Мы отчаянно пытались убедить наш политический класс и немецкую общественность в том, что это и наша война. Она касается и нас. Дело не только в солидарности с Украиной. Дело в защите базовых принципов европейской демократии и европейского порядка безопасности. В более широкой и отдаленной перспективе происходящее можно рассматривать как часть долгосрочной борьбы между демократизацией и своего рода авторитарной рецессией, с которой мы сталкиваемся во многих

Я бы предпочел поговорить о мировых тенденциях относительно демократических ценностей и о состоянии либеральной демократии

странах. После 2005–2006 годов мы в глобальном масштабе наблюдаем сокращение как числа избирательных демократий, так и полностью развитых демократий. Ларри Даймонд, один из известных американских исследователей демократии, называет происходящее глобальной демократической рецессией. В этом термине есть смысл, поскольку прежде мы наблюдали длительный период очень успешной глобальной либерализации — экономической, политической, затем и культурной, — а теперь происходит как бы отскок назад. Вернулась характерная для 20–30-х годов прошлого века важность фигуры сильного политического лидера, такого как Путин или Си Цзиньпин, в более или менее демократических странах — Эрдогана, Трампа или Моди (Индия). Вы можете наблюдать процесс эрозии либеральной демократии в Венгрии, Польше, Турции. Идет нарастание политической поляризации и культурных войн в демократических странах. Вероятно, США — наиболее продвинутый пример этого процесса.

С другой стороны спектра — сверхмощные авторитарные режимы. Режимы, которые переходят от авторитаризма к полноценной диктатуре и даже к разновидности современного тоталитаризма (например, Китай), которые я бы назвал цифровым либертарианским правлением. Частью этой более широкой картины является эрозия нормативного международного порядка и ослабление многосторонней международной системы с Организацией Объединенных Наций.

Вы спросите, каковы коренные причины спада или кризиса, отступления от либеральных демократий? Причины разные. Одна из них — социальная и экономическая, я бы назвал ее оборотной стороной глобализации. Глобализация была в определенной степени огромным успехом, позволившим примерно 1,5 миллиарда людей подняться из крайней нищеты к современному образу жизни среднего класса в Китае и других странах. Но в то же время глобализация сопровождалась растущим экономическим неравенством, беспокойством, особенно среди среднего класса западных стран, и все большей социальной поляризацией, снижением восходящей мобильности в большинстве западных обществ. Той мобильности, при которой вы можете подняться вверх по социальной лестнице собственными усилиями благодаря образованию и упорному труду. Это одно из основных обещаний либеральных демократий. Но если происходит все больший и больший возврат к классовому обществу с его очень малой социальной мобильностью между классами, это тоже подрывает легитимность демократии.

Еще одной причиной процесса, на мой взгляд, является нарастающая незащищенность, в особенности в западных странах. Период фундаментальных, быстрых и параллельных изменений с глобализацией, цифровой революцией, в культурном плане, с гендерной революцией, миграцией, превращением наших обществ в многоконфессиональные общества — этот период сопровождается своего рода постоянным

стрессом. Потребность в безопасности становится доминирующей в публичном дискурсе. Это надолго, и это, конечно, часть модернизации с эрозией форм, прежде стабилизирующих социальные системы, принадлежность, скажем, к церковной общине, или того, что мы можем назвать коррозией традиционной культуры рабочего класса с его профсоюзами и соответствующими институтами. Все больше распадается связь поколений внутри семей из-за мобильности молодых людей, покидающих родные места.

Все перечисленные явления подрывают чувство безопасности в условиях современного общества. Задача состоит в том, чтобы создать новые институты и новые социальные сети, заменяющие традиционные институты.

Еще один фактор — влияние социальных сетей. Полагаю, большинство из нас поначалу рассчитывали, что рост социальных сетей — огромная, демократическая по своей сути возможность для каждого находиться в публичном пространстве, быть не только потребителем, но и производителем публичного дискурса. Но теперь оказывается, что все больше социальных сетей работают иначе. Я бы назвал это племенной обработкой наших обществ, разделением на различные социальные, политические и культурные племена. И еще один способ политической поляризации: двери открыты для систематической дезинформации, и Россия является одним из мастеров новой технологии информационной войны.

Возможно, следующим фактором надо назвать перегрузку демократических правительств многочисленными кризисами. Параллельно идут инфляция, войны, энергетический кризис, миграция. Что, понятно, вызывает сомнения в способности либеральных демократий управлять фундаментальными изменениями, в эффективности либеральных демократий. Особенно в сравнении с Китаем, который, как я считаю, является главным вызовом демократии. Есть немало открытых или молчаливых поклонников китайской модели на Западе, причем не только в бизнес-сообществе. Дело в том, что до недавних событий Китаю удавалось сочетать две вещи, которые мы долгое время считали несовместимыми: жесткий авторитарный контроль над обществом и одновременно экономический динамизм. Это имело социальные последствия, повлияло на мобильность сотен и миллионов людей. Либеральные демократии с их вечным поиском компромиссов и долгими процессами принятия решений замедляли сами эти процессы, а в кризис надо действовать быстро.

Параллельно падает вера в честность политического класса и демократических институтов. Даже в Германии, в прошлом стабильной опоры европейских демократий. В ходе репрезентативного опроса в стране 31% опрошенных согласились с тем, что все мы живем в мнимой демократии. В Восточной Германии даже 45%, почти половина населения.

Что делать, как противостоять этим тревожным явлениям? Чтобы не слишком задерживать ваше внимание, я просто перечислю некоторые предварительные ответы.

Первое. Я думаю, многие, особенно либералы, долгое время недооценивали важность общественных институтов, инвестиции в государственные учреждения. Эти институты есть у всех нас: государственное образование, общественный транспорт, общественная безопасность, а также культурные учреждения, театры, музеи. Далее, судебная система, которой доверяют, если она действительно гарантирует гражданские права и справедливость в экономических, политических делах. Инвестиции в государственные институты, я полагаю, крайне важны для снижения чувства незащищенности и нестабильности. Это якоря безопасности во времена бурных перемен.

Второе. Демократия — не только свободные и честные выборы. Демократии должны удовлетворять основным потребностям, обеспечивать экономическую модернизацию, инклюзивный устойчивый рост.

Третье. Потребность в политическом лидерстве и четкой коммуникации. Это особенно ясно сейчас, во время войны против Украины. У нас в обществе много дебатов, очень жарких споров по поводу этой

Граждане ведь не потребители демократии, они прямо заинтересованная сторона во всех общественных делах

войны. Все больше разговоров о том, что война слишком дорого обходится нам из-за роста цен на энергоносители, из-за инфляции, угрозы экономического спада. Почему мы должны платить за свободу и независимость Украины? И тут как раз важно политическое лидерство, четкие и сильные послания, объясняющие, почему

победа в этой войне отвечает и нашим интересам. Мы не можем пренебречь Украиной, это означало бы угрозу нашим интересам и будущему Европы.

Далее — усиление транснационального управления, возможность европейских национальных государств, особенно малых и средних, участвовать в разрешении глобальных проблем. Учитывая кризис системы ООН, нам нужно создавать больше международных коалиций, которые бы следовали в своей деятельности общим для всех правилам. Более широким и активным должно быть участие в процессах самих граждан. Граждане ведь не потребители демократии, они прямо заинтересованная сторона во всех общественных делах. Привлечение к принятию политических решений укрепляет и представительную демократию, повышает ответственность людей.

Регулирование социальных сетей сократило бы пространство разжигания ненависти и дезинформации, обеспечило бы большую безопасность во времена критических перемен, освободило бы людей от страха социальной маргинализации и одновременно вызвало бы у них

Бэнкси. Христос с покупками. 2005

ощущение солидарности. Абсолютно необходимо ощущать, что ты не один в трудные времена, что существует базовая солидарность, выходящая за пределы людей самых разных интересов и разных политических взглядов.

И, наконец, я думаю, мы должны заново открыть для себя, особенно в Германии, понятие «демократии, способной защищать себя». Не только от внешних угроз, авторитарных держав, готовых применить силу, но и внутренних. Мы не имеем права быть наивными, закрывать глаза на то, что в нашем обществе есть противники либеральной демократии. Я ярый сторонник свободы слова в очень широком толковании, так же как и права на инакомыслие, права придерживаться разных политических взглядов, даже если они действительно кажутся странными. Но когда дело доходит до применения насилия, политического насилия и того, что я бы назвал организованной дезинформацией, подрывающей целостность общества, демократии должны быть более бдительными, чем это было в последние десятилетия.

Возвращаясь к началу, еще раз скажу, что надо помочь Украине выиграть войну. Это абсолютно необходимо для будущего либеральной демократии внутри и за пределами Европы. Европейский союз и Трансатлантический альянс должны быть надежными партнерами демократических движений и в авторитарных странах.

И, наконец, я убежден, что нам нужно вернуть себе ощущение и идею прогресса. Не единой идеи будущего, а многообразия идей, направленных на лучшее будущее. Открытые общества потому и открытые, что они заключают в себе веру и уверенность в том, что мы все вместе можем изменить ситуацию.

*Доминик Моизи,
соучредитель и старший
советник Французского
института
международных
отношений (IFRI)*

Когда отрицательные эмоции торжествуют над положительными

Я познакомился с Леной и Юрой чуть больше 30 лет назад. Они были для меня, так сказать, кульминацией и персонализацией очень счастливого периода. Тогда страна за страной, как домино, двигались в правильном направлении, которое было, по удачной формулировке Милана Кундеры, возвращением в Европу. А в декабре 1989 года Диана Пинто, моя жена, и я гостили в Москве у наших друзей, с которыми мы подружились за несколько месяцев до того в нашем доме в Нормандии.

Итак, мы были с ними, и мы вместе с ними наблюдали за падением режима Чаушеску в Румынии. И когда мы увидели эти фотографии, brutальные, жестокие, наш русский друг сказал нам: «Видите ли, когда в Россию придут перемены, это будет румынский вариант, не чешский, не бархатный». Но менее чем через три года передо мной уже было улыбающееся энергичное лицо другой России. И я сказал себе: «Ну, может быть, мой русский друг ошибался, может быть, Россия сможет стать нормальной страной, возможно, Россия когда-нибудь тоже станет демократическим государством».

На самом деле, Лена, я сейчас открою секрет, на который вы спустя 30 лет можете отреагировать по-разному. В вас, Лена, я видел европейскую женскую версию Мартина Лютера Кинга. У вас была мечта, и эта мечта стала нашей мечтой. Нам повезло. Потому что это настоящая удача — донести свою мечту до Генерального секретаря Совета Европы, которым тогда была Катрин Лалюмьер, а потом и до Джорджа Сороса. Убедить их, что им стоит увидеться с вами, и посмотреть, разделят ли они вашу мечту, как это сделали мы. Остальное уже, как говорится, история.

На нынешнем мемориальном форуме есть два гостя, о которых я хотел бы сказать пару слов.

Один из них — молодой французский дипломат. Ну тогда, в годы, о которых речь, он был молод, очень молод. И смел. Он встретил меня в аэропорту Москвы, чтобы взять чемодан, набитый запрещенными книгами. Он рисковал, я рисковал, но все закончилось хорошо. И я благодарю Пьера Бюлера за то, что он сделал тогда, и за то, какой он есть.

Второй человек — я бы сказал, мой лучший немецкий друг — Михаэль Мертес. Я познакомился с ним в 1989 году в его кабинете в канцелярии канцлера. Я тогда написал статью после падения Берлинской стены, мы обсуждали с Эли Визелем значение падения этой стены. Визель сказал: «Я боюсь того, что находится за стеной». А я написал прямо противоположное. Дескать, очень горжусь тем, что я приехал в Берлин, чтобы привезти оттуда маленький кусочек стены и поставить его перед своим столом как символ примирения трех моих идентичностей — как француза, как европейца и как еврея.

Немецкому правительству это понравилось. Меня пригласил Гельмут Коль, но вместо Коля встретил Михаэль, и я поразился теплоте и простоте немецкой администрации, столь отличной от французской. Теперь, спустя 30 лет, я понимаю, что это особенность Михаэля, а не немецких или французских кабинетов. Хотя в некотором роде и особенность, история того периода.

Какие интеллектуальные, не столь личные уроки сейчас вырисовываются для меня? Я не собираюсь спрашивать себя, что пошло не так. Многие люди делали это. Да, я вижу большие различия в настроении 30 лет назад и сегодня. 30 лет назад торжество либеральной демократии в глазах Фрэнсиса Фукуямы означало «конец истории». Сегодня, в 2022-м, формула «конец истории» может интерпретироваться буквально и трагичнее. «Конец истории» потому, что идет игра с ядерным оружием, и потому, что планете угрожают последствия изменения климата.

Тридцать лет назад позитивные эмоции доминировали над негативными. Полтора десятилетия спустя я написал книгу, которая благодаря Школе была переведена на русский язык и называлась «Геополитика эмоций». Она о том, как культуры страха, унижения и надежды меняют мир. В книге я пытался нанести на карту эмоции мира, смотрел на эмоции как на холестерин. Как известно, есть хороший холестерин и есть плохой холестерин. Есть хорошие эмоции, такие как надежда, и плохие эмоции — страх и унижение.

Сегодня торжествуют эмоции, и, к сожалению, отрицательные эмоции преобладают над положительными. Сегодня парадоксальным образом надежду стоит искать в Украине, противостоящей путинской агрессии, в Китае, борющемся с COVID-19. Сегодня, если посмотреть

*У вас была мечта,
и эта мечта стала
нашей мечтой.
Нам повезло*

на мир глобально, приходится признать, что не только страх — новые негативные эмоции вышли на первый план, такие как гнев, обида, ненависть. Причин тому множество. Одна из них, вероятно, связана с негативными последствиями глобализации. С экономической, социальной, культурной точки зрения глобализация сопровождалась взрывом неравенства и взаимозависимостью. Это заставило кого-то — я бы сказал, от отчаяния — обратиться к, в сущности, незначительным, маргинальным различиям между людьми. Кто я в этом глобальном мире? Вывод: я — это я, и я уникален! Такой поиск идентичности привел к очень негативным последствиям.

Следующее принципиальное изменение. Думаю, с геополитической точки зрения Америка впервые пошла на военные авантюры, которые сильно отдалили ее от остального мира и разделили ее внутри самой себя. А в 1989-м была Америка, которая играла положительную роль в мире. Теперь этот фактор стабильности в значительной степени утрачен. Мы находимся в новом мировом (бес)порядке, где авторитарный режим считает, что настал его день. И если вы попытаетесь понять решение России вторгнуться в Украину, вам, вероятно, придется обратиться к тому, что произошло 6 января 2021 года, — к захвату Капитолия. И к тому, что произошло 15 августа 2021-го, — к унижительному отступлению Америки и ее союзников из Афганистана. И к захвату Крыма в 2014-м, который прошел так легко. Это последовало непосредственно после отказа Барака Обамы провести красную линию в отношении режима Башара Асада в Сирии, который применил химическое оружие против своего населения.

Я думаю, это тоже причина того, что отрицательные эмоции торжествуют над положительными. Мир выглядит и есть на самом деле намного опаснее, чем он был на протяжении многих лет после окончания Второй мировой войны. Мне 76 лет, и я говорю своим ученикам, что никогда не знал такой страшной ситуации, как сегодня. Тем более что ядерное оружие воспринимается уже многими как некая абстракция. Для Кеннеди и Хрущева в 1962 году еще живы были образы Хиросимы и Нагасаки. Теперь это не так, особенно в отношении Путина.

Думаю, сегодня очень важный поворотный момент. Россию из-за путинской агрессии полностью изолировали от Запада. Но Путин утверждает, и небезосновательно, что как Россия изолирована от Запада, так и Запад изолирован от всего остального мира. Это не ложь, во всяком случае, не совсем ложь. Крайняя осторожность, нейтральность таких гигантов, как Китай и Индия, поведение стран Африки и Латинской Америки продемонстрировали большое понимание Путина. Почему? Я назвал бы это весом или даже лишним весом прошлого. В их сознании Россия остается наследницей Советского Союза, в то время как США и страны Европы, поддерживающие Украину, являются наследниками имперской и колониальной эпохи.

Мы пытаемся убедить их, что новый империализм появился сегодня в Москве или в Пекине, но они не обращают на нас внимания. Тем более что, например, африканские режимы рады, когда им не задают «лишних» вопросов, не заставляют больше уважать права человека, что у них есть российский газ и нефть по хорошей цене, бесплатное российское оружие, более того — российские наемники, дабы защищать их режимы. Такая вот не самая лучшая эволюция.

И все же через 30 лет я чувствую в себе тот же энтузиазм, что когда-то привел меня к мечте Лены и Юры. Теперь эта мечта родом из Украины. Переехала, так сказать, из Лениной московской кухни в Киев.

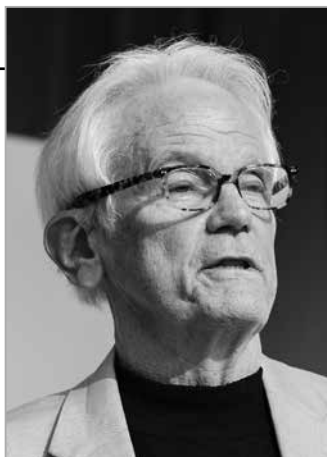
И раз уж мы заговорили об эмоциях, скажу, что я был растроган документальным фильмом на ВВС об Украинском оркестре свободы, созданном молодыми украинцами. Их 75 человек, минобороны Украины освободило музыкантов-муж-

чин от воинской повинности на время гастрольного турне. Они выступают в Королевском Альберт-холле в Лондоне, в Берлине, Мюнхене, Гамбурге, Амстердаме, Дублине, Нью-Йорке и Вашингтоне. И дирижер этого оркестра говорила перед камерами, что ее дирижерская палочка крепче штыков российских солдат. Это прекрасный пример стойкости.

После первых полутора дней, проведенных в Школе, я опять полон энергии и оптимизма. В Школе есть особый дух, вибрации, вселяющие надежду, хотя я реалист и не рассчитываю, что завтра в России наступит демократия. Не исключено, что если Путина устранил ФСБ, решив, что он не справился с работой или справился с ней плохо, его преемник может быть еще хуже. Но тем не менее история продолжается, и Школа представляет собой не поиск утраченного универсализма, а предельную стойкость универсализма. Я благодарю вас, Лена и Юра, не только за то, что вы сделали, но и за то, кто вы есть.

*В Школе есть особый дух,
вибрации, вселяющие
надежду, хотя я реалист и не
рассчитываю, что завтра в
России наступит демократия*

---

*Шелби Коффи,
в прошлом редактор
Los Angeles Times,
президент
CNN Financial News*

А что же с правдой?..

Я журналист. Я привык подвергать сомнению почти все. И я хотел бы поблагодарить вас, участников встречи, за то, что вы растопили лед повсеместно нагромождаемого вранья.

Я сейчас вспомнил о своей жене, которая работает врачом скорой помощи. Мы женаты уже больше пятидесяти лет, и однажды я спросил ее: «Как ты можешь быть врачом отделения неотложной помощи? Люди приходят, они истекают кровью (мы тогда, в разгар бандитских войн, были в Лос-Анджелесе), кричат от боли. Ты должна принять решение за секунды...» Она ответила: «Мне нравится моя работа, потому что это мир без всякой чуши». Я сказал: «Ну, дорогая, а я в самом центре дерьма. И именно поэтому мы с тобой отличная команда».

Хотите пример, как именно это работает? Вы фильм с Джеком Николсоном «Лучше не бывает» видели? В фильме герой Николсона решается на секс с дамой, и он идет за небольшой химической поддержкой. Но! У него проблемы с сердцем! Его отвозят в отделение неотложной помощи. Доктор говорит ему, что если он примет виагру, лекарство, которое ему собираются ввести, убьет его. И Джек Николсон говорит: «Подождите минуточку».

Вот почему моей жене так важен мир без всякого вранья.

Есть одно высказывание, с которым я согласен. О том, что правда в конце концов выходит наружу не потому, что люди любят правду, а потому, что им нравится ловить лжецов. Мы с вами в болоте постоянной лжи со стороны государственных мужей, разных групп с «особыми интересами». Эрнест Хемингуэй говорил в свое время, что хорошему писателю нужен «детектор дерьма». Вот и всем нам он необходим,

потому что, как писал Джордж Оруэлл, политический язык служит для того, чтобы ложь звучала правдиво, чтобы убийство выглядело респектабельным и чтобы воздух можно было схватить руками. Сказано это было в 1946 году, когда газеты еще занимали главное место в средствах массовой информации. Двадцать лет спустя, когда я пришел в The Washington Post, примерно 80 процентов публичного дискурса диктовали 25 мужчин и одна женщина — Кэтрин Грэм. Ее называли гранд-дамой американской прессы, а в опросе Gallup — самой влиятельной женщиной в мире. Это не был универсализм, но нечто настолько близкое к универсализму, насколько это возможно во времена холодной войны.

*Теперь мы живем в мире
Вавилонской башни.
В мире интернета и
социальных сетей, где все
крутится и извращается,
в мире сфабрикованной
лжи, слежки, фейков*

Теперь мы живем в мире Вавилонской башни. В мире интернета и социальных сетей, где все крутится и извращается, в мире сфабрикованной лжи, слежки, фейков, которые совершенствуются с каждым месяцем. Один специалист как-то сказал мне, что если он получит часовую запись моего голоса, он может смонтировать из нее все что угодно, и ни один эксперт не подкапается.

Это одна из четырех ключевых оппозиций, которую я хочу обсудить: мир Вавилонской башни, в котором кто-то имеет право решать за нас и получает для этого определенные ресурсы и возможности. Трезвые голоса еще звучат, но они приглушены многочисленными, часто анонимными троллями и пропагандистами, спешащими воспользоваться любой возможностью, чтобы ограничить власть институтов, экспертов, авторитетов.

Бывший аналитик ЦРУ Мартин Гурри в своей книге «Восстание общественности» пишет о «второй оппозиции». Это технооптимисты, работающие против трех «П». Три «П», по определению венесуэльского политика Мойзеса Наима, означают три общих черты авторитарных режимов — популизм, поляризацию и постправду. «Популисты придерживаются правила “разделяй и властвуй”, чтобы объяснить все», — говорил Наим. С помощью политики идентичности партии превращаются в «спортивные команды», сторонники которых ненавидят сторонников других «спортивных команд», — отсюда и поляризация. А с подъемом соцсетей каждый может постить, что кому вздумается, а люди не знают, кому верить; так мы входим в эру «постправды».

Однако благодаря журналистике я познакомился и со многими хорошими и великими людьми. Я несколько раз обедал с Винтоном Серфом, фактическим изобретателем интернета, созданного, в частности, для того, чтобы в случае ядерной войны с Россией продолжали передаваться сообщения. Я познакомился с сэром Тимом Бернерсом-Ли, изобретателем Всемирной паутины. По мере роста проблем с дезинформацией

сэр Тим попытался найти способы, как помочь отслеживать надежность ключевых сайтов. Я думаю, что этих гениев и таких людей, как молодой Марк Цукерберг (в отличие от позднего Цукерберга), объединял техно-оптимизм. Они хотели создать мир коммуникации через любые расстояния, чтобы люди говорили друг с другом и правительства благодаря новой технологии были бы не в состоянии заставить замолчать голоса инакомыслящих. Я думаю, они разделяли взгляд на человеческую природу как очень похожую на их собственную: бесконечно любознательную, неудержимо изобретательную, в целом доброжелательную.

Но помните «арабскую весну»? Вслед за ней пришли три «П» автократии. У новых технологий проявился второй «родовой признак». С их помощью стало возможным отслеживать диссидентов, использовать широкую коммуникацию для разжигания ненависти, переписывать историю. Методы этой ультравооруженной пропаганды заразительны. Мы наблюдаем их от Тегерана до Пхеньяна, от Кремля до Каракаса. Приемы все похожие. Случайно ли использование по обе стороны Берлинской стены слова *comrades* («товарищи»), которое когда-то звучало скорее с сарказмом? Случайны ли фотографии, на которых Владимир Путин швыряет чемпионов России по дзюдо на мат, как мешки с картошкой? Или Ким Чен Ын, в первом раунде выигравший у нескольких голландских чемпионов игры в гольф? Таковы развлечения, играющие на создание культа личности в новую эпоху. И они ведут нас к третьей оппозиции: истории против правды, основанной на доказательствах и критическом мышлении.

Мы, люди, любим истории. Джоан Дидион, писательница, публицистка, икона американской культуры 60–70-х, говорила, что мы живем историями. Или, как пишет журналист и писатель Уилл Сторр в книге «Наука сторителлинга», истории помогают нам, но иногда они обманывают и предают нас. В моем чудесном и любимом приемном городе голливудские «разноцветные очки» преследуют нас во сне своей зловещей красотой, силой и сексом. Необузданная сила историй такова, что даже Пекин недавно пригласил к себе голливудских режиссеров, чтобы научить своих пропагандистских мастеров некой магии. Великие аферисты описывались во все времена, начиная с «Илиады», но сегодня таких лидеров и таких историй слишком много. А что же с правдой?

Во время Уотергейтского расследования, приведшего к отставке президента, я работал на Бена Брэдли, легендарного редактора *The Washington Post*. Он обычно возвращал нам наши идеи публикаций с небольшой пометкой: «Интересно — если это правда». И нам в эпоху той журналистики необходимо было получить доказательства, найти свидетельские показания, подходить к выводам с осторожностью, приводить мнения разных сторон и, если это возможно, заполучить дымящийся пистолет в виде меморандума или магнитофонной записи.

Репортеры Уотергейта Вудворд и Бернштейн знали, что абсолютная правда недостижима ни с философской, ни с практической точки зрения. Но они добивались, как сами это называли, «наилучшей доступной правды». Когда мы отправлялись на выполнение сложных заданий, всегда забавный Бен Брэдли, фанат Джеймса Бонда, как и его большой друг президент Джон Ф. Кеннеди, призывал не делать ошибки: «Не лезь в учебники истории по этому поводу, парень».

Это приводит нас к четвертой оппозиции: история как индоктринация*.

По правде говоря, мы в нашей своенравной прессе, не претендуя на абсолютную и окончательную правду, все же думали, что пишем первый черновик истории. Хотя горячий, с пылу с жару «продукт» не всегда верный. История искажается, сегодня — особенно часто. Мой друг, известный писатель Ричард Коэн, только что написал книгу о войне и мире историков под названием «Создание истории». Я безоговорочно рекомендую вам прочитать ее. Ее ключевая цитата: «Если вы хотите знать историю, сначала узнайте историка». Что означает: темперамент и происхождение писателя могут влиять на интерпретацию событий.

*Автократы любят
следовать священным
традициям своей страны
и вымарывать неудобных
из послужного списка*

Да, мы купаемся в море нарративов, но такими мы были всегда. Автократы любят следовать священным традициям своей страны и вымарывать неудобных из послужного списка. Помните великолепно-конфузные подчистки фотографий в день Первомая — трибуны на Красной площади? Их неуклюжесть в те дни, когда еще не было фотошопа, была источником удовольствия для тех из нас, кто работал в отделах новостей. Теперь по требованию госаппарата можно стирать целые события и даже выставлять дипфейки**. Это называется memory-hole***, над ними работают менеджеры по созданию репутации.

Все дело же в том, написана ли та или иная история добросовестно, с использованием доказательств, логики, открытости для новых свидетельств, достойных внимания. Те из нас, кто писал, будучи журналистом, первый черновой вариант, часто остро ощущали собственные недостатки. Когда я был редактором Los Angeles Times, когда приходилось публиковать поправки, нашей крылатой фразой была: «Еще один день

* Индоктринация — целенаправленное распространение, пропаганда какой-либо политической идеи, доктрины, учения в обществе или общественном слое для воздействия и формирования общественного сознания.

** Дипфейк — подмена фото-, аудио- и видеоматериалов с помощью нейросетей; англ. deep fake — комбинация двух терминов: «глубинное обучение» (от англ. deep learning) и «подделка, ложь» (от англ. fake).

*** Memory-hole — дыра в памяти, любой механизм преднамеренного изменения или исчезновения неудобных или смущающих документов, фотографий, расшифровок, записей.

Уильям Кентридж. Проект «Дурилаг». 2021–2022

без идеальной газеты». Ошибки были почти всегда гарантированы, поскольку мы ежедневно публиковали больше слов, чем в Новом Завете.

На самом деле я пришел к выводу, что работа над этим черновиком истории чем-то напоминает религиозный опыт постоянного стремления к святой жизни. Постоянно терпеть неудачу и все же стремиться делать и быть лучше других. Это противоположно идеологической обработке, и это должно быть универсальной целью.

Однако, как однажды было сказано, колесо истории крутят боги иронии. И слова Джорджа Оруэлла о политическом языке звучат сегодня так же верно, как и в год моего рождения. А люди хотят правды.

У смелой и доброй Школы Лены и Юрия почти тридцать тысяч друзей, и для меня большая честь быть одним из них. Причем, как говорят итальянцы, *cent'anni* — в ближайшие сто лет.

Сохранять универалистское спокойствие

Сергей Лагодинский,
депутат
Европарламента

Устойчивость (жизнестойкость) я воспринимаю не как нечто универсальное, а как человеческую способность регенерирования, восстановления формы. Однако во мне есть ощущение, что воинственность становится заменой устойчивости.

Я сейчас говорю о демократиях, я не говорю о России, Россия — особый случай. Я юрист по вопросам конституционного права и вижу опасность для демократов стать в каком-то смысле релятивистами. Бороться со всеми врагами демократии, бороться, бороться снова и снова. А нам на самом деле нужно учиться сохранять универалистское спокойствие, даже если это очень сложно.

Добавлю несколько своих комментариев к вопросу о релятивизме и рисках, с ним связанных.

На протяжении многих лет в публичных дебатах мы много говорили о культурном релятивизме. Например, о том, что определенные ценности, определенные нормы подходят для одной страны и не подходят для другой. Соблюдение прав человека всегда проблема, и нас спрашивают, почему мы, европейцы, хотим навязать права человека обществу России? Почему мы, западноевропейцы, хотим навязать свои предпочтения Польше или Венгрии? Такого рода вопросы бесконечны.

По этому поводу уже многое было сказано, но я постараюсь выйти за рамки сказанного и проанализировать ситуации, которые мы наблюдаем во время кризиса и продолжающейся войны. Остановлюсь на трех пунктах.

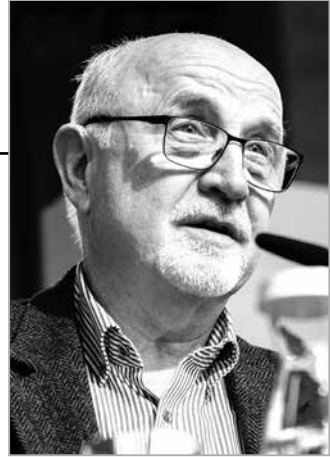
Первый — ситуационный релятивизм. Возьмем, к примеру, телеканал «Дождь». Определенные ценности и стандарты, которые мы считаем нормальными в мирное время, безусловно, относительно в военное

время. Но определенные стандарты, установки и рамки дозволенного иногда вырываются из контекста и помещаются в другой контекст. Например, латвийские власти говорят, что в военное время мы должны применять соответствующие войне стандарты. Однако у меня как у конституционного юриста вопрос: почему они говорят о военном времени? В состоянии войны находится Украина, и у нее есть, конечно, право, соответствующее военному времени. Но когда не объявлен закон о кризисе, о военном положении, через шумиху, через эмоции может происходить опасное сползание к релятивизму, вообще к относительности правовых норм.

Другой тип релятивизма — это, вероятно, релятивизм морали. Распространяются ли сейчас какие-то универсальные ожидания, характерные для всех? Или наши ожидания, стандарты, язык различаются в зависимости от того, кто, откуда родом, какое носит имя? Я родился в России, но в России за последние 30 лет был всего дней пять. Считаю себя европейским политиком, но в Германии никогда раньше не подвергался такому реэтнизированию, как в последние недели и месяцы.

И третий тип релятивизма, из-за которого я действительно не сплю по ночам, — относительный релятивизм исторического момента и всей истории, во все времена. Сейчас приходится принимать решения в плане нормотворчества. Я участвую в дискуссиях с нашими украинскими партнерами по поводу спецтрибунала. Объявление России террористическим государством требует от нас переоценки норм международного публичного права, которые мы считали универсальными, общепринятыми и непрерывными. Вопрос: готовы ли мы к тому, чтобы изменять эти правила в той мере, в какой этого требует конкретный момент? Это очень сложный вопрос, не в последнюю очередь нравственный. Мы, конечно же, хотим, чтобы жертвы российской агрессии добились успеха, не обманулись в своих ожиданиях. Но параллельно возникает другой вопрос: то, что мы делаем сейчас, окажет ли на будущий мировой порядок глобальное долгосрочное влияние? У меня нет на него ответа. Пока что я рад делать то, что мы вместе с нашими украинскими друзьями считаем необходимым и важным. Но мы не должны забывать, что несем ответственность не только за настоящее, за происходящее здесь и сейчас, но и за будущее.

О некоторых признаках утраты доверия в обществе

*Михаэль Мертеc,
политический и
общественный деятель,
писатель*

Дорогая Лена, дорогие друзья, я очень рад быть здесь, и я благодарен вам, Доминик, за добрые слова. Я был студентом в этой Школе с 1990 по 1994 год и многому научился, приобрел опыт, изменивший мою жизнь. Мне в связи с этим интересно, является ли дружба дорогой к просвещению? Вопрос, которым, вероятно, не задавался ни один философ. Позвольте мне задать его сейчас.

Но прежде я хотел бы обратиться к теме, не обсуждавшейся на нашем форуме. Мы говорили о журналистике, о достоверности фактов, но что такое факты?

На мой взгляд, важный, если даже не центральный вопрос для будущего универсализма заключается в том, удастся ли человечеству договориться о том, существует ли такая вещь, как истина. Хотя в любом случае мы можем по крайней мере пытаться стремиться к ней.

Истина, по выражению Иммануила Канта, является регулирующей идеей, стрелкой компаса, по которой мы должны ориентироваться. Другое простое, но, как мне кажется, очень мощное определение истины гласит: истина — это соответствие утверждений фактам. Оно конкурирует с другими определениями истины. Я упомяну еще два из них.

Истина есть соответствие утверждений мнениям и догмам.

Истина — то, что соответствует моей выгоде или выгоде моей группы.

Как показал философ Гарри Франкфурт, утилитаристское определение истины порождает чушь. Чушь как философское понятие — это тоже довольно интересно. По Гарри Франкфурту, автору чуши все равно, согласуются ли его заявления с фактами. В каком-то смысле автор чуши хуже лжеца, потому что лжец, в конце концов, определит разницу между истинным и

ложным. Автору же чуши совершенно безразлично это различие. Для него важно только то, принесет ли утверждение ему или его группе выгоду независимо от того, истинно оно или ложно. В отношении фактов он нигилист. Если какие-то факты ему бесполезны, он просто изобретет альтернативные факты.

Борьба за истину — одно из величайших интеллектуальных сражений нашего времени. На этом поле битвы мы находим варианты комбатантов*, правительственных и неправительственных производителей дезинформационных кампаний, изобретателей лжи, клеветы, фейковых новостей, чуши, как я уже упоминал, и, конечно же, огромную армию рассказчиков и распространителей теорий заговоров.

Эти комбатанты тесно сотрудничают друг с другом. Например, в нарративах теорий заговоров часто используются фрагменты нарративов, взятых из государственных кампаний по дезинформации.

*Борьба за истину —
одно из величайших
интеллектуальных
сражений нашего
времени*

Доминирование над всем этим — это то, что я бы назвал гармонией полного подозрения и полного сомнения. Вы не должны верить тому, что правительство, основные средства массовой информации или представители элиты говорят вам. Все не то, чем кажется, но мы расскажем вам, как оно есть на самом деле. Это основной нарратив всех заговорщиков. Как это ни парадоксально, гер-

меневтика тотальной подозрительности и тотального сомнения ведет к тотальной доверчивости. Сторонники конспирологии готовы принять величайшую чепуху при условии, что она не исходит из официальных источников.

Существует параллель с парадоксом тотального релятивизма. Если всякий поиск истины бессмыслен, если все зависит от точки зрения, то в конце концов победят те, кто кричит громче всех и имеет власть навязывать свою истину или свою точку зрения другим.

Последний момент. 95 процентов, может, даже 99 процентов того, что мы знаем, мы знаем не из собственного опыта, а из вторых или третьих рук. И мы считаем, что это правда. Почему? Потому что мы доверяем источникам.

Распространение и успех конспирологических нарративов всегда являются признаком утраты доверия в обществе. Но в глобальных отношениях доверие — необходимое условие мирного и плодотворного сосуществования.

В 2010 году Доминик Моизи в получившей международное признание книге «Геополитика эмоций» показал, что не только интересы

---

* Комбатант — лицо, принимающее непосредственное участие в боевых действиях в составе вооруженных сил одной из сторон международного вооруженного конфликта и имеющее в этом качестве особый юридический статус.

Альфред Стивенс (1817–1875). Правда и ложь

и стратегии оказывают глубокое, продолжительное и опасное влияние на мировые события, но и негативные эмоции, такие как страх или ненависть. Поэтому в битве за правду мы должны начинать не только с фактов, но и на уровень ниже, с эмоций. Важен не только головной мозг, но и мозжечок.

Каковы источники недоверия? Упомяну здесь только один момент, который кажется мне особенно важным. Конкуренция — это хорошо. Это может быть двигателем прогресса, если не исключает сотрудничества. Но когда конкуренты превращаются во врагов, сотрудничество становится невозможным. Общество распадается на племена, которые враждуют друг с другом. Концепция трайбализма* обсуждалась участниками нынешней дискуссии. Правда и добро — то, что приносит пользу моему собственному племени. То, что говорит мой враг, не может быть правдой или добром, потому что враг хочет меня уничтожить...

Этими краткими размышлениями я хотел бы закончить свое выступление.

А пока для всех нас остается вопрос: что нужно для восстановления утраченного доверия и каковы задачи гражданского общества, системы образования и СМИ в этом процессе?

---

* Трайбализм — форма групповой обособленности, характеризующаяся внутренней замкнутостью и исключительностью, обычно сопровождаемая враждебностью по отношению к другим группам.

Ось мировой истории, писал Карл Ясперс в своей книге «Смысл и назначение истории», следует искать там, где возникли предпосылки, позволившие человеку стать таким, каков он есть. Где с поразительной плодотворностью шло такое формирование человеческого бытия [между 800 и 200 гг. до н. э.], которое независимо от определенного религиозного содержания могло стать настолько убедительным — своей эмпирической основой для Запада, для Азии, для всех людей вообще, — что тем самым для всех народов были бы найдены общие рамки понимания их исторической значимости. (М., 1991. С. 32).

То есть, другими словами, в эпоху «осевого времени» (Achsenzeit) начинается общая история человечества, ибо тогда в разных местах планеты произошло нечто конгениальное по своему осевому — стержневому — результату. Конгениальное значит сходное по духу, образу мыслей. Это было время глубокой рефлексии, осмысления и выбора пути, время, когда на смену мифологическому мировоззрению пришло философское и религиозное мировоззрение. А сегодня во время глобального кризиса мы переживаем, несомненно, нечто схожее с такими историческими вехами «осевого времени», как Возрождение, Реформация, Просвещение, вступая в новое осевое время.

Ю. С.

Андреас Буммель,
соучредитель и директор
организации
«Демократия без границ»

Универсализм означает равное глобальное гражданство*

Известно, что национальное государство не является последним словом в социально-политическом развитии человечества. Как и продолжающиеся разговоры о мировом федерализме. Но чего мне действительно не хватает, так это современного видения. В темные времена, я думаю, нам всем нужна искра света, больше, чем когда-либо, верно? Нам нужно развивать видение. И, на мой взгляд, универсализм — это необходимость, учитывая угрожающие экзистенциальные проблемы, с которыми столкнулось человечество в результате продолжающейся войны.

Универсализм — необходимость и одновременно цель и способ достижения демократического глобального порядка, который включает в себя юг, включает в себя меньшинства, включает в себя север на основе баланса интересов, существующих на планете на разных уровнях.

Нынешняя система 193 суверенных территориальных государств явно не в состоянии решить эту

* Выступление на форуме в Берлине 7 декабря 2022 г.

проблему. И если говорить об Организации Объединенных Наций, которую считают самой универсальной организацией, то у нее нет независимой возможности действовать, не говоря уже о том, чтобы к чему-то принуждать.

Когда она была создана в 1945 году, сначала была идея, что благодаря этой организации мы будем иметь работающую систему коллективной безопасности, включающую великие державы. Так было установлено печально известное право вето, это была цена, которую должны были заплатить все страны, в то время с 51 членом-основателем, чтобы эта универсальная организация вообще возникла. Лига Наций до этого потерпела неудачу, потому что это был скорее клуб, так как он не включал все страны, все государства.

Итак, ООН как таковая не имеет самостоятельности. Она не может действовать. Существует право вето. И Россия наложила вето на резолюцию Совета Безопасности, осуждающую ее действия на территории Украины сразу после вторжения, когда на столе лежала резолюция Генеральной Ассамблеи, применившей так называемый инструмент «Единство в пользу мира», который появился во время корейской войны*. Но мы можем видеть это и на примере выбросов углерода со времен Киотского протокола к Рамочной конвенции ООН об изменении климата, который был принят в декабре 1997 года.

Переговоры в ООН ведутся, однако не дают того результата, который требуется, в том числе и о нераспространении ядерного оружия. Я имею в виду количество ядерных боеголовок, которых, как давно известно, достаточно, чтобы полностью уничтожить человеческую цивилизацию в течение 25 минут.

Повторю, нам нужно развивать видение, и поэтому мы не можем объявлять о смерти универсализма, потому что **универсализм — это необходимость**. Он является частью этого видения, как я уже сказал. Это необходимость, которая существует. Свидетельствуют об этом движения и люди, особенно на глобальном юге, которые верят в идею универсализма еще с основания ООН. В то время как европейские государства, Соединенные Штаты, северные промышленно развитые страны замаскировали ее под идеологический инструмент, а на самом деле универсализм означает, на мой взгляд, равное глобальное гражданство. Каждый человек на планете Земля просто по рождению должен быть признан равноправным гражданином планеты.

Эта идея, если мы обратимся к истории, совсем не нова**. Однако европейские державы и по сей день, скорее, на словах поддерживают права

* По состоянию на февраль 2022 г. Россия/СССР применили право вето 120 раз, США — 82 раза, Великобритания — 29 раз, Франция — 16 раз, Китай — 17 раз. — Прим. ред.

** Подтверждение этому «Голод» — российский документальный фильм, премьера которого состоялась в 2022 году. В этом фильме говорится, что Герберт Гувер (будущий президент США), который в 1918–1923 годах возглавлял Американскую администрацию помощи, заявил: «Мы, американцы, не признаем большевистскую Россию, но мы готовы помогать жителям этой самой России не как гражданам государства, а как людям, имеющим право жить на земле». — Прим. ред.

человека. Так что проблема заключается в видении того, что можно назвать федеральным глобальным порядком. То есть выходом за пределы национального государства и его интегрированием в мировую федерацию. И эта федерация, конечно, должна быть организована таким образом, чтобы она являлась инклюзивной, универсальной, основанной на универсальных правах, или, другими словами, на основе известного принципа сдержек и противовесов. Поэтому стоит в этой связи сказать

*Каждый человек
на планете Земля
просто по рождению
должен быть признан
равноправным
гражданином планеты*

и о государстве всеобщего благосостояния, добавив к этому выражению слово «глобальное». А также о движении за всеобщий базовый доход. О денежных пособиях, которые выплачиваются всем без исключения и без каких-либо условий, чтобы удовлетворить базовые потребности человека. Что, естественно, подразумевает глобальное налогообложение.

Да, я предлагаю сейчас полное описание мирового федерализма. Обычно я этого не делаю, потому что большинство людей скажут, что это утопизм, что это не работает. И есть много связанных с этим проблем, которые, конечно, необходимо обсуждать, чтобы появилось международное гражданское общество и его голос был услышан в Организации Объединенных Наций. А пока мы делаем первые шаги в этом направлении, и я не вижу другого сценария, как можно это сделать быстрее. Даже в прогрессивных кругах идея демократической всемирной федерации воспринимается критически, как неизбежная новая тирания. На что я обычно отвечаю: а разве мы уже не в тирании? В тирании, благодаря которой вы получаете выгоду? Существует транснациональный капиталистический класс. Я не социалист, но этот класс, который извлекает выгоду из 193 так называемых суверенных субъектов, конкурирующих друг с другом, уже существует.

Эти субъекты уже получают разную выгоду, например, в области налогообложения. И поэтому они ненавидят идею глобального налогообложения. Конечно, им нужны лазейки. Они хотят сохранить их. Это относится и к транснациональным корпорациям и т.д. Так что вопрос, я думаю, сложнее. Он о более ясном видении того, что мы можем сделать.

Прежде всего, тот, кто получит большинство в Генеральной Ассамблее ООН, сможет учредить Парламентскую ассамблею. Для этого не потребуется участия Совета Безопасности. Создать глобальный парламент, который сначала будет проводить консультации, легче, чем добавлять в Совет Безопасности хотя бы еще одно место, не говоря уже об отмене права вето.

То есть при создании Парламентской ассамблеи речь идет не столько о законных правах, которые будет иметь этот орган, сколько о символизме, стоящем за ним. Он заключается в том, что ООН и международный

порядок перестанут быть инструментом, находящимся исключительно в руках исполнительных органов власти. Ведь сидящие в них дипломаты сегодня автоматически обязаны защищать национальные интересы. И часто эти интересы не приносят пользу большинству населения, а являются транснациональными или корпоративными интересами и т.д. Так что названный символизм важен, поскольку позволяет Парламентской ассамблее выходить за рамки исполнительной власти государств — членов ООН, а в самой ассамблее появятся избранные парламентарии, включая оппозицию. И в результате представители правительств в ООН неизбежно столкнутся с оппозицией.

Представим, например, что Трамп был бы еще президентом. В таком случае демократы могли бы, заседаая в такой Парламентской ассамблее, сказать: ну что делает этот президент, не имеющий двухпартийной поддержки?! У нас, демократов, другая точка зрения. И это открыло бы более широкий спектр мнений и задало новую динамику в ООН, что, я считаю, крайне необходимо. В долгосрочной перспективе Парламентская ассамблея, как мы видим это на примере появления Европейского парламента, может превратиться в настоящий глобальный парламент.

И теперь в заключение коротко о гражданской инициативе, о нашей кампании, которую мы продолжаем. Некоторые из вас знают, что не только на национальном уровне и не только в Европе продолжается сбор подписей за вхождение гражданского общества в ООН, чтобы противостоять вызовам современного мира. Если участники этой кампании наберут достаточное количество подписей, тогда политическая власть или орган, которому это адресовано, должны будут реагировать, верно? И принять решение.

Таким образом, я говорю от имени граждан, выступающих с инициативой в отношении всего, что, по их мнению, представляет глобальную озабоченность. И тогда, если они получают достаточную поддержку, этим должны будут заниматься главы государств и правительств, которые собираются каждый сентябрь на Генеральной Ассамблее ООН. И здесь снова мы возвращаемся к символизму, чтобы яснее понять, что означает глобальное гражданство. На мой взгляд, сегодня это уже не только абстракция. Нет, это инициативы граждан мира, выражающих реальное осязаемое значение идеи глобального гражданства, когда каждый гражданин, как и мы, сидящие в этом зале, может отправить свой голос в ООН.

Я говорю от имени граждан, выступающих с инициативой в отношении всего, что, по их мнению, представляет глобальную озабоченность

Владимир Шмелёв,
директор сети школ
Adriatic

Массовое образование — инструмент ценностной деградации

Я выпускник Московской школы 2001 года. Живу в Черногории. Так получилось, что, разочаровавшись в возможностях каких-то изменений в моей родной стране через политическое участие, я довольно давно работаю в развитии проектов в сфере культуры и образования. И, собственно, в основном образованием и занимаюсь в Черногории.

И в этом контексте к утопии Андреаса, которая мне очень близка, — я сейчас не про ее реалистичность, а про подход, его видение, о котором он говорил, — хотел бы добавить аспект, связанный с образованием. Технический прогресс очень многие воспринимали как панацею от всех бед, а некоторые воспринимают и до сих пор. Поэтому мне показалось актуальным сказанное сегодня на утренней сессии о social media (социальных сетях) как примере разрушительной силы, из-за которой мы оказались в ситуации, в которой находимся. И таких примеров много, но я хочу сказать, что нечто подобное происходит и с идеей массового образования как некоторой «спасительной соломинки» для мира.

То есть, конечно, кажется очевидным, что в целом образованный человек с меньшей вероятностью совершит страшные преступления или по крайней мере на секунду остановится перед их совершением, чем человек необразованный. Но здесь — так же, как с техническим прогрессом — важно учитывать то, как он образован. Поскольку мы видим — переехав из одной страны в другую, я это увидел гораздо более четко, — что образование является страшным инструментом деформации и деградации (по крайней мере ценностной деградации) людей в России и не только в России. Причем речь не только о прямых способах идеологического воздействия, воспитания, о «разговорах о важном» и так далее. Понятно, что сейчас любое авторитарное государство в какой-то момент

Паша 183. Граффити под мостом. Ок. 2020

приходит к тому, что начинает все больше контролировать образование и непосредственно воздействовать пропагандой на своих граждан. Но речь идет также о том, что зашито внутри самого содержания образования. Именно сейчас в Черногории, выстраивая сеть русскоязычного образования, за основу мы брали российские стандарты и российские программы — как раз то, что наиболее продвинуто в русскоязычной сфере. И мы видим, как даже в предметном преподавании в школах в содержание «зашиты» вещи, которые абсолютно не про универсализм и не про глобальность, а про узкий национальный фокус, национальную исключительность, что совершенно не способствует формированию сообщества глобальных граждан. Это же касается и программ с позитивно близкими названиями, например, в сфере гражданского образования. К сожалению, очень часто эти программы реализуются совсем не как программы формирования глобальной гражданственности, а как движение в сторону патриотического воспитания с соответствующими интерпретациями.

И это же касается бюрократических подходов к образованию. Потому что ценности могут зашиваться не только в содержание, но и в сами подходы. С детства, с 6–7 лет, в массовых школах (причем не только в России, но я прежде всего говорю о России) критическое мышление, сотрудничество, уважение к чужому мнению не являются главной ценностью — ценностью в педагогических подходах, в самой системе. И об этом, я считаю, важно подумать в рамках того видения, о котором говорил Андреас. У нас есть примеры существующих глобальных образовательных программ, например, стандартов, которые не привязаны к национальным стандартам и которые принимаются образовательными организациями по миру. Их ценность очень велика. Чтобы получить право преподавать по этим стандартам, надо пройти аккредитацию, которая не привязана к национальным системам. Такие примеры есть, но, к сожалению, их количество пока невелико.

Это, наверное, больше был мой комментарий, а не вопрос. Но мне очень хотелось обратить внимание на существующий миф о спасительной силе массового образования.

Правовое государство в изгнании*

*Делфина Нугайред,
член адвокатской палаты
г. Парижа, лектор
юридического факультета
Колумбийского
университета*

Что означает изгнание? Изгнание, согласно Оксфордскому словарю, это состояние, при котором человеку запрещено находиться или въезжать в родную страну по политическим, как правило, причинам или под страхом наказания (и/или казни). Очевидно, это то, что мы наблюдаем сегодня в Европе. Но в государственном законе нет слова «изгнание». В законе мы имеем дело с более сухими формулировками, определяющими принципы допуска иностранцев, формы временного пребывания и обращения с иностранцами в тех или иных странах.

Конфликт в Украине привел к массовому перемещению людей по всей Европе. В основном из Украины, но также из России и Беларуси, хотя и в гораздо меньшем количестве. Вопрос, который я решила сегодня задать себе и вам: «Как повлияли на европейский правопорядок эти массовые перемещения людей?» Я постараюсь ответить на него, чтобы снять или хотя бы ослабить напряжение, связанное с этой темой.

Вероятный ответ номер один: с прибытием граждан Украины и, надо полагать, Беларуси мы справились хорошо.

Вероятный ответ номер два: с прибытием граждан России мы справились не так хорошо.

Перед тем как перейти к любопытным цифрам и географии, поговорим о некоторых юридических категориях. Юридические категории действительно важны и на практике, и в разговоре о том, как мы принимаем в Европе украинцев, белорусов, россиян¹

* Выступление на семинаре Школы в Варшаве 17 ноября 2022 г.

¹ При этом имеются в виду лица, имеющие гражданство Украины, Беларуси и/или России, независимо от их национальной принадлежности (которая может отличаться от гражданства).

В Евросоюзе есть две категории регламентирования отношений с иностранцами. Первая категория — это режимы, которые были унифицированы на уровне ЕС. Вторая категория — неунифицированные режимы, которые определяются индивидуально каждым государством — членом Евросоюза.

Первая категория в свою очередь включает в себя два подвида — индивидуальные режимы и групповые режимы. Индивидуальные режимы, то есть индивидуальные статусы, определяются на основе индивидуального рассмотрения истории каждого человека со всеми его конкретными личными данными, биографией и жизнью.

Вы наверняка знакомы со статусом беженца. Это классическое, по Женевской конвенции 1951 года, предоставление убежища². Основанием для предоставления человеку такого статуса являются обоснованные опасения преследования в случае возвращения его в свою страну. Причинами преследования могут быть раса, к которой принадлежит человек, его гражданство, религия, политические убеждения, принадлежность к социальной группе. Определение статуса беженца не изменилось с 1951 года.

Второй большой категорией статуса защиты на индивидуальной основе является дополнительная защита³. Дополнительная защита как статус предоставляется лицам, прибывающим в Европу и не имеющим статуса беженца. То есть у них нет очевидных опасений преследования по пяти специальным категориям оснований, согласно Женевской конвенции, но есть реальный риск причинения серьезного вреда в случае возвращения в страну происхождения, где не отменена смертная казнь, где их могут подвергнуть пыткам, бесчеловечному, унижающему достоинство обращению или где возникла ситуация вооруженного конфликта. Этот тип защиты предоставляется сегодня, например, украинцам.

Итак, я упомянула статус беженца и статус дополнительной защиты. Но есть и третья категория — временная защита. Этот режим существует в теории с 2001 года⁴ и должен распространяться на тех, кто оказался в составе массового наплыва в страну прибытия. В этом году временная защита впервые была применена на практике по решению Европейского совета в отношении украинцев⁵.

Таковы с точки зрения международной защиты три основных режима. Добавлю, что в обычных правилах миграции иностранцев в

*Дополнительная
защита как статус
предоставляется лицам,
прибывающим в Европу
и не имеющим статуса
беженца*

² Конвенция о статусе беженцев (Женева, 28 июля 1951 г.), дополнена принятым в Нью-Йорке Протоколом от 31 января 1967 г.

³ Директива 2011/95/ЕС Европейского парламента и Совета от 13 декабря 2011 г.

⁴ Директива Совета 2001/55/ЕС от 20 июля 2001 г.

⁵ Исполнительное решение Совета (ЕС) 2022/382 от 4 марта 2022 г.

государства — члены ЕС есть индивидуальные режимы, распространяющиеся на тех, кто прибыл с долгосрочной визой для работы, для воссоединения с семьей, для учебы, — категория, не унифицированная на уровне ЕС. Виды на жительство затем выдаются государством — членом ЕС в зависимости от типа долгосрочной визы. И, наконец, знаменитая гуманитарная виза, о которой мы много слышим. Она тоже не унифицирована, но существует как категория в некоторых странах ЕС.

Режим, распространенный на украинцев в 2022 году, лучше того, что было в директиве 2001 года. Украинцам доступно жилье, работа, образование, медицинское обслуживание и социальные пособия

Приведу некоторые цифры. Это последние данные УВКБ ООН⁶ о регионах Европы, в которые прибывают граждане Украины⁷. Итак, в Польшу приехали 1,5 миллиона переселенных лиц из Украины, в Германию — миллион, в Чехию — полмиллиона. Цифры по другим странам, начиная с Италии (до 170 тысяч человек), значительно ниже. По данным УВКБ ООН, Россия называет цифру в 2,8 миллиона бежен-

цев из Украины. Я не буду это комментировать, поскольку не знаю, как велись подсчеты и как оперируют этими данными.

Всего же беженцев из Украины в Европе 7,8 миллиона. По международным стандартам это гигантский кризис. Больше, чем беженцев из Сирии, больше, чем из Венесуэлы, больше, чем из Афганистана. Кризис, безусловно, крупнейший со времен Второй мировой войны, причем не только относительно Европы, но и крупнейший в мире. На учете по временной защите в Европе сейчас 4,7 миллиона украинцев. Опять же, это колоссально много!

Меня спрашивали, где я нахожу все эти цифры. Я привела данные УВКБ ООН. Но есть еще сведения Агентства Европейского союза по вопросам убежища. Агентство в основном приводит цифры по государствам — членам ЕС, плюс еще по двум странам — Норвегии и Швейцарии. Цифра УВКБ ООН в 4,7 миллиона совпадает с данными агентства⁸. Агентство сообщает также о 27 тысячах украинцев, которые помимо временной защиты фактически попросили полного убежища в Европе. Кризис, согласитесь, дальше некуда!

Режим временной защиты для украинцев, который мы используем, обусловлен директивой от 2001 года, которая никогда раньше не применялась. Первоначально режим был придуман после югославских кризисов для боснийцев, прибывших между 1992 и 1995 годами, и для косоваров в 1999 году.

⁶ Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. Создано ООН в 1950 году, призвано руководить и координировать международные действия по защите беженцев и решению проблем беженцев во всем мире.

⁷ <https://data.unhcr.org/en/situations/ukraine>

⁸ <https://euaa.europa.eu/news-events/latest-eu-asylum-trends-signal-increased-strains-national-systems> (9 ноября 2022 г.).

Он не распространялся на сирийцев, прибывших в 2015–2016 годах. Почему? Об этом мы можем поговорить, если вам интересно. В прессе писали, что, дескать, это расизм, хотя, думаю, есть другие причины. Но режим, распространенный на украинцев в 2022 году, на самом деле лучше того, что представлялось в директиве 2001 года. Украинцам доступно жилье, работа, образование, медицинское обслуживание и некоторые социальные пособия. Им также разрешено подавать заявления на полное убежище, и они пользуются предоставленной возможностью.

Однако у этого процесса есть свои дыры. В частности, украинцам, которые 24 февраля не жили в Украине, в принципе не разрешается регистрироваться для получения статуса временной защиты. Граждане третьих стран, которые жили в Украине, но не имели долгосрочного вида на жительство в Украине и которые, как считалось, могли вернуться на родину на безопасных и надежных условиях, также не обладают правом получения временной защиты. На наших юридических консультациях в Париже мы встречались с этими людьми. Некоторые из них прожили в Украине по 20 лет, и им некуда возвращаться. Я, к примеру, встретила одного грузина, оказавшегося в таком положении.

Есть проблемы со смешанными парами. На практике трудно обеспечить временную защиту, когда пару составляют граждане России и Украины. К тому же пособие, предоставляемое временной защитой, обычно недостаточно для выживания. Да, тебе разрешено работать, но если ты не говоришь на языке страны, в которой находишься, работу найти трудно.

Наконец, есть проблема ограниченности срока действия этого режима. Режим утвержден 4 марта 2022 года сроком на один год с возможностью двукратного продления на шесть месяцев. Затем Европейский совет может принять решение о дальнейшем продлении на один год⁹. Так что всего два или три года. В конце концов те, на кого распространяется режим временной защиты, должны, в принципе, добровольно или принудительно вернуться на родину, и были-таки принудительные возвращения, например, боснийцев в 90-е годы. Вот почему многие украинские семьи пытаются подать заявление на полное убежище, считая, что трех лет недостаточно. Пик ходатайств из Украины о предоставлении полного убежища пришелся на март 2022 года. Тогда в месяц было подано почти 14 000 заявлений, и с этого момента процент успеха украинских заявлений резко вырос (до 95%)¹⁰, т.е. фактически почти все ответы на заявления украинцев стали положительными¹¹.

⁹ Директива Совета 2001/55/ЕС от 20 июля 2001 г., статья 4.

¹⁰ <https://euaa.europa.eu/latest-asylum-trends-asylum>

¹¹ Примечание автора от 31 января 2023 г.: недавние судебные решения во Франции, к сожалению, ограничивали убежище (дополнительную защиту) в зависимости от региона происхождения в Украине (положительный ответ для Донецкой, Луганской, Харьковской и Запорожской областей, но отрицательный для Одессы). Ввиду этих удивительных решений не исключено, что некоторые европейские страны в будущем займут более жесткую позицию по отношению к украинским заявлениям.

*Во всем мире
российские граждане
подали мало заявлений
о предоставлении
убежища*

Теперь поговорим о россиянах. Здесь ситуация другая. Летом 2022 года выдача виз российским гражданам, как показала наша практика, продолжалась более или менее нормально. Однако в сентябре соглашение об упрощении формальностей между ЕС и Российской Федерацией было приостановлено и Европейская комиссия выпустила новые инструкции. Эти новые инструкции, как свидетельствует наш опыт,

значительно усложняют и сокращают выдачу виз ЕС гражданам России. Правда, в соответствии с принципами и инструкциями Комиссии ЕС россияне, имеющие семью в ЕС или относящиеся к гуманитарной категории (диссиденты, независимые журналисты, правозащитники, представители гражданского общества), имеют приоритетное право на получение виз.

Комиссия также рекомендует провести переоценку существующих виз. По данным на сентябрь 2022 года, шенгенских виз у российских граждан около миллиона и они до сих пор действительны. Теперь часть из них может быть пересмотрена или аннулирована.

По сообщениям в СМИ, некоторые страны прекратили прием заявлений на краткосрочные визы. В их числе страны Балтии, Польша, а также Чехия, Словакия, Дания, Бельгия и Нидерланды (по непроверенным данным).

Все вы, думаю, знаете об ограничениях на въезд в Эстонию, Латвию и Литву, плюс в Польшу и Финляндию. Для российских граждан, имеющих визы ЕС, с сентября действуют ограничения. Это не полный запрет, но ограничения есть.

То, что мы видим на практике, — это эмпирический способ приема сегодня граждан России, стремящихся въехать в ЕС. Принятые решения различны по мотивациям и потокам. Во-первых, профессиональная миграция. Рабочая виза в какую-либо из стран ЕС может быть выдана, если есть приглашение от работодателя из Евросоюза. Второе основание для выдачи визы — воссоединение с семьей.

И, наконец, последняя категория, так называемая гуманитарная виза, выдаваемая по усмотрению консульства диссидентам, правозащитникам, журналистам. Вы получите стандартную визу, но по приезде в страну ЕС вы должны будете определиться с тем, что вы, собственно, в этой стране будете делать. И здесь все усложняется. Либо вы подаете заявление о предоставлении убежища, либо у вас есть своего рода режим *ad hoc*, т.е. «по особому случаю». По опыту мы знаем, что *ad hoc* в разных странах может сильно различаться. Например, во Франции ситуация с этими приезжими была неясной.

Теперь по поводу ходатайств о предоставлении убежища россиянам. Во всем мире российские граждане подали мало заявлений о предоставлении убежища. В 2021 году их было всего 8800 — это немного¹²

Вместе мы — сила. Мурал в Риге. 2023

(для сравнения: всего мы получили в ЕС 550 тысяч новых заявлений о предоставлении убежища). Характерно, что темпы увеличения числа запросов на убежище со стороны граждан России почти везде низкие (или даже наоборот: количество запросов за последние годы уменьшилось). Россияне подают прошение о предоставлении убежища чаще всего в США, Германию и Францию, а по Европе в целом — порядка 4 тысяч в 2021 году.

¹² <https://www.worlddata.info/europe/russia/asylum.php> (новые заявления, поданные в 2021 году).

Российские ходатайства чаще всего отклоняются. Положительные ответы на прошения до 2021 года включительно составляют в ЕС не более 20 процентов от общего числа заявлений, и с 2014 года это постоянная цифра. Так что получить убежище в ЕС сложно. Но в марте 2022 года число заявлений граждан России о предоставлении убежища удвоилось¹³. Хотя их значительно меньше, чем, к примеру, из Афганистана и Сирии. Число положительных ответов на заявления россиян тоже по-прежнему пока остается низким.

По Беларуси хорошая новость. С началом войны, точнее, на март нынешнего года тоже, как и с россиянами, пришелся пик заявок с просьбой об убежище. Их число удвоилось, и положительных ответов гораздо больше, в августе — 78 процентов.

Итак, некоторые выводы. Трудности россиян связаны со все еще низкими показателями предоставления права на убежище, с по-разному воспринимаемым режимом *ad hoc*, с будущим людей, прибывающих с так называемыми гуманитарными визами (и без четкого «послужного списка» арестов или политических протестов). Много заявлений с их стороны сейчас в стадии рассмотрения, и мы будем отслеживать этот процесс.

Юридически сложное положение смешанных украинско-российских пар, поскольку технический вопрос двойного гражданства усложняет предоставление международной защиты (убежища или дополнительной защиты) и/или временной защиты.

И, наконец, о сложностях с банковскими счетами. Например, во Франции гражданину России открыть счет в банке теперь чрезвычайно сложно. Объясняется это санкционным законодательством, на которое банки постоянно оглядываются. Получается, что россияне везде оказываются забанены по признаку гражданства, что незаконно и неправильно. Так как если вы не можете открыть счет в банке, вы не можете получить и банковскую карту, а российская карта не работает. Как же получить доступ к своим сбережениям, как найти жилье и вообще перестроить свою жизнь? Вот такие трудности мы видим.

Подводя итог: наш правопорядок в Европе для украинцев, я думаю, хотя и с проблемами, но в основном работает. Для белорусов — работает неплохо. Для русских изгнанников в настоящее время толком не работает. Интересный вопрос: почему так?

---

¹³ *Примечание автора от 31 января 2023 г.: последние данные агентства показывают значительный рост и в октябре 2022 г.*

*Один только материализм не может объяснить загадку сознания**

*Кишиштоф Мейснер,
физик, профессор
Варшавского
университета*

Я часто выступаю на конференциях по физике, и для меня это довольно необычно — выступать перед вами. Начну с известного выражения Цицерона *Historia magistra vitae est* («История — учитель жизни»).

История моей семьи начинается в XIII веке и следует за историей Польши — с ее временами славы, как и в других странах, и временами гибели, временами эйфории и временами отчаяния. Польша стала королевством в 1025 году и вскоре после этого была разделена на части. Затем, в XIII веке, она воссоединилась и превратилась в государство, воевавшее, как известно, в том числе и с Россией. В XVII веке из-за фундаментальных ошибок и вторжения в Швецию она начала сползать в руины, и закончилось все в 1795 году разделом Польши между Россией, Пруссией и Австрией. И Польша вообще исчезла с карты. А лучшие польские поэты — Мицкевич, Словацкий, Норвид — в XIX веке эмигрировали во Францию, и страна отказалась от любых имперских мыслей и имперских мечтаний.

Польша была возрождена как страна после 123 лет небытия и Первой мировой войны, а затем через 20 лет снова подверглась вторжению и разрушению, навязанным коммунистическим послевоенным режимом.

Чеслав Милош, польский нобелевский лауреат в области литературы (1980), также был эмигрантом вначале во Франции и затем в США, позаимствовав у английского поэта Уильяма Блейка (кстати, моего любимого) концепцию *Ulro* как ада на земле в своей книге *Land of Ulro* («Земля Ульро»). Это его

* Выступление на семинаре Школы в Варшаве 18 ноября 2022 г.

Исаак Кордал (Isaac Cordal). Инсталляция «Следуйте за лидерами». 2015

интеллектуальная исповедь, где он задает вопрос, являются ли точные науки единственным способом «понять» мир, как считали французские просветители, полагаясь на механистический и детерминистический мир, управляемый ньютоновской механикой.

Я читал книгу «Земля Ульро» студентом в начале восьмидесятых и недавно прочитал еще раз после 40 лет размышлений о физике, и это было совершенно другое прочтение. Когда-то, еще не имея критического отношения к Просвещению, я поддался пессимизму, который есть в книге, и мысли о том, что грядущая кара человечества неизбежна. Согласно Ницше, вы убили Бога и думаете, что вам это сойдет с рук.

Я понял, что Блейк, как и Милош, ссылаясь на физику Ньютона, строго детерминированную и строго механистическую, не знали, что она будет отвергнута в XX веке и заменена физикой со встроенным индетерминизмом, с относительными понятиями времени и пространства и сменой всей парадигмы. Новое знание унесло нас из «земли Ульро», и мир оказался радикально интереснее, чем его прежнее видение.

Ключевое понятие книги Милоша — свобода. Свободны ли мы на самом деле или это всего лишь иллюзия?

Когда мы думаем о свободе, часто всплывает известное различие между свободой от и свободой для. И мы знаем, что даже при отсутствии свободы от можно сохранить свободу для, хотя бывает и наоборот. Как и простое устранение барьеров или внешних ограничений не делает человека свободным. Не говоря уже о том, что мы никогда полностью не освобождаемся от. Мы ограничены местоположением, ориентацией, размером, временем и местом нашего присутствия в этом

мире, внешней средой, нашими генами и т.д. Между невозможной полной свободой, с одной стороны, и крайним тотальным порабощением, с другой, всегда есть более узкий или более широкий интервал. И этот интервал нашего выбора является определяющим. Наше чувство свободы зависит, с одной стороны, от того, насколько мы сами сужаемся до этого интервала, а с другой, от того, как это сужение было нам навязано. Но при этом его не следует сводить к известной фразе Спинозы «свобода есть осознанная необходимость», свидетельствующей о его вере в детерминизм, к сожалению, позже разделяемой Гегелем и цинично использованной марксистами, а также преступными диктаторами. Последние терроризировали миллионы людей, заставляя их поверить в то, что те останутся свободными, если будут относиться как к необходимому ко всему, что диктаторы определяют как необходимое. Следует задуматься, не существует ли этот подход до сегодняшнего дня.

Есть несколько условий для существования свободы. Назову два из них, имеющих отношение к миру физики.

Во-первых, наличие непредсказуемости. Если бы все было строго определено, то мы оказались бы в ситуации, в которой невозможно изменить исход и, следовательно, быть свободными.

Во-вторых, существование истины. Если мы не согласны с фактами или не имеем к ним доступа, мы также не свободны. Наши реакции, скорее всего, будут неуместными, а наши действия — лишены смысла.

Попробуем связать эти две особенности с физикой.

Во-первых, непредсказуемость. И сегодня физику часто описывают как связанную с полной предсказуемостью причин и следствий, не оставляющую места для неопределенности. Так было до конца XIX века, когда сторонники безжалостного детерминизма в духе Спинозы сводили чувство свободы к иллюзии. Однако это не так. Физика радикально изменилась в начале XX века после появления квантовой механики и таких гигантов, как Эйнштейн, Гейзенберг, Паули и Дирак, которые поняли, что мир детерминирован лишь до определенной степени, а пределы этого детерминизма задаются принципом неопределенности Гейзенберга. В этот мир всегда встроен неизбежно неопределенный элемент, не являющийся следствием несовершенства инструментов исследования. Мы всегда можем строго рассчитать вероятности тех или иных экспериментальных результатов, но мы не можем предсказать результат отдельного эксперимента. Это происходит пока еще непостижимым образом. Это так называемая проблема измерения в квантовой механике, которая не решена. И до сих пор это самая большая проблема в физике как таковой. Будущее мира творится постоянно, и мы не можем его предсказать. Его непредсказуемость встроена в ткань мира на самом глубоком уровне. И имеет ли оно прямое отношение к

*Это так называемая
проблема измерения в
квантовой механике,
которая не решена*

нашей свободе воли — неясно. Но оно отвергает крайний детерминизм как Спинозы, так и физики XIX века, не говоря уже о примитивных представлениях Вольтера и его последователей. Этот встроенный индетерминизм является сутью так называемых неравенств Белла (записанных Джоном Стюартом Беллом в 1964 году) с экспериментальной проверкой Джоном Клаузером, Аленом Аспе и Антоном Цайлингером, удостоенными Нобелевской премии по физике.

Второй признак свободы — это доступ к фактам. Опять же, ни одна другая наука не анализирует факты о материальном мире так глубоко, как физика. У физиков есть все инструменты для подтверждения или опровержения истинности событий или суждений. В физике мы не можем обманывать. Либо что-то согласуется с законами физики, либо нет. Поэтому физика сильно отличается от политики или философии, где даже самые абсурдные утверждения и самая наглая ложь могут быть и очень часто на самом деле защищаются и провозглашаются истиной, и за этим не следует немедленного наказания.

Стоит, однако, отметить, что в физике, даже в отдаленном будущем, невозможно будет получить полное знание этого мира. В нем остается место для тайны, которая, я думаю, существует и скрыта от нас навсегда.

Оказалось, что наша Вселенная наполнена так называемой темной энергией, скорее всего, космологической постоянной, с очень странными свойствами, имеющими положительную плотность энергии, оказывающими отрицательное давление и, кроме того, нарушающими принцип сохранения энергии. Сейчас во Вселенной энергия рождается из ничего. Такая Вселенная расширяется все быстрее и быстрее. И, как следует из решения уравнений Эйнштейна, парадокс Зенона перестает быть парадоксом. Свет, посланный извне сферы, окружающей нас, никогда не достигнет нас, даже если мы будем ждать бесконечно долго. Наши знания ограничены сферой. Все остальное, вероятно, навсегда останется для нас загадкой.

*Мир не мог бы
существовать без
законов, но законы
могли бы
существовать
без мира*

Третий аспект, который мы неявно предполагаем, — это существование законов физики. Мы воспринимаем тот факт, что материальный мир подчиняется законам, как нечто само собой разумеющееся. Но это совершенно непонятный, неочевидный, загадочный и удивительный факт, более глубокий, на мой взгляд, чем вопрос о существовании мира, — о существовании законов физики. Мир не мог бы существовать без законов, но законы могли бы существовать без мира. Этот платоновский подход к законам как к вечным, непреложным, совершенным идеям, а к миру как к дефектной и несовершенной эманации этих законов произошел в XX веке в основном благодаря Эйнштейну, отеснив аристотелевский подход к миру как к самостоятельному бытию.

Исаак Кордал (Isaac Cordal). Инсталляция «Следуйте за лидерами». 2015

И это радикальное событие открыло совершенно новые горизонты отношения к таким универсальным законам, которые являются основой существования науки. Ее цель — искать их, но само их существование нельзя объяснить в рамках научной парадигмы. Это всегда будет неизбежно принадлежать метафизике. Для меня этот факт и тот факт, что они эстетически прекрасны даже в свете нашего несовершенного знания о них, указывает на существование трансцендентности. Существование чего-то, что выходит за пределы материального мира. Поскольку физика описывает только материальный мир и ничего не может сказать о трансцендентности. Физика и трансцендентность встречаются в этой точке существования универсальных, прекрасных и неизменных законов.

Подводя итог, подчеркну: чтобы иметь шанс быть по-настоящему свободным, мир должен быть минимально непредсказуемым. И он такой и есть. Мы должны иметь доступ к истине, и с некоторыми ограничениями мы его имеем. Но я надеюсь, что есть и третий элемент, не содержащийся в физике. Есть трансцендентальная этика с объективным разделением на добро и зло. Борьба между ними всегда присутствовала в истории, и мы болезненно наблюдаем ее сейчас своими глазами. И я надеюсь, что мы достаточно свободны, чтобы выбрать правильную сторону в этой борьбе.

Вопросы и ответы

Вопрос: *Сегодня говорят, что Российская империя должна умереть. Что победить Путина и положить конец его имперским устремлениям необходимо для лучшего будущего. Можно ли об этом говорить, ссылаясь на исторический польский опыт XVIII века? Легко сказать, что Российская империя должна умереть, но трудно в наше время стереть страну с карты мира.*

Кшиштоф Мейснер: Я слишком мало знаю, чтобы ответить, что будет с Россией или каково будущее стран, которые окружают Россию: стран Центральной Азии, Украины, стран Балтии и так далее. Примеры, которые я привел: Польша, исчезнувшая с карты после заявления своих имперских амбиций. Германия и Япония, которые были уничтожены в другом смысле и только потом начали воскресать ментально, как демократические страны, без прежних амбиций. На основе трех примеров нельзя утверждать, что это всеобщий закон. Может быть и по-другому, но я очень надеюсь, что Россия пойдет по другому пути, как демократическая страна, заботящаяся о своих гражданах, и надеюсь, что обойдется без таких драматических вещей, какие случились с Польшей, Германией и Японией. Возможно это или нет, я не знаю. И никто не знает, каким будет будущее. Но я надеюсь, что результат будет именно таким, что нашим соседом будет мирная, хорошо управляемая страна, потому что мы всегда будем соседями.

Вопрос: *В своем выступлении вы упомянули об имперских амбициях. Что вы понимаете под термином «империализм»? Откуда взялся империализм?*

К. М.: Итак, истоки, конечно же, в Римской империи. Это была первая империя, предыдущие (вероятно, Вавилонская и т.д.) не назывались империями. Поэтому я думаю, что впервые это слово было использовано в отношении к Римской империи. Но потом были другие, например, империя Тамерлана и династии Тимуридов со столицей в Самарканде и т.д., которые агрессивно выходили за свои границы, что и означало империю, полагая, я бы сказал, что «я лучше всех остальных». Так что это не только про то, чтобы быть могущественным...

Я знаю, что экспорт Нидерландов, например, больше, чем общий экспорт России. Но я не назвал бы Нидерланды империей, хотя в экономическом плане они мощнее. Очень трудно четко определить. Но та страна, которая думает, что она, повторяю, лучше, сильнее и что она может использовать власть, чтобы выйти за пределы своей страны, в определенном смысле и есть определение империи.

Является ли Россия империей? Она ею была, безусловно. Является ли до сих пор? Это предмет для дискуссии, я бы сказал.

Вопрос: Макс Вебер писал о «разочаровании», которое, по его мнению, происходило в западном обществе в процессе рационализации и секуляризации. А теперь вам не кажется, что наше общество столкнулось с какими-то якобы научными теориями, астрологией, медиумами и проч. Я в этом контексте вспоминаю известную книгу «Циничные теории» (*Cynical Theories by Helen Pluckrose and James Lindsay*), о том, как постмодернизм негативно влияет на наши знания о мире. Что вы думаете об этом?

К. М.: Я физик и занимаюсь физикой элементарных частиц, космологией и теорией гравитации. Есть очень четкое представление о том, как вы проверяете любое утверждение в физике. Если вы утверждаете что-то, например, в астрологии, вы должны прежде всего объяснить известные факты. Это первая мысль. Вторая — если вы хотите заменить законы физики, вы должны предсказать новые явления. Вот два требования. Я думаю, что ничто из того, о чем говорится в названной книге, не удовлетворяет этим критериям. Знаете, когда я хочу сказать, что, например, уравнения Максвелла неверны, то прежде всего должен объяснить все огромное строение, огромное количество экспериментов, проведенных в области электромагнетизма. И в этот момент 99,99999999 (произвольное количество девяток) потерпят неудачу, потому что они не будут повторять то, что уже известно. Так что, конечно, людям не нужно проходить через этот очень болезненный процесс обучения, изучения математики. Все больше людей склонны идти коротким путем, а именно, есть что-то, что объясняет мир очень простыми словами. Что-то черное, что-то белое. Но это не так, мир намного сложнее и намного-намного красивее простых вещей. Например, ньютоновская механика или ньютоновская гравитация проще, чем эйнштейновская гравитация, но эйнштейновская гораздо красивее ньютоновской. Только если вы действительно пройдете процесс очень продвинутого обучения математике, вы начнете видеть ее простоту, ее красоту. Но это будет стоить вам 20 лет работы. Так что идти коротким путем, чтобы вы могли понять мир в простых терминах, с помощью кого-то, кто сказал: «Я знаю, что соединение Сатурна с Юпитером объясняет, что я делаю», это слишком легкий путь, и вы должны это доказать. Так что физика очень уникальна. То есть, иными словами, вы можете утверждать все, что хотите, но докажите, потому что доказательство обычно отвергает все остальное. Это очень болезненный процесс — предлагать что-то новое, объясняющее все, что мы знаем. И крайне редко происходит смена парадигмы, как это происходило 100 лет назад. Внезапно, когда в течение пяти или десяти лет родились самые красивые и самые фундаментальные теории. Теория относительности Эйнштейна в 1915 году и квантовая механика в 1925 году — в течение десяти лет. И с тех пор у нас нет новых изменений. Чрезвычайно сложно что-то изменить на фундаментальном уровне в физике, а попытка сделать это простым способом абсолютно обречена.

Вопрос: Большое спасибо за презентацию. Меня зовут Александра, я не физик, я больше по социальным наукам. Я вижу сейчас, исходя из ваших ответов, как мы можем научить людей верить в сложные теории и изучать науку шаг за шагом. Но как это сделать в социальных науках? Я имею в виду, что сегодня многие люди считают, что существует противоречие между позитивным правом, применяемым в каждом государстве, и всеобщим законом. А некоторые люди не верят, что он существует. Политики продвигают дискурс о том, что есть режим со спецификой вроде Китая, демократия со спецификой Китая или Россия, у которой свой путь. Как мы можем научить людей верить в универсальные ценности, напомнить им об основах, о том, что убивать на самом деле нехорошо и что это невозможно оправдать? Как мы можем применить это в системе образования?

К. М.: Да, я всегда утверждаю, что физика очень проста, а именно объекты, с которыми мы имеем дело. Например, если у меня есть электрон, то этот электрон абсолютно такой же, как и все остальные электроны. Я не спрашиваю о том, был ли он частью молекулы воды в Тихом океане или где-то еще или просто пришел из космоса. Это тот же самый электрон. Но это не так в медицине, в социальных науках. Каждый пациент очень отличается от другого. В социальных науках каждая система очень отличается. Чтобы применить методы физики, например, для изучения англосаксонской судебной системы, должно быть много таких систем. И тогда можно сказать: ладно, давайте изменим этот закон и посмотрим, к чему это приведет. А в физике я могу взять любой электрон, и он будет абсолютно такой же, как предыдущий. Я проверяю это экспериментально в третий, в четвертый раз — результат одинаковый. А в биологии, медицине, социальных науках мы имеем дело с уникальным объектом. Можно только предположить, что он похож на что-то, что находится где-то еще. Но у нас никогда не будет полной уверенности. А физик говорит со стопроцентной уверенностью.

Конечно, мы должны использовать наше рациональное мышление, наш разум, изучая, скажем, историю. Должны использовать сравнение, чтобы предсказывать. Но мы не будем до конца уверены в результате. Потому что по ряду факторов это превосходит то, что мы делаем в физике. Люди обычно очень удивляются, когда говорят, что физика проста, но она действительно проста по сравнению с другими науками. Так что пользоваться ее методами нельзя. Хотя мы нередко слышим заведомо абсурдные заявления политиков, ссылающихся на науку, которые утверждают, что они правы. Но именно поэтому, я думаю, мы должны что-то с этим делать.

Вопрос: Я Бахтияр из Азербайджана. Спасибо за интересную лекцию о мире с точки зрения физики. Но есть ли все же какие-то примеры, которыми вы могли бы с нами поделиться, например, о применении таких

теорий, как теория неопределенности Гейзенберга или, скажем, уравнение Шрёдингера, в политике или социальных науках? И второй вопрос, как вы думаете, из чего состоит граница Вселенной? Это свет или что-то еще? А также что находится за самой дальней точкой во Вселенной? Как мы это называем?

К. М.: Спасибо. Итак — все, что нас окружает... например, если я скажу, что это вода, и могу ткнуть в нее пальцем, когда задам вопрос на предельно глубоком уровне, то это всегда будет квантовая механика. Да, мы с вами знаем, что это зеленое, а это белое, а это твердое — все это квантовая механика. То есть, говоря так обо всем, что нас окружает, что это влияет или не влияет на политику — оно влияет на все. Если вы спросите: «Почему это коричневое, а это белое, почему стекло прозрачное?» — все это квантовая механика. Очевидное дело — технология, любая технология основана на физике от начала и до конца. Как вот этот микрофон, что стоит у меня на столе, почему он работает, свет, всё, что вы видите вокруг, — это квантовая механика и физика. Так что физика, конечно, оказывает на нас определенное влияние, это первое. Это имеет влияние, потому что и политика использует, например, рождение интернета, который изменил мир. Я был у истоков интернета, он появился в Европейском центре ядерных исследований (CERN), когда я там работал. Все думают, что интернет изобрели американцы, это неправда*. Это было изобретено в ЦЕРНе, в Женеве, Тимом Бернерсом-Ли, которого я хорошо знал.

HTML и HTTP** были изобретены в ЦЕРНе, чтобы физики могли лучше общаться. Таким образом, даже если бы ЦЕРН ничего больше не сделал и ничего не открыл, изобретения интернета было бы достаточно, чтобы оправдать все деньги, вложенные в ЦЕРН.

Второй вопрос. Важно осознать, что обычное, скажем так, представление о том, что Вселенная расширяется, что она, как граната, вся была упакована в точку, а затем расширилась, — это совершенно неверно. Не было границ Вселенной, как мы их понимаем. Представьте муравьев на очень большом листе каучука или резинки. А потом вы начинаете все это растягивать. Все муравьи сидят совершенно без движения, но они видят, что все остальные удаляются, и все остальные видят то же самое. Нет никого на границе растяжки и никого в центре, все видят одинаковое. Так что не существует чего-то вроде физической границы расширяющейся Вселенной. Это совершенно неверно. Мы сидим здесь, и мы

* Помимо открытий в области физики, ЦЕРН прославился тем, что длительное время был одним из передовых инженерных центров, создававших принципиально новые разработки и стандарты в сфере компьютерных технологий, что привело к появлению интернета. — Прим. ред.

** HTML (от англ. Hypertext Markup Language) — стандартизированный язык гипертекстовой разметки документов для просмотра. HTTP (Hypertext Transfer Protocol) — протокол передачи гипертекста.

видим 14 миллиардов лет назад, и то, что видим, — это более ранняя Вселенная. И в конце мы видим в каком-то смысле начало Вселенной, которое является для нас концом того, что мы можем видеть. Но если мы сдвинемся на три километра, наша сфера будет другой, сдвинутой на три километра, но картина будет абсолютно та же. Итак, у каждого и у каждой из нас есть своя собственная сфера Вселенной, и она расширяется. Но нет ничего похожего на границы Вселенной, это является совершенно ложным представлением о том, что такое расширение Вселенной. Она расширяется. Она может быть бесконечной. Каждый видит, как его собственная сфера движется назад. И в конце что мы видим? В конце мы видим начало, черноту, Большой взрыв, больше ничего. Это не то, что мы видим дальше. Если мы посмотрим дальше, это будет похоже, пока мы не достигнем нуля. Но если мы сдвинемся на три километра, наша сфера сдвинется на три километра, и мы увидим, что начало сдвинуто на три километра, или на миллион километров, или на 13 миллиардов лет, мы можем изменить наш взгляд, и нас увидит парень, который находится на расстоянии 14 миллиардов световых лет, в его начале. Мы не будем видны сейчас, нас увидят в начале и в конце. Мы не можем видеть больше, чем начало. Так что представьте себе муравья на куске каучука. Перейдите к трем измерениям. Растяните все это. Это и есть правильный способ думать о расширении Вселенной. Извините, если непонятно.

Вопрос: *Профессор Мейснер, в самом начале выступления вы упомянули о Чеславе Милоше. Он написал книгу «Порабощенный разум», своего рода исследование о расщеплении человеческого сознания под влиянием идеологического давления. Можно сказать, что это о человеке, который находится во тьме. А что мы можем сделать, чтобы выбраться из этой тьмы?*

К. М.: Это сложно. У него есть ответ в книге. Мы погружаемся в разные ситуации. Например, час назад я был лектором Варшавского университета, говоря о статистической физике. Сейчас я в совершенно другой ситуации. Мы играем разные роли. И вопрос в том, есть ли у нас действительно некое ядро, или хребет, не позволяющий нам меняться, что бы мы ни делали. Это очень сложный вопрос, потому что это вопрос трансцендентальной этики. Если этика трансцендентна, если деление на добро и зло трансцендентно, и мы будем придерживаться этого, во что бы мы ни играли, мы будем последовательны. Мы должны быть последовательны в том, что делаем. Но должно быть какое-то ядро, что-то неизменное. Милош описал человека времен коммунизма, который подвергается давлению и которому приходится играть разные роли. Под давлением я веду себя так, а без давления становлюсь самим собой. Я никогда не был в такой ситуации. Но, думаю, очень важно определить, что является ядром, за границы которого я не выйду. Мы не знаем,

может быть, нас заставят выйти, и мы это сделаем. Но давайте хотя бы определим. Это то, что он предлагает. Если вы последовательны и у вас есть стержень, то что бы вы ни делали, вы будете чувствовать себя самими собой. А иначе у вас появится проблема.

Вопрос: *Что вы имеете в виду под красотой? Вы говорили об эстетически прекрасных законах.*

К. М.: Эстетика — это, конечно, несколько другое понятие, чем красота картины. Что значит «красиво»? Я бы сказал, что прекрасная картина — это нечто такое, к чему я не могу ничего добавить и от чего не могу ничего отнять, потому что это сделало бы восприятие красоты картины меньше.

Итак, прекрасное уравнение, самое красивое уравнение на сегодняшний день для меня — это уравнение общей теории относительности Эйнштейна. Оно намного превосходит любую красоту, которую я встречал в своей жизни; понимание, что кривизна равна тензору энергии-импульса. До сих пор это для меня источник красоты. Потому что если вы удалите что-нибудь из этого уравнения, вы его испортите. А если добавите, тоже испортите. Как и в случае с прекрасной картиной художника.

Я знаю еще несколько таких уравнений. Например, уравнения Максвелла тоже чрезвычайно красивы. И когда у меня появляется студент, который хочет получить степень магистра, я показываю ему обычно уравнения Максвелла (их у него четыре) и предлагаю вычеркнуть одно из математических выражений, затем другое, чтобы показать, почему это все портит. После такого упражнения студент начинает лучше понимать их смысл, что они не были написаны, скажем, непосредственно между первым и вторым блюдом, когда Максвелл мог просто сказать: «Ага, давайте напишем это». Это уже не знакомство с уравнениями по учебнику. Нет, попробуй их изменить, и тогда узнаешь, что такое красота.

Когда Эйнштейн писал свои уравнения, он писал их из соображений симметрии, а не потому, что хотел описать Луну, кружащую вокруг Земли, или камень, падающий на землю. С помощью уравнений он сказал, что мир имеет симметрию. И в определенном смысле уравнения превосходили его видение того, для чего их можно было использовать. Например, он ничего не знал о черных дырах. А они есть в его уравнениях о расширении Вселенной. Они есть в уравнениях об аккреции материи в галактиках*.

Вы записываете это и не можете это изменить. Описывая целый мир явлений в форме уравнения. Это красота!

---

* Аккреция (от лат. *accrēscere* — «прирастать») — повышение массы космического объекта за счет гравитационного притяжения материи из окружающего пространства. Процессом аккреции сопровождается, например, возникновение звезды. Вначале образуется звездное ядро, которое постепенно притягивает к себе свободные частицы.

Вопрос: *И еще один вопрос от меня. Вчера, когда мы разговаривали, вы сказали, что мы живем в мире определенных рамок, но у нас есть и какой-то гибкий запас. И я начала думать о нашей Школе, наших участниках, об авторитарном режиме в России, Беларуси. Так как же нам определить этот гибкий запас, чтобы выйти за пределы авторитарных рамок?*

К. М.: Одна вещь, которая чрезвычайно удивительна и непонятна для меня, — самосознание. Когда я могу подняться на метауровень и смотреть на ход моих мыслей. Сознание — это реакция на разные вещи: я знаю, что происходит, я что-то вижу, слышу, у животных тоже есть сознание. А самосознание — это когда я могу как бы подняться и «посмотреть» на свое мышление, на что-то совершенно непонятное. Так что в том-то и дело, что я не знаю, кто дал мне возможность взять лист бумаги и, исходя из первых принципов, рассчитать температуру в центре звезды, которая находится в миллионах световых лет от меня, что совершенно не нужно для моего выживания. Но у меня есть эта способность. Та, что ставит меня и вас выше реальности. И мы даже не должны реагировать на нее. Можно перейти на метауровень и посмотреть на то, что, допустим, я должен делать, каковы мои действия и т.д. И эту способность мы должны использовать, это та граница свободы, которую мы имеем на метауровне самосознания.

И хотел бы добавить, что, будучи физиком, я абсолютно убежден, что есть трансцендентность, то есть то, что выходит за пределы материального мира, что материальный мир — это еще не все. Я абсолютно в этом убежден, хотя это и выходит за пределы физики. Ибо существование законов, как я сказал, не может быть объяснено физикой и указывает на трансцендентность. И ты либо в это веришь, либо нет. Но это нечто за пределами науки. Наука не может объяснить существование законов, управляющих материальным миром.

Разрушенный Харьков. Фото новостного портала redpost.com.ua, 30/01/2023

Сергей Жадан,
поэт

Сергей Жадан (род. 1974) — один из самых известных современных украинских литераторов (а также певец и музыкант). Его стихи и проза получили многочисленные национальные и международные награды, переведены более чем на двадцать языков, включая русский. Кроме произведений, известен своей активной гражданской позицией. В марте 2022 года выдвинут Академией наук Польши на Нобелевскую премию по литературе. В июле 2022 года удостоен Премии мира немецких книготорговцев за «выдающиеся художественные произведения, а также за его гуманитарную позицию, с которой он обращается к людям на войне и помогает им, рискуя жизнью». Большинство своих стихов автор публикует без заголовков.

Слова о войне

— Звідки ти, чорна валко, пташина зграє?
— Ми, капелане, мешканці міста, якого немає.
Прийшли сюди, принесли покору і втому.
Передай своїм, що стріляти більше немає по кому.

Наше місто було з каменю та заліза.
У кожного з нас тепер у руці дорожня валіза.
У кожній валізі попіл, зібраний під прицілом.
Тепер навіть у наших снах пахне горілим.

Жінки в нашому місті були дзвінкі й безтурботні.
Їхні пальці вночі торкались безодні.
Джерела в місті були глибокі, наче жили.
Церкви були просторі. Ми їх самі спалили.

Найкраще про нас розкажуть могильні плити.
Можеш із нами просто поговорити?
Даруй нам свою любов, стискай лещата.
Тебе ж, капелане, і вчили сповідувати і причащати.

Розкажи нам, навіщо спалили наше місто.
Скажи хоча б, що зробили це не навмисно.
Скажи, принаймні, що буде покарано винних.
Скажи взагалі бодай щось, чого не скажуть в новинах.

— Добре, давайте я розкажу вам, що таке втрата.
Звісно, всіх винних чекає гідна розплата.
І невинних вона, до речі, теж чекає потому.
Вона чекає навіть тих, хто взагалі ні при чому.

Чому саме ви потрапили до темних потоків?
Потрібно було уважніше читати книги пророків.
Потрібно було оминати пекельні діри.
Для мирянина головне — не бачити в дії символи віри.

Пам'ятаєте, що сказано в пророків про біль і терпіння,
Про птахів, які падають на міста, мов каміння?
Ось саме тоді й починаються, власне, втрати.
В кінці — там взагалі погано, не буду навіть розповідати.

Яка між нами різниця? Як між приголосними й голосними.
Всі готові сприймати смерть, якщо це буде не з ними.
Ніхто й ніколи в цьому житті не оминє розплати.
Я завжди говорю про це своїм, коли не маю чого сказати.

Я не знаю нічого про неминучість спокути.
Я не знаю, де вам жити і як вам бути.
Я говорю про те, що кожному з нас властиво.
Якби ви знали, як нам усім не пощастило.

2014

— Откуда ты, птичья стая, чёрный протяжный след?
— Мы, капеллан, из города, которого больше нет.
С собой принесли сюда мы смирение и усталость.
Скажи своим не стрелять — живых там уже не осталось.

Наш город из камня и стали стоял сотни лет у могучей реки,
А нынче у нас лишь баулы в руках и на каждой спине — рюкзаки.
И в каждом бауле — пепел, собранный под прицелом.
Теперь даже в наших снах сильно пахнет горелым.

Женщины в городе были всегда беззаботны и звонки,
Ночами их пальцы казались особенно тонки.
Колодцы были глубоки и наполнены голосами.
Церкви были просторны. Мы спалили их сами.

Мы попросим могильные плиты про нас ничего не забыть.
А с тобой сейчас хотели бы просто поговорить.
Подари нам свою любовь, пусть сожмёт нам виски тисками!
Тебя ж, капеллан, учили с грехом пополам разбираться с грехами.

Расскажи, для чего наш город сожжён и разрушен?
Расскажи, это сделал Господь иль людские заблудшие души?
Расскажи о возмездье для них и о вечных страстях.
Скажи нам хоть что-то, чего мы не слышали в новостях.

— Хорошо, я могу объяснить, что такое утрата,
И сказать, что виновных, конечно, ждёт вскоре расплата.
Но, кстати, и невиновных она не минует тоже.
И тем, кто совсем ни при чём, уйти от неё ничто не поможет.

Почему вас — не кого-то ещё — смелó водами тёмных потоков?
Просто слишком лениво читали вы книги пророков.
Просто не обходили вы адские дыры, где пламя и сера.
Для мирянина страшно видеть в действии символы веры.

Что сказано у пророков про боль и терпенье в их книгах давних?
Про птиц, которые падают на города, словно камни?
Вот тогда начинают терять всё и те, кто молился и верил в чудо.
А в конце — совсем плохо, даже напоминать вам не буду.

Между гласными и согласными та же разница, что между нами.
Все готовы принять и даже прославить смерть, пока она за горами.
Но расплаты ещё никто и нигде не сумел избежать.
Я всегда говорю об этом своим, когда мне нечего больше сказать.

Я не знаю, как может выглядеть искупленье.
Я не знаю, где жить вам теперь и просить ли у Бога прощенья.
Я говорю о том, что в каждом из нас проросло.
Если б вы только знали, как всем нам не повезло!

Перевод Георгия Чижова, 2022 г.

Георгий Чижов (род. 1973) — политолог, социолог, публицист. Родился в Москве, с 2009 года живет в Украине. Не является профессиональным литературным переводчиком. Творчеством Жадана, по его словам, «увлекся с первой строчки».

Симптоматично, что стихотворение написано автором в 2014-м, когда война только ступила на украинскую землю, а полномасштабное российское вторжение заставило его звучать с еще большей силой.

Ностальгия по жертвоприношению*

О прецеденте спасения мира

«Сколько дивизий у папы римского?» — иронизировал бывший ученик духовной семинарии Джугашвили. В 1962-м, во время Карибского кризиса, счет шел не на дивизии, а на боеголовки. Ровно 60 лет назад, 25 октября 1962-го, на пике противостояния прозвучало воззвание в защиту мира папы римского Иоанна XXIII.

Едва ли оно могло решающим образом повлиять на тональность телеграмм, которыми раздраженно обменивались Кеннеди и Хрущев. Но президент США был католиком, его отец дружил с папой Пием XII, а особое внимание, которое уделял Иоанн XXIII проблемам мира и разоружения, и его открытость к общению с некапиталистическим миром подкупали первого секретаря ЦК КПСС. И потому, возможно, это воззвание оказалось не пустым сотрясением воздуха. Во всяком случае, 26 октября его без купюр и комментариев опубликовала газета «Правда». И в этот же день американскому президенту было отправлено длинное и относительно миролюбивое (хотя в нем были горы вранья по поводу типов вооружения, отправлявшихся на Кубу) послание Хрущева: если Кеннеди даст заверения в том, что не нападет на Остров свободы, «тогда будет стоять иначе и вопрос об уничтожении не только оружия, которое вы называете наступательным, но и всякого другого оружия».

Папа готовил в то время Второй Ватиканский собор, и в качестве наблюдателей к участию в нем были приглашены представители Русской православной церкви. Интуитивно Хрущев чувствовал в пожилом и умиравшем от рака Иоанне XXIII если не союзника,

Андрей Колесников,
журналист и политолог,
автор книг

* Газета.RU. 25 октября 2022 г.

то фигуру, которая может стать моральным посредником в установлении новой конфигурации отношений СССР с западным миром, — уж очень был напуган Никита Сергеевич самим собой и Карибским кризисом.

Между американским и советским руководством в те дни было 17 каналов связи. Многие из них были весьма продуктивны. Во всяком слу-

Хрущев: «Одна из проблем сегодняшнего мира состоит в том, что недостаточное число людей всерьез напугано опасностью ядерной войны»

чае, практика формирования таких back-channels привела спустя годы, несмотря на вьетнамскую войну, к встрече Никсона и Брежнева и политике разрядки. Умелым их куратором с советской стороны долгие годы был посол СССР в США Анатолий Добрынин. И вот уже после Карибского кризиса, когда нужно было разобраться с

его послевкусием, одним из участников нового канала контактов стал главный редактор Saturday Review Норман Казинс.

Журналист и редактор был основателем так называемых Дартмутских конференций — площадок для неформальных контактов американских и советских интеллектуалов и общественников. В дни Карибского кризиса в США как раз и проходили Дартмутские встречи при участии советской делегации, в составе которой находился, например, влиятельный политический обозреватель «Правды» Юрий Жуков. Заседания по общему решению участников продолжались и во время кризиса. Станным образом в те времена общественным инициативам уделялось больше внимания, чем сейчас. Дартмутский диалог и активность кардинала Феликса Морлиона, знакомого Казинса и неутомимого, как сказали бы сейчас, «пиарщика» католицизма (он даже поучаствовал в создании в кино «католического неореализма», затянув в это дело Роберто Росселлини), сделали возможной коммуникацию со Святым престолом. В результате Норман Казинс по личному поручению Джона Кеннеди стал неформальным посланцем в контактах с папой римским и советским первым секретарем.

Сначала Казинс посетил Ватикан, хотя в тот момент его встреча с папой не состоялась. Но, по крайней мере, он получил «задание» поднять в разговоре с Хрущевым тему освобождения из тюрьмы католического архиепископа Иосифа Слипого. Встреча с Никитой Сергеевичем продолжалась более трех часов — так проявились преимущества такого рода неформальных каналов: председатель Совмина и первый секретарь предстал перед Казинсом человеком, а не начальником. Во всяком случае, Хрущев поделился важными переживаниями: «Китайцы говорят, что я испугался (нажать на ядерную кнопку. — А. К.). Конечно, я испугался. Я был бы сумасшедшим, если бы не боялся... Я рад, что был напуган. Одна из проблем сегодняшнего мира состоит в том, что недостаточное число людей всерьез напугано опасностью ядерной войны».

Казинс изложил просьбу папы римского об освобождении Слипого. Хрущев отнесся к этой идее кисло — архиепископ сотрудничал с нацистами. Но спустя некоторое время Слипый был освобожден и прибыл в Рим. В дальнейшем Никита Сергеевич выполнил еще одну просьбу папы, ретранслированную Казинсом во время второй их встречи в апреле 1963 года, — освободить архиепископа Йозефа Берана, просидевшего несколько лет в Дахау, а потом попавшего под каток коммунистических репрессий.

В декабре 1962-го Норман Казинс отправился в Рим с открыткой за личной подписью Хрущева с рождественскими поздравлениями папе Иоанну: «...примите поздравления от человека, который желает Вам доброго здоровья и сил для борьбы за мир и счастье людей». Папа мог прочесть пожелания по-русски, поскольку изучал славянские языки. В разговоре с Иоанном XXIII Казинс отметил, что Хрущев подчеркнул некоторое, как ни странно, сходство его биографии с личной историей папы: оба происходили из простой крестьянской семьи. (Анджело Джузеппе Ронкалли, будущий папа Иоанн, родился в маленьком местечке Сотто-иль-Монте в провинции Бергамо.) Папа, которого многие за его открытость к диалогу называли «красным», пояснил свою позицию: «Надо пытаться говорить с хорошим в людях. От попытки никого не убудет». И отметил, учитывая опыт Карибского кризиса, важность укрепления каналов коммуникаций.

В марте 1963-го коммуникацию между Ватиканом и СССР снова налаживали неформальным способом — послание Хрущева папе лично в руки передали главный редактор «Известий» Алексей Аджубей и его жена, дочь Хрущева Рада Аджубей. Сопровождал чету чрезвычайно обаятельный собкор «Известий» в Риме Леонид Колосов, он же в то время старший лейтенант внешней разведки КГБ СССР. Прощупывались возможности заключения межгосударственного соглашения и визита Хрущева в Ватикан.

В апреле Казинс снова оказался в Риме, где ему вручили свежотпечатанную копию новой энциклики *Pacem in terris* («Мир на земле») на русском языке, своего рода завещание Иоанна XXIII. Визит Казинса в СССР должен был быть посвящен урегулированию вопроса инспекций ядерных испытаний, крайне болезненного и начинавшего снова портить отношения Кеннеди и Хрущева. Энциклика очевидным образом давала философские основания для ответственного поведения двух лидеров, в принципе стремившихся избежать войны, тем более ядерной.

Этот документ и спустя почти шесть десятилетий не просто не потерял своей актуальности, а стал, пожалуй, еще более важным. В энциклике перечислялись права и свободы человека и гражданина, в чем она перекликалась с ооновской Всеобщей декларацией, чего папа и не скрывал и даже, наоборот, подчеркивал. Иоанн рассуждал и об устройстве и предназначении власти: «Больше нет народов-завоевателей и

покоренных народов: многие нации уже создали либо создают независимые государства. <...> Власть, которая основывается исключительно или преимущественно на терроре и страхе перед наказанием или на обещании заманчивого вознаграждения, не побуждает людей деятельно стремиться к достижению общего блага... <...> всякое действие органов власти, направленное на непризнание или нарушение прав личности, противоречит самому их предназначению и, следовательно,

*«Из мира все извлекают
выгоду: индивиды, семьи,
народы, все человечество»*

лишено юридической ценности. <...> Не существует людей по природе высших и низших — все равны по естественному достоинству. Следовательно, нет высших и низших государств».

То, на чем настаивал папа Иоанн: «...у государств могут возникать и действительно возникают конфликты интересов, но такие несовпадения и споры необходимо преодолевать и разрешать, не прибегая к силе, хитрости и обману, но, как подобает людям, с взаимопониманием, путем спокойного и объективного рассмотрения и адекватного решения».

Энциклика содержала антивоенный пафос: «Из мира все извлекают выгоду: индивиды, семьи, народы, все человечество. Поныне остается актуальным предупреждение Пия XII: “Ничего не потеряно с миром. Все может быть потеряно с войной”. <...> Ни одно государство в настоящее время не в состоянии преследовать свои интересы и развиваться, замыкаясь в себе, ибо степень его благополучия и развития также отражает и является составной частью благополучия и развития всех других государств. <...> Не может быть мира среди людей, если нет мира в каждом из них».

Как воззвание папы имело некоторое значение для прекращения противостояния в дни Карибского кризиса, так и его призыв к разоружению, судя по очень скоро последовавшим событиям, возымел свое действие: «Прекращение гонки вооружений в военных целях, действительное сокращение и тем более уничтожение запасов оружия невозможны или почти невозможны, если одновременно не произойдет полного разоружения, т.е. если не будет укрощен разум, зараженный психозом войны. Это в свою очередь требует, чтобы принцип “мир держится на паритете вооружений” был замещен принципом “подлинный мир может быть построен только на взаимном доверии”».

Спустя несколько месяцев, в августе 1963-го, СССР, США и Великобритания подписали в Москве Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой. Папа Иоанн до этого не дожил, он умер в июне. Джон Кеннеди был убит в ноябре. В октябре 1964-го Хрущев был смещен своими товарищами со всех постов. Сам этот эпизод коммуникаций и сотрудничества, приведший к подписанию Московского договора, остался доказательством

Уильям Кентридж. Пусть танец будет нежной.

возможности любых, даже самых радикальных по содержанию договоренностей — только если лидеры этого действительно хотят. И видят в них моральное обоснование. А кто-то — и божественный промысел.

Иногда ради такого итога можно пойти на жертву, если, конечно, лидер считает уступку другому лидеру жертвой. В «Ностальгии» Андрея Тарковского, чтобы спасти мир, писатель Горчаков переходит со свечой бассейн и умирает, в его «Жертвоприношении» Александр, чтобы избавить мир от ядерной войны проводит ночь со служанкой Марией, дает обет молчания и поджигает свой благополучный дом. От нынешних лидеров точно требуется меньше, чем от героев актера Эрланда Юзефсона. Всего лишь немного доброй воли, как это произошло внутри триумvirата «Кеннеди — Хрущев — папа Иоанн XXIII». По такому жертвоприношению можно испытывать только ностальгию.

Энн Эпплбаум,
историк, журналист

В своем материале для *The Atlantic* Энн Эпплбаум рассказывает, чем отличаются новые российские эмигранты от своих предшественников столетней давности, какую роль в попытках принести в Россию демократические ценности сыграла Школа Лены Немировской и Юрия Сенокосова и почему изгнание — это не конец.

Российская империя должна умереть*

Поражение Путина и прекращение имперских устремлений необходимы во имя лучшего будущего

За 30 лет существования у Московской школы гражданского просвещения не было ни кампуса, ни учебных планов, ни профессоров. Вместо этого Школа, управляемая из московской квартиры ее основателей, Лены Немировской и Юрия Сенокосова, проводила семинары для политиков и журналистов под руководством других политиков и журналистов не только из России, но и со всего мира. Они познакомились в самом начале 1970-х, когда Сенокосов работал в редакции советского философского журнала. Оба разделяли ненависть к государственному насилию и произволу, которые определяли большую часть их жизни. Отец Немировской был узником ГУЛАГа. Сенокосов как-то поделился со мной, что не может есть черный хлеб, потому что этот вкус напоминает ему о бедности и трагедии его советского детства.

Оба также верили, что Россия может измениться. Может быть, не слишком сильно, не радикально, но тем не менее измениться. Немировская как-то сказала мне, что прежде всего она хотела сделать Россию «немного более цивилизованной», познакомив людей с новыми идеями. Школа как продолжение бесед на кухне ее основателей преследовала эту единственную, совершенно не революционную цель.

* Anne Applebaum (2022, November). A better future requires Putin's defeat—and the end to imperial aspirations. *The Atlantic*.

Долгое время Школа процветала. С 1992 по 2021 год, по подсчетам Немировской, их семинары по проблемам экономики, права, демократическим институтам и СМИ посетили более 30 тысяч молодых людей — парламентариев, городских и региональных депутатов, бизнесменов, журналистов. На сессиях выступали британские редакторы, польские министры и американские губернаторы; финансовую поддержку оказывал не менее широкий круг европейских, американских и российских фондов и филантропов. Я сама посетила с десяток семинаров, где в основном говорила о журналистике.

Но Школа оставалась российской организацией, созданной россиянами для россиян. Выбор тем для сессий был

обусловлен только интересом к ним россиян, а впоследствии также грузин, белорусов, украинцев, присутствовавших на некоторых семинарах. Особенно скучным (лично для меня) казался семинар по федерализму в Скандинавии, однако участники сочли его увлекательным, потому что в своих высокоцентрализованных обществах они никогда прежде не задумывались об ином формате отношений между региональными и федеральными властями.

Проект Школы в то время не казался ни наивным, ни идеалистическим, в то же время он не был и радикальным или бунтарским. Даже в первое десятилетие президентства Владимира Путина демократическая политика в России хоть и была ограниченной, но оставалась законной; оппозиционные взгляды допускались до тех пор, пока они не пользовались слишком большой поддержкой населения; совершалось много попыток организовать дискуссии, тренинги и лекции о демократии и верховенстве права. По словам Немировской, ей и в голову не приходило, что она создает какую-то «диссидентскую» организацию. Наоборот, ее усилия были направлены на поддержку именно тех преобразований, за которые в 90-е годы выступали сами российские власти. Но постепенно эти люди были вытеснены из власти или изменили свои взгляды. На семинарах стали появляться офицеры ФСБ и задавать вопросы. В российских СМИ появились негативные публикации о Школе. Наконец, в 2014 году государство объявило Школу «иностранным агентом» и обязало ее помечать себя в публичном пространстве соответствующим ярлыком.

В 2021 году Школа была закрыта. Немировская и Сенокосов продали свою квартиру [в Москве] и переехали в Ригу. Они до сих пор проводят семинары, только теперь уже для россиян в изгнании. Многие из их друзей, коллег и бывших слушателей тоже уехали из страны. А весной 2022 года, после начала вторжения в Украину, этот ручей превратился в волну. Десятки тысяч российских журналистов, активистов, юристов и

*Проект Школы в то время
не казался ни наивным,
ни идеалистическим,
в то же время он не был и
радикальным или бунтарским*

художников покинули страну, забирая вместе с собой то, что осталось от независимых медиа, издательского дела, культуры и искусства. Среди них было немало и тех, кто когда-то приезжал на семинары по местному самоуправлению в Московскую школу гражданского просвещения.

Этот момент показался многим в России и за ее пределами концом истории. Но это не так, потому что истории, подобные этой, никогда не заканчиваются.

* * *

Идеи перемещаются во времени и пространстве, иногда неожиданным образом. Источником представления о том, что страна должна иначе управляться и быть другой, могут быть старые книги, заграничные

Большинство российских либералов не понимало, что имперский проект сам по себе был источником российского самодержавия

путешествия или даже просто воображение ее граждан. В XIX веке, на пике Российской империи, под властью одного из самых неповоротливых автократов своего времени расцвело множество реформаторских движений: социал-демократы, крестьянские реформаторы, сторонники конституций и парламентов. Даже неко-

торые выходцы из российской имперской элиты стали мыслить по-другому, не так, как другие представители их социального класса. Лев Толстой превратился во всемирно известного сторонника пацифизма. Отец писателя Владимира Набокова незадолго до революции выступал с пламенными публичными речами, редактировал либеральную газету и отсидел в тюрьме. Позже его сын вспоминал, как по вечерам, когда отец проводил свои политические собрания, «в холле скапливались шинели и галоши», и гости разговаривали до поздней ночи.

Государство уже тогда отталкивало инакомыслящих. В своей книге «Империя должна умереть» Михаил Зыгарь, российский писатель и первый главный редактор телеканала «Дождь», рассказывает о независимых мыслителях, выдвинутых из России в начале XX века; некоторые из них вернулись, чтобы повлиять на общественно-политические процессы во время революции. Тогда число русских политэмигрантов стало настолько большим, что заговорили о появлении альтернативного российского гражданского общества, пишет Зыгарь: «Русская диаспора перестала быть просто ветвью России; уже не было ясно, где ветвь, а где сам ствол».

Но ни тогда, ни позднее большинство российских либералов не понимало, что имперский проект сам по себе был источником российского самодержавия. Белое движение проиграло большевикам отчасти потому, что в 1918–1920 годах не объединило свои силы с новой независимой Польшей и потенциально независимой Украиной. И после революции ни в ветви, ни в стволе демократические идеи не победили,

частично по той причине, что государству нужно было применить много насилия, чтобы удержать Украину, Грузию и другие республики в составе Советского Союза.

Тем не менее десятилетия страха и нищеты, последовавшие за русской революцией, не избавили от веры в возможность другого типа государства. Новые поколения мыслителей продолжали возникать даже из советского мрака. Некоторые из них впоследствии помогут дать старт современному движению за права человека. Другие, так же как основатели и слушатели Московской школы гражданского просвещения, попытаются создать альтернативную Россию в годы после распада СССР.

Они проиграли очередному диктатору, который использует имперскую войну, чтобы уничтожить своих врагов и посеять страх по всей России. Но даже сейчас, когда большинство россиян запуганы пропагандой или поддались влиянию националистических лозунгов, более 17 тысяч человек внутри страны протестовали как против режима, так и против своих апатичных соотечественников. Выступив против империализма, они рисковали своей свободой; в числе заключенных под стражу — известные политики, которые давно могли уехать из страны, например, Владимир Кара-Мурза и Илья Яшин. Оппозиционный политик Алексей Навальный в тюрьме еще с января 2021 года; несмотря на свое положение, на судебном заседании 21 сентября он все равно осудил «преступную» войну и обвинил Путина в желании «замазать в крови сотни тысяч людей». 30 сентября он передал из колонии эссе, в котором описывал постпутинскую Россию и призывал к замене нынешней авторитарной президентской системы на парламентскую республику. То есть вместо того, чтобы изображать из себя нового спасителя империи, он призывает к совершенно иной России.

За пределами страны сотни тысяч простых россиян начинают понимать, насколько тесно связаны империя и автократия. Некоторые из покинувших страну граждан России решили вовсе не соприкасаться с политикой, многие уехали лишь для того, чтобы избежать мобилизации. Но большая группа из-за рубежа выступает против войны через русскоязычные онлайн-площадки, которые рассказывают о войне и пытаются донести информацию до тех россиян, которые остаются внутри страны. Телеканал «Дождь», закрытый в марте, возобновил свою работу и вещает онлайн из Риги. Команда Навального, оставшаяся после разгрома сети его штабов по всей стране, снимает видеоролики для миллионной аудитории на YouTube, который все еще доступен в России.

Существует множество групп и отдельных людей, которые хотят сохранить иное представление о России и создать «альтернативное гражданское общество» за пределами страны. Эта ситуация почти не отличается от эмиграции начала XX века, описанной Зыгарем, который сейчас сам оказался в изгнании. Гарри Каспаров — бывший чемпион мира по шахматам, продемократически настроенный оппозиционный

политик, который участвовал в организации уличных акций в Москве в 2000-х, а теперь оказался персоной нон грата в стране, где когда-то был героем, — недавно рассказал мне, что надеется построить что-то вроде «виртуальной Южной Кореи» для оппозиции той России, которая все больше напоминает Северную Корею. Один из проектов Каспарова, Форум свободной России, регулярно объединяет самые разные, порой враждующие между собой части российской диаспоры.

Но, по крайней мере, в одном изгнанники XXI века не похожи на своих предшественников из XX века: они оказались за границей или в

*Впервые в повестке
появилась идея, что
должен измениться не
просто режим, но и само
определение государства*

тюрьмах из-за ужасной империалистической войны. Поэтому многие выступают не только против режима, но и против империи; впервые в повестке появилась идея, что должен измениться не просто режим, но и само определение государства. Каспаров — один из многих, кто утверждает, что только военное поражение может привести к политическим переменам. По

его мнению, демократия будет возможна, только «когда будет освобожден Крым и над Севастополем будет развеваться украинский флаг».

* * *

Идею о том, что может быть другая Россия — национальное государство, а не империя, — в Украине сейчас не слишком поддерживают. Многие украинцы считают российскую демократическую оппозицию такой же виновной, империалистической и ответственной за войну, как и тех, кто против войны не выступал вовсе. Действительно, не все люди, которых прежде называли «российскими либералами», всегда были против империи или против Путина. Некоторые из них — технократы, выступавшие за диктатуру в стиле Пиночета, или светские деятели, чей «либерализм» выражался в инстаграм-фотоотчетах с европейских курортов. Украинская журналистка Ольга Токарюк недавно писала в твиттере: «Даже российские “либералы” неоднократно высказывали имперские идеи относительно внешней политики и Украины. Существует терпимость к войне и отвращение к демократии». Многие спрашивают: «А где массовые протесты россиян в Лондоне или Тбилиси? Почему тысячи россиян в изгнании, а не только некоторые из них, не делают так, чтобы их голоса были услышаны?»

Аргумент о том, что «хороших русских не существует», имеет глубокую эмоциональную и политическую подоплеку — и не только для украинцев. Ведь у российских либералов и раньше были провалы. Они потерпели неудачу в 1900-х, потерпели неудачу в 2000-х и терпят неудачу сейчас. Они не смогли остановить Путина, не смогли предотвратить развертывание этой катастрофы. Некоторым из них так и не удалось

Валерий Бочков. Антивоенный плакат. 2023

осознать (по крайней мере, до недавнего времени), как русский империализм вскормил и взрастил русское самодержавие и почему, как говорится в названии книги Зыгаря, империя должна умереть. Гнев, вызванный этим провалом, можно услышать в изменившемся тоне выступлений президента Украины Владимира Зеленского. Накануне войны Зеленский обратился к россиянам на русском языке, призвав их предотвратить то, что вот-вот произойдет. «Хотят ли русские войны? — задал он

риторический вопрос. — Ответ зависит только от вас, граждан Российской Федерации». Но поскольку они ничего не остановили, Зеленский недавно примкнул к другому лагерю, выступающему за запрет виз для россиян в Европу: россияне должны «жить в своем собственном мире, пока они не изменят свою философию». После того как в сентябре Путин объявил о начале мобилизации, Зеленский высказался еще более ясно: вместо того, чтобы бежать от призыва, россиянам следует «бороться на своих улицах за свою свободу». Украинский философ Владимир

Цель Лены Немировской — сделать Россию немного более цивилизованной — не вполне была наивной

Ермоленко говорил, что русские, недавно покинувшие Россию, бегут не от войны, а от призыва: «Если бы только эти сотни тысяч людей, спасающихся от мобилизации, выступили против войны внутри России, война бы уже закончилась. Трусые».

Такой логике нечего противопоставить. Конечно, россияне должны были бороться раньше и должны продолжать бороться сейчас. Но важно помнить, что некоторые из них все же боролись, а некоторые всегда будут это делать. Может быть, этой группе нужно новое название — они не «российские либералы», они «антиимперские россияне», или «продемократические россияне», или «россияне, выступающие за свободу». Кто-то пришел к такому выводу путем скрупулезного анализа, кто-то инстинктивно. В недавних разговорах россияне рассказывали мне, например, о тете, которая была советским диссидентом, или о близком друге в Украине, чтобы объяснить, почему они надеются, что их страна потерпит решающее военное поражение.

Эти связи являются продуктом случайности. Но случай и случайность объясняют, почему скромная цель Лены Немировской — сделать Россию немного более цивилизованной — не вполне была наивной. Потому что нет ничего неизбежного, ничего генетического, ничего предопределенного ни в каком-либо народе, ни в его правительстве. Это только диктаторы убеждены, что есть законы истории, которым нужно подчиняться. Демократы, напротив, знают, что государство со временем приспосабливается к обществу, а не наоборот; а общество по определению всегда меняется.

Культурное наследие прошлого тяжело, а привычки автократии, особенно привычка жить в страхе, сохраняются. Привлекательность власти тоже сильна. Люди, находящиеся у власти, не хотят ее терять, и следующее руководство России вполне может оказаться еще более репрессивным, чем это. Но будущее непредсказуемо. Страны эволюционируют, иногда переходя к лучшим формам правления, а иногда и к худшим. Империи рушатся: Российская империя пала, советская империя пала, и рано или поздно падет и новая путинская империя. В письме из своей тюремной камеры Владимир Кара-Мурза отмечал, что более 17 тысяч задержанных антивоенных демонстрантов значительно превосходят по

Uldus (Юлдус Бахтиюзина). Маша и медведь. 2015

численности семь человек, арестованных на Красной площади в Москве за протест против вторжения СССР в Чехословакию в 1968 году. Лена Немировская недавно сказала мне, что ее усилия не пропали даром. Она до сих пор считает, что три постсоветских десятилетия не прошли бесследно: что бы ни случилось дальше, «мы больше никогда не будем жить так, как жили тогда». Как сказал мне в прошлом году Леонид Волков, лидер команды Навального в изгнании, самое важное, что он и его коллеги могут сейчас сделать, — это просто быть готовыми к переменам, когда бы они ни произошли.

Нет никаких гарантий, что американская демократия сможет выжить; то, что произойдет с Америкой завтра, зависит от действий американцев сегодня. То же самое справедливо и в отношении России. Будущее страны будет определяться не мистическими законами истории, а тем, как ее лидеры и граждане справятся с трагедией этой шокирующей, жестокой, ненужной войны. Лучшее, что может помочь России измениться, — это гарантии, что Украина вернет себе украинскую территорию и разгромит империю. Мы также можем продолжать поддерживать тех россиян, как бы мало их ни было, которые понимают, почему поражение — единственный путь к современности; почему военный провал необходим для создания более процветающего открытого общества и почему опять-таки империя должна умереть. Нам не нужно искать идеализированных «хороших русских» — никакой супергерой не появится, чтобы спасти страну, ни сейчас, ни когда-либо. Но россияне, которые верят, что будущее может быть другим, продолжат попытки изменить свою страну, и когда-нибудь у них это получится. А пока никто и никогда не должен уступать Путину право определять, что значит быть русским. Это не в его власти.

Перевод с английского Натальи Корченковой

В 2022 г. вышла в свет книга Михаила Фишмана «Преемник. История Бориса Немцова и страны, в которой он не стал президентом». Это не столько биография конкретного политического лидера, сколько новейшая история России в целом, и Немцов — центральная фигура этой истории. Публикуем сокращенный вариант интервью главного редактора Republic Дмитрия Колезева с автором книги о Немцове, его убийстве и альтернативной истории России.

Михаил Фишман о своей книге «Преемник»*

Михаил Фишман,
журналист

— Почему именно Борис Немцов? Почему именно эта фигура в центре книги?

— Я решил разобраться в причинах всех тех событий и явлений, в процессах, на которые мы всегда привычно ссылаемся: «Вот видите, оно все так случилось, и поэтому так пошло». А почему оно так случилось? Я попытался разобраться. Поэтому в книге Немцов иногда отходит в сторону, в некоторых главах его вообще нет: это я рассказываю подноготную тех событий, в которых он будет уже непосредственно участвовать.

— Можешь поделиться какими-то открытиями, которые тебе больше всего запомнились?

— Открытия лежат в разной плоскости. Я разобрался в причинах всех важнейших для истории страны событий. Один пример: почему и как случилась первая чеченская война. Ведь многие согласятся: они на самом деле не понимают, как это произошло. И я не понимал. Я понимал, что она стала поворотной в истории страны. Но почему? В какой степени это преступление? В какой степени это ошибка? Кто виноват? И я откапывал, как с конца 1989 года зарождалась эта идея независимости Чечни, откуда появился Джохар Дудаев, как потом на этом пути было сломано много копий и как в итоге дошло до войны, которая началась в декабре 1994 года.

* Republic. 2 мая 2022 г.

— Для тебя после написания этой книги Ельцин скорее персонаж со знаком плюс или со знаком минус?

— Со знаком плюс. Иначе и не могло быть: все-таки неслучайно Немцов — мой Вергилий в этом путешествии, неслучайно именно он ведет меня за руку через все 1990-е и нулевые. Я с ним солидарен. Я взялся за все это именно из-за него. Я голосовал как он, я голосовал за него, его установки мне были всегда близки. И, конечно, Немцов — ельцинист. Ельцин привел Немцова в политику (и наконец-то я разобрался в том, как это произошло, — как вообще Немцов появился как большая политическая фигура). Я не могу не разделять основные принципы своего главного героя — это невозможно в такой работе. Я с ним солидарен, поэтому, конечно, Ельцин для меня со знаком плюс. Я не идеализирую (по крайней мере, стараюсь) ни Ельцина, ни даже Немцова. И тот и другой совершали ошибки. Но я бы предпочитал говорить о них как об ошибках.

— Какие, например, ошибки? Я про Немцова.

— Ошибки бывают разные. Сам Немцов говорил про свои ошибки. Есть история, которую я в книге разбираю подробно, когда он в 1994 году был очень популярным губернатором. У него началась звездная болезнь. Он молодой, его окружает успех, Нижний Новгород — столица реформ, он фаворит Ельцина, что дополнительно помогает везде и во всем, его все любят, он купается в славе. У него возникает конфликт с мэром Нижнего Новгорода Дмитрием Бедняковым, которого он сам привел и поставил.

Это типичный политический конфликт в России 1990-х: сталкиваются интересы двух центральных фигур региона — губернатора и мэра столицы.

Немцов тогда поступил крайне авторитарно, по-путински, можно сказать. Он потом об этом жалел и признавал эту ошибку. Он совершал и другие ошибки. Эти ошибки понятны: он же жил в настоящем времени. И самоцензура имела место в начале нулевых годов, когда он перестал быть преемником, но еще был влиятельной политической фигурой и возглавлял фракцию «Союз правых сил» в Государственной думе. Когда Путин только пришел и новое время только наступило, надо было как-то в нем ориентироваться, искать собственное будущее. Было непонятно, что дальше, что из себя представляет этот политический режим и куда Владимир Путин поведет страну. И, например, вызывает вопросы публичная риторика Немцова в ходе конфликта вокруг НТВ в 2000–2001 годах.

Я про все это рассказываю. Вопрос в том, что считать ошибками, что считать заблуждениями, что считать просчетами, а что некоторой

заносчивостью. Такого много — просто он живой человек, как и все мы. И я по себе знаю, как хочется быть близко к центру принятия решений, участвовать, поэтому совершаешь выбор, о котором потом придется пожалеть. И я думаю, что в жизни каждого уважающего себя человека такие ситуации бывали. И Немцов в них бывал. Это нормально, потому что он живой человек. Немцов совершал ошибки, потому что, повторю, он живой человек, а не памятник.

Немцов совершал ошибки, потому что он живой человек, а не памятник

— Почему книга называется «Преемник»? Не «Борис Немцов», не «История России», не еще как-нибудь?

— Потому что он — преемник. И потому что потом появился другой преемник... От того, кто преемник, многое становится ясным и много чего зависит. Он действительно был преемником Ельцина.

— Напомни, пожалуйста, этот сюжет — как он стал преемником и когда перестал им быть?

— Преемником он стал в 1994 году, когда об этом впервые сказал Ельцин: «Пора бы ему уже в президенты метить». С этого момента начинается восприятие Немцова как возможного будущего президента. Но это же не кровью расписано на бумаге — вот он, мой преемник, и все. К разговору об ошибках: Немцов уже понимал, что он фаворит, когда ехал в Москву из Нижнего Новгорода. Он оставил губернаторство, дал себя уговорить и стал в марте 1997 года первым вице-премьером в правительстве молодых реформаторов, в правительстве Ельцина. Конечно, он ехал туда, видя себя будущим президентом. И, конечно, когда он приехал, на него все так и смотрели. Пик его преемничества — это первая половина, даже весь 1997 год.

— И почему он не стал преемником?

— Сыграл свою роль, конечно, и конфликт вокруг «Связьинвеста». Когда все правительство молодых реформаторов начинают активно бомбить телеканалы Гусинского и Березовского, возникает жесткий конфликт внутри власти, одной из жертв которого становится Немцов.

Кроме того, он наступает на ноги всем. Он приезжает в Москву, абсолютно не встроен в эту аппаратную московскую жизнь, не знает, как себя вести, и не собирается вести себя так, как ведут себя московские чиновники, московский «двор». Он едет с политическим мандатом — что он будет проводить реформы, бороться с привилегиями, бороться за честные правила игры. И набивает тысячи шишек. Не пускает Бориса Березовского в «Газпром». И эта история тоже рассказана в книге. Возможно, именно она дороже всего ему обошлась.

Так или иначе, к январю 1998 года уже понятно, что Немцов как преемник себя похоронил. И время менялось, и отношение менялось. То, что работало, когда Немцов был губернатором в провинции, в Нижнем Новгороде, уже не так работало эффективно в глазах общественного мнения, когда он был в Москве, даже если вывести за скобки критиковавшие его телеканалы. Угол зрения стал другой. Ностальгия по советским временам, тяготы 1990-х давали о себе знать, и Немцов тоже становился их жертвой. Когда он был губернатором, он не отвечал за происходящее. Вот Гайдар с Чубайсом отвечали, потому что они — правительство. И они похоронили себя гораздо раньше. А Немцов стоял в стороне, он был просто успешный, молодой, современный губернатор. Да, не очень богатый, но успешный регион. И он не имеет отношения к тому, в чем привычно винит власть российское общество. И вот он становится первым вице-премьером — и в глазах общественного мнения уже он начинает отвечать за все. Ответственность-то он взял, а полномочий было не так много. Все это сыграло свою роль, безусловно.

— Давай пофантазируем в жанре альтернативной реальности. Если бы Немцов стал реальным преемником, участвовал в президентских выборах и выиграл бы их, какой бы была история России? Как ты думаешь, смог бы он изменить Россию, сделать ее более демократической, сохранить демократический тренд? Или все-таки колея, по которой движется страна, утянула бы его в авторитарную традицию?

— Это вопрос о роли личности в истории. У меня теперь есть ответ на этот вопрос. Я считаю, что роль есть, и она большая. Она не определяет все, потому что история всегда устроена сложно и никогда не бывает черно-белой: если вот этот, то все так, а был бы тот, все было бы по-другому. С одной стороны, да. А с другой стороны, в том режиме, в том общественном климате, на том историческом этапе, когда появилась новая Россия, роль личности была особенно велика. Понятно почему — потому что нет институтов, каких-то устоявшихся привычек общественной жизни. У людей все рухнуло вместе с падением советской власти. Поэтому от людей, которые наверху, от элиты в целом, от конкретных лидеров зависит очень многое.

Это доказано исследованиями. Например, Немцов был очень консервативен в подборе своей команды, не рубил шашкой, договаривался со всеми. Это было одно из оснований его успеха. В его нижегородском правительстве сидели бывшие коммунисты, его вице-губернатор был коммунистом. И есть исследования, которые доказывают, что в Нижнем Новгороде, где во главе власти сидел Немцов, устремления элиты были гораздо более демократическими и либеральными, чем в соседних регионах. Это именно фактор лидера. Под него подстраивается элита, ориентируется на него. Он за то, чтобы цензуры не было, и поэтому они считают, что ее быть не должно. Он за то, чтобы были честные правила

игры, что нельзя воровать (а это с самого начала ясно про Немцова — он всегда против цензуры и всегда безусловно честен). Никогда нельзя брать взятки никому, значит, они меньше их будут брать в Нижнем Новгороде.

Поэтому от того, кто встал у руля в 1999 году, кто оказался лидером, в огромной степени зависело, как потом развивалась страна и что с ней происходило. Конечно, Россия, в которой Немцов становится президентом, — это другая Россия уже хотя бы поэтому, это мы тоже понимаем. Но и курс был бы другим. Да, коррекция была бы, на него бы давили те же обстоятельства, которые давили на Путина. Безусловно. Но курс был бы другой. Да что Немцов, Немцов уже не был в списке, но были и другие кандидаты, у которых был такой шанс и на которых смотрели как на будущих президентов. Уже на самом финальном этапе. Ну, например, Степашин, который был премьером до Путина. Если бы он стал президентом, курс бы тоже был другим, я в этом убежден.

— Почти каждый автор книг об этом периоде дает свой ответ на вопрос, почему Ельцин выбрал Путина. У тебя есть свой вариант ответа?

— Я не могу сказать, что много добавил к тому, что мы и так все понимаем и знаем. Я постарался в этом разобраться, поговорил со всеми, написал эту историю. Но это очень обсуждаемая тема, и я не сделал новых масштабных открытий. Ответ в целом понятен.

Борис Ельцин оказался зажат в очень тяжелых обстоятельствах, все было против него, ему самому очень тяжело, он болен и несет свой второй президентский срок как тяжелую ношу. Он находится под атакой и коммунистов, и Юрия Лужкова, который активно претендует на большие роли, и губернаторов, которые уже не ориентируются на него и считают, что он уходящая фигура. Ему нужен кто-то, кто удержал бы курс. А ставки очень высоки в этой игре, к сожалению, и это всегда получалось так в российской истории, что тот, кто теряет власть, ведущие игроки рискуют потерять все: капиталы, даже свободу, вплоть до жизни. А кто знает, что будет дальше?

Ельцин и его окружение, которое помогало ему подобрать преемника, не могли провести границу между демократическим курсом и своим собственным будущим. Ельцин хотел, чтобы Россия была демократической страной. Но отделить одно от другого уже было невозможно. Потому что так устроена политическая борьба. И в этой борьбе показалось, что лучше поставить на Путина, чем на кого-то еще.

— Немцов был среди тех членов команды, кто поддерживал Путина в тот момент?

— И да и нет. Нет, потому что Путин, с его точки зрения, никто. Мы говорим про 1999 год, когда Немцов узнает, что Путин будет президентом.

Баннер в память Бориса Немцова. 2016

Он какой-то кремлевский клерк. Немцов же познакомился с ним, когда сам был в правительстве, а Путин работал в Кремле как глава Контрольного управления, потом — первым замглавы администрации президента. И он смотрит на Путина как на клерка, он совершенно поражен тем, что абсолютно никому не известный человек вдруг становится преемником. Это просто невозможно уложить в голове. Тем более Немцову, который сам был преемником! Он считает, что для того, чтобы быть президентом страны, нужен какой-то политический бэкграунд, тебя должны люди как-то знать. Это главное, чего у Путина совершенно нет.

Конечно, Путин Немцову был не близок. С одной стороны, Путин — чиновник. А Немцов — античиновник. Он противоположность тому, что в России понимают под чиновником. С другой стороны, Немцов — член команды, он ельцинист и в узком, и в широком смысле, как член команды либералов, которые продолжают поддерживать Ельцина. «Союз правых сил» и появился как такая прозападническая — и проельцинская — сила, которая будет вести реформы вперед. Как член этой команды он поддерживает Путина довольно активно. И у меня в книге есть истории о том, как Немцов поддерживал Путина и рекламировал его, в том числе на международной арене.

— Расскажи какую-нибудь.

— Ну, например, в начале января 2000 года, когда битва уже закончена, бой завершен и уже понятно, что Путин президент (он уже исполняющий обязанности президента), выходит статья в *New York Times* за подписью Немцова о том, что Путин — лучшая ставка для страны. За ним будущее, преимущество Путина в том, что он не несет ответственности за неудачи правительства прошлых лет. Есть еще одна эксклюзивная, ранее неизвестная история с участием Маргарет Тэтчер — прочитаете про нее в книге. Кроме того, и это Немцову действительно важно, он

действительно рассчитывает, что Путин ограничит влияние олигархов. Это и есть платформа народного капитализма, на которой Немцов стоял с 1996–1997 годов. И заявления Путина, что он будет отодвигать олигархов от власти, ему очень импонируют. Он поддерживает это искренне. Ему близко такое отношение к делу. Он, кстати, стоит у истоков встреч Путина с олигархами. Первая состоялась летом 2000 года на фоне ареста Гусинского. Она, может, произошла бы и без инициативы Немцова, но инициатива принадлежала ему, это он пришел к Путину, чтобы такую встречу провести.

— *Когда отношения Путина и Немцова разладились? Из-за чего?*

— Теперь для меня нет сомнений, что поворотной точкой стал «Норд-Ост». Это октябрь 2002 года. Именно тогда, в моем представлении, Немцов понял, что нет — с этим лидером и с таким подходом к тому, что такое власть и в каких отношениях она находится с обществом, ему не по пути. И он не может быть частью такой власти.

Мы всегда совершаем одну ошибку: смотрим из нашего времени в прошлое и ставим оценки, исходя из того, что мы знаем уже сейчас. Но тогда-то это будущее еще не случилось! История развивается в настоящем времени. Тогда избрание Путина вдруг магическим образом решило все проблемы. Было очень трудно: вокруг Ельцина все враги, коммунисты, левые, пересмотр приватизации, отказ от реформ, назад в прошлое. И вдруг — бабах! — выбрали Путина. И произошло чудо: продолжаем либеральные реформы, прозападный курс, дружим с Западом, вспомните, как 11 сентября Путин первый звонит Бушу... Да, есть много настораживающих моментов, но либеральные реформы имени Гайдара продолжают, а союз с Западом развивается еще активнее, чем при позднем Ельцине.

Поначалу Борис Немцов был согласен участвовать в управляемой демократии, как этот режим тогда назвали. Но в октябре 2002 года он понял, что это невозможно. Погибли люди. И за что, и почему они погибли? Они стали жертвами операции спасения, а не террористов. Тогда он обсуждал это с Путиным, он потом много раз излагал эту сцену. Рассказывал, что на предложение найти виноватых в том, что люди погибли, Путин отвечает, что мертвых к жизни не вернешь, зачем будоражить. Это я цитирую Немцова. И вот на этом их уже трещавший по швам союз порвался окончательно.

— *Какова была роль Немцова в карьере Сергея Кириенко, который сегодня занимает такое важное место на российском политическом олимпе?*

— Она была огромной, определяющей. Потому что Кириенко — банкир, член команды Немцова в Нижнем Новгороде. В книге даже есть Кириенко образца 1990 года, когда он лидер местного комсомола и выступает на знаменитых митингах. Это все есть в ютьюбе, это очень

интересно смотреть. Немцов привозит Кириенко в Москву, тот становится его замом в Минтопэнерго, потому что Немцов совмещал пост первого вице-премьера с постом министра топлива и энергетики. Этот пост потом переходит Кириенко. Дальше начинается взлет Кириенко, но уже без участия Немцова, когда он становится премьером. Можно сказать, наверное, что кем Ельцин был для Немцова, тем Немцов стал для Кириенко.

— *Как так получилось, что Кириенко, человек вроде бы либеральных взглядов из команды Немцова, превратился сегодня в олицетворение путинского авторитаризма?*

— Я на страницах книги предпочитаю не судить своих героев. Я предоставляю делать это читателям. Но скажу, что это и для меня самого большое потрясение. Потому что Сергей Кириенко был премьером в реформаторском правительстве, либеральном и демократическом. Он был лидером «Союза правых сил» в 1999 году, с которым я связывал будущее страны и за который голосовал. В том числе и за Кириенко лично. Я голосовал не только за Немцова, но и за Кириенко.

А теперь именем Кириенко создана новая Конституция, которая полностью противоположна всему, что он говорил тогда. И для меня это большой удар. Но в книге я про это не рассуждаю, это мои личные эмоции, которые я оставлю при себе. С самого начала Кириенко хотел делать карьеру в исполнительной власти, а не в законодательной. В мае 2000 года Путин образует семь федеральных округов, и тут же Кириенко становится его представителем в Приволжском федеральном округе. И можно представить себе, что уже в наши дни Кириенко хочет компенсировать свой неудачный опыт премьерства. Он не был виноват в дефолте, мог что-то делать иначе, но не мог дефолт предотвратить, и, возможно, им движет желание вернуться на коне, стать премьером снова, нести в Россию настоящее светлое будущее.

— *Почему, на твой взгляд, Борис Немцов был убит?*

— Это одно из моих открытий. Вроде как все факты известны, лежали на поверхности. И моя книга не расследование, в ней нет важных новых фактов, хотя какие-то детали я смог узнать. Это не полноценное расследование. Но я восстановил канву событий, которые привели к убийству Немцова. Сложив все вместе и отойдя на шаг в сторону, я взглянул на эту картину и открыл для себя вещи, которых не понимал. Мой вывод: Немцов стал жертвой войны. Первой фазы той самой войны, которая идет сегодня, — войны Владимира Путина с Украиной.

— *В каком смысле?*

— В 2014 году происходит Евромайдан, потом Крым, потом война, то есть боевые действия в Донбассе. Это сразу меняет общественный

Марш в поддержку Немцова

климат. Вообще, одна из проблем войны в том, что она резко повышает градус кровожадности. Она происходит не только на поле боя, но и в умах, в головах у людей. Очень многие сразу хотят воевать, чинить насилие, убивать других. У них появляется возможность себя проявить.

Такие люди тут же вышли на сцену весной 2014 года. Сторонники насилия, желающие кому-то отомстить, с кем-то поквитаться, что-то сделать, что возможно только на поле боя и с автоматом Калашникова в руках. Мы помним это все. В 1993 году таких людей тянуло к Белому дому, к Руцкому и Хасбулатову, они там маршировали во дворе, а потом устроили восстание. В 2014-м такие же люди поехали в Донбасс. Там были и добровольцы из Чечни. Рамзан Кадыров всегда говорил, что он воин Путина, а тут появилась возможность доказать это на деле. Добровольцы из Чечни, как это тогда называлось в прессе, устремились в Донбасс.

Для Немцова война тоже стала катализатором эмоций, у него это он просто не мог уложить у себя это в голове. Изменение территориальных границ России для него было абсолютно невыносимым! Он стоял у истоков России, он голосовал за суверенитет России в 1990 году, он в 1994-м был губернатором, когда подписывали Будапештский меморандум, который гарантировал Украине ее границы в обмен на отказ от ядерного статуса! Для него это были основополагающие вещи. Поэтому когда происходит Крым, а потом Донбасс, сказать, что он возмущен — ничего не сказать. Его эмоции кипят. И они кипят в другом направлении — в пацифистском, в том, чтобы остановить эту войну. В его неприятии Путина и войны как таковой. Он возмущен, он всегда свободен на язык, а тут тем более.

Таким образом, есть две стихии: стихия насилия, порожденная этой войной, которая ищет себе выход, а другая стихия — это эмоции самого Немцова, который не может с этим смириться и начинает бороться. Когда он пишет в СК требование объяснить, как этих добровольцев из Чечни пропустили через границу, тогда, видимо, на него обращают внимание и в Чечне. На него обращают внимание в окружении Кадырова. Это мои предположения, но они укладываются в этот контекст очень органично. И через несколько месяцев, как мы знаем, за ним начинается слежка.

А еще мы знаем, что Немцов произнес свою знаменитую матерную фразу про Путина в апреле в Киеве на одном из мероприятий. Но это, скорее, был формальный повод — дело было в столкновении двух стихий. Они столкнулись — и его убила война. Вот так я это понимаю. Немцов стал жертвой войны. Даже если угодно, двух войн. Всех войн. Войны с Украиной, которая тогда только началась, и войны в Чечне, против которой он боролся, — и первой, и второй.

— *То есть, по-твоему, убийство не приказ Путина?*

— Мое мнение — это не приказ Путина. Я так думал и в 2015 году, и, скорее, убедился в этом. Безусловно, он несет политическую ответственность. Но если рассуждать в юридических категориях об исполнителях, организаторах, заказчиках, то я считаю, что Владимира Путина среди них нет.

— *Но вскоре он получил сведения о том, кто был заказчиком, и не дал ход уголовному делу.*

— Да, в течение трех дней, максимум четырех, скорее всего, раньше, был полностью в курсе дела. Покушение на Немцова было раскрыто по горячим следам стремительно. ФСБ это сделала мгновенно, Бортников был у него с докладом через два-три дня. Все было у него на столе. И с тех пор он прекрасно знает, кем и как отдавались эти указания. После этого он на некоторое время взял паузу и думал, как с этим быть.

— *Пропал на пару недель вроде бы?*

— Да-да, исчез из поля зрения. Неизвестно, где находился, как-то думал, что он будет с этим делать. И кажется очевидным, что в его окружении среди силовиков были те, кто давил на него с тем, чтобы положить этому конец и разобраться с виновными как следует. То есть не ограничиваться исполнителем. Но в конце концов он сделал тот выбор, который сделал. Это его, Путина, политическое решение, что организаторы и заказчики убийства Немцова должны уйти от ответственности.

— *Последний вопрос. Опять альтернативная история: если бы Борис Немцов остался жив, что бы происходило дальше, на твой взгляд?*

— В книге есть послесловие, именно в этом жанре оно и написано. Давайте представим себе, что Немцова не убили в феврале 2015 года. Что бы было дальше? Но хеппи-энда не получается даже при таком развитии событий. Потому что все, что для него важно, становится невозможным.

Он ведь даже пытался уехать в 2014 году, когда началась украинская война. Шел разговор о переезде, он думал, что надо эмигрировать, заниматься политикой вне России. Даже поехал в Израиль. Но понял, что не может, что это невозможно, что он должен возвращаться. И вернулся — довольно быстро это произошло.

То есть он не мог находиться вне России, для него это слишком болезненно и тяжело, и он бы с этим не мог смириться. Кроме того, он не может сидеть в тюрьме. Так для него ценна свобода, что не может. Дважды он сидел в изоляторе, и второй раз даже прошел более комфортно в бытовом смысле, чем первый. Но он окончательно понял, что не может сидеть за решеткой. И это безвыходная ситуация, потому что его ждал один из двух этих вариантов.

С другой стороны, останься он жив, в какой-то момент он снова испытал бы этот успех, которого у него не было давно. После Крыма общественное мнение изменилось, и для Немцова это была огромная проблема: мощная поддержка Путина и аннексии, общество — практически монолит, а он снова отщепенец и одиночка. Диссидент. Мощное протестное движение после Крыма перестало существовать. Но потом ситуация изменилась. В 2018 году крымский консенсус лопнул, рейтинг Путина снова упал. И снова все то, о чем говорил Немцов, стало популярным, стало пользоваться общественной поддержкой. И он бы испытал все прелести, например, ведения своего канала в YouTube, который начал тогда развиваться.

Я уже не говорю о том, какое воодушевление он бы испытывал, глядя на то, что происходило в Беларуси. Это все началось с него. Это его выставили, депортировали из Беларуси еще в 2002 году! Он боролся с Лукашенко с самого начала нулевых годов. Он в 2013 году, кажется, приехал в первый раз в Беларусь после того, как Лукашенко его выставил. Он приехал, увидел, что происходит, и был в ужасе — вот это нас всех ждет, такая же безнадега в России будет, как и там. Но оказалось, что в Беларуси не безнадега, там массовые народные протесты, там вся страна выходит против тирана. Конечно, его бы это воодушевило. Я об этом всем рассуждаю, но хеппи-энда все равно нет. Потому что при том, как развивались события, каким был политический режим еще до войны, у Немцова как у свободного, свободолюбивого политика не было шансов сохраниться.

*Это его, Путина,
политическое решение,
что организаторы
и заказчики убийства
Немцова должны уйти
от ответственности*

George Soros

A Life in Full

Survivor, Billionaire, Speculator,
Philanthropist, Philosopher,
Political Activist,
Nemesis of the Far Right,
Global Citizen

Edited by
PETER L. W. OSNOS

HARVARD BUSINESS REVIEW PRESS

Сергей Николаевич,
журналист

Спаслись и победить

О книге «Джордж Сорос. Вся его жизнь»*

Его боятся. Его именем пугают автократов и СЕО крупнейших корпораций. Перед ним заискивают и трепещут. Его биографию изучают в университетах и финансовых школах. Его экономических и политических пророчеств ждут как откровений сивиллы. На последнем форуме в Давосе один из журналистов, допущенный до public talk, обратился к нему с пламенной речью: «Джордж, рад снова видеть вас здесь... Вы были правы насчет России и Путина, а об Украине пишете дольше, чем кто-либо другой. <...> Каков ваш взгляд <...> на сильные и слабые стороны, которые Украина может привнести в это историческое противостояние?»

Сорос не спешит с ответом. В прошлом году ему исполнилось 92. Он может позволить себе никуда не торопиться. Время от времени он объявлял, что уходит на покой: успел попрощаться с публикой в 1997-м, а потом еще раз в 2006-м. И, в общем, никто бы не удивился, если бы он свернул свою деятельность. Но нет, похоже, он не собирается этого делать. Смотрит зорко и строго, говорит медленно и со значением. Всегда в курсе последних новостей и биржевых сводок. Он никогда не пользуется готовыми формулами. Жизнь непредсказуема, как и финансы. Ничего нельзя просчитать заранее, можно лишь уловить новое направление потока и при желании опередить всех.

Кто-то скажет, что Сорос умеет слышать судьбу, кто-то все спишет на его интуицию и колоссальный опыт. А кто-то вспомнит постулаты его учителя, выдающегося философа Карла Поппера, утверждавшего, что реальность непознаваема и зависит от множества взаимоисключающих случайностей. Гений Сороса в том и проявился, что он, как никто, умеет рисковать. Риск — его страсть, его игра, его главный талант. Там,

* George Soros. *A Life in Full* (2022). Harvard Business Review Press, 320 p.

где другие тянут, прикидывая возможные убытки и последствия, Сорос действует решительно, как пират, берущий судно на abordаж. Или как игрок в рулетку, хладнокровно ставящий все только на одну цифру и моментально срывающий банк.

Сам он считает, что объяснение этому бесстрашию стоит искать в его детстве, в переживаниях и страхах еврейского мальчика, которому пришлось однажды поменять фамилию (был Шварцем, стал Соросом) и даже родителей (на какое-то время его приютят в чужой семье). Ничем не дорожить, ни к чему особо не привязываться, жить по фальшивым документам, жить так, как если бы завтра надо было снова скрываться, скитаться, куда-то бежать.

В четырнадцать лет он узнает, что такое смерть. Она посмотрит на него немигающим зеленым глазом радиоприемника Telefunken, из которого сквозь помехи он услышит голос диктора Би-би-си с сообщением, что немцы входят в Будапешт.

Эмигрировать было поздно. Единственный способ спастись — исчезнуть. По этой части у отца Сороса Тивадара был большой опыт. Все-таки два года русских лагерей для военнопленных во время Первой мировой. Подумать только, он даже из Сибири умудрился сбежать! И как! В лагере, куда сослали Тивадара, он был избран «представителем» заключенных. Когда несколько арестантов из соседнего лагеря сбежали, там был расстрелян как раз избранный «представитель». Тогда Тивадар собрал небольшую группу своих людей, и они вместе бежали из лагеря. Они собирались построить плот и проплыть на нем вниз по реке до моря, но их подвело незнание географии. Через несколько недель плавания они поняли, что их неумолимо относит в сторону Северного Ледовитого океана. Пришлось возвращаться через тайгу назад. На их счастье, как раз в это время произошла революция и никому не было особого дела до сбежавших венгерских военнопленных.

Тивадар и во время немецкой оккупации будет проявлять чудеса смекалки и сообразительности, которые в итоге спасут жизнь его сыновьям и жене Эржебет. Но ощущение жизни на краю, в самой непосредственной близости от смерти останется у его сына Джорджа навсегда. Кстати, свой главный проект жизни «Открытое общество» (Open society) он посвятит памяти отца.

Похоже, у них были сложные отношения. В книге George Soros. A Life in Full приводятся его слова, что отец вел жизнь «женатого холостяка», изменял матери направо и налево, ни в чем себя никогда не ограничивал, беспечно заводил романы на стороне. По предположению автора биографического очерка Евы Хоффман, Тивадар женился на матери Сороса из-за денег: она была из состоятельной еврейской семьи. Их скандалы, разрывы и примирения — постоянный фон, который сопровождал детство будущего миллиардера и филантропа. И кто знает, может быть, три брака самого Джорджа, последний из которых он заключил, когда

ему перевалило за восемьдесят, — это тоже в каком-то смысле наследие неугомонного Тивадара Сороса? От родительских генов не уйдешь, как и от страшных переживаний военного детства. Одно из них — русские солдаты, насилюющие его мать. Эржебет приказала сыну молчать. Они никогда об этом не говорили в семье. И тем не менее уже после смерти матери Джордж обнаружит этот факт.

В соответствии с конспирологическими теориями российских пропагандистов напрашивается вывод: спустя много лет Сорос вернулся в Россию, чтобы отомстить. За унижение матери, за лагерь отца, за годы советской оккупации Венгрии... Но это слишком примитивно, когда речь заходит о фигуре такого масштаба. Мечь — любимое занятие мафиози. Сорос — про другое. Его целью было создать на руинах восточноевропейского блока фактически новое общество и нового человека, открытого и восприимчивого к последним достижениям мысли, науки, культуры.

К этому времени Сорос успел сколотить миллиардное состояние и приобрести репутацию одного из самых успешных трейдеров в области международных валютно-финансовых отношений. При этом он начисто был лишен амбиций нувориша. Яхты, дворцы, коллекции живописи, престижные знакомства со знаменитостями — все это для него было слишком мелко, обыденно и скучно. Территория его основных интересов простиралась совсем на других меридианах.

С 1987 года Сорос опубликовал 14 книг и ряд статей в *The New York Review of Books*, *The New York Times* и других изданиях. В них он последовательно отстаивал идею мира, определяемого не политикой отдельных государств, а неким глобальным сообществом, субъекты которого осознают, что в свободе, равенстве и процветании должен быть одинаково заинтересован каждый. Именно с этой целью и были созданы Фонд «Открытое общество» и Центрально-Европейский университет — самые амбициозные проекты Сороса, призывающие пересмотреть устаревшие догмы и по-новому взглянуть не только на сам институт благотворительности, но и на развитие современного общества в целом, особенно с учетом новых реалий, возникших после распада СССР и восточноевропейского блока стран.

Именно Джордж Сорос стал одной из ключевых фигур тех тектонических сдвигов конца 80-х годов прошлого века, которые привели к смене политического и общественного ландшафта. В истории его имя стоит в одном ряду с именами папы Иоанна Павла II и великого ученого, диссидента Андрея Сахарова.

Сегодня удивительно узнавать, как власти бывших коммунистических режимов неистово сопротивлялись даже названию его фонда, усматривая угрозу уже в одном только слове «открытый». Например, в родной Венгрии после долгих мытарств Соросу было позволено зарегистрировать фонд под названием *Hungarian Academy of Sciences/George*

Soros Foundation. Тогда все началось с массовой закупки копировальных машин для школ, институтов и библиотек по всей стране. Символично, что бесшумный западный ксерокс стал для венгров чем-то вроде *Deus ex machina*. То, что раньше считалось мучительно сложной процедурой, связанной с кучей формальностей и разрешений, теперь свелось просто к нажатию одной-двух кнопок. Это был прорыв, сравнимый с революцией Гутенберга. Сорос обеспечил не только покупку четырехсот копировальных машин, но и их профилактическое обслуживание на несколько лет вперед.

Но самое главное — запретные тексты, которые, минуя все цензурные препоны, теперь становились доступными для всех. Слово «гласность» еще не было произнесено, а ксерокс Сороса уже работал вовсю. Отныне это станет принципом «Открытого общества»: минимальные вложения — максимальная отдача.

Сорос вспоминал: «Когда в конце 1986 года Горбачев позвонил Сахарову в Горький по телефону, попросив его вернуться в Москву, я понял: в Советском Союзе что-то изменилось. Если бы Сахарова заставили покинуть страну, это было бы обычным делом. Но тот факт, что ему было позволено вернуться в Москву, стал для меня знаком начала коренных перемен. Тогда я решил поехать в Москву и попытаться открыть там фонд».

Для своего появления в СССР Сорос заручился согласием и поддержкой тогдашней первой леди Раисы Горбачевой. Он действовал через фонд культуры, неустанно рекрутируя в ряды своих сторонников диссидентов, ученых, литераторов, художников. «Люди в Восточной Европе всегда больше озабочены вопросами поэзии и философии», — не без усмешки констатировал Сорос. По его наблюдениям, жизнь в закрытом обществе за железным занавесом атрофирует волю и предприимчивость, зато способствует занятиям классическим искусством и академической наукой. Поэтому поддержка «Открытого общества» в России распространялась в основном на библиотеки, издательства, толстые литературные журналы, летние школы, олимпиады для учеников старших классов, международные стажировки и гранты для молодых ученых.

Потом Сороса обвинят в «утечке мозгов»: мол, фонд финансировал массовый отъезд молодых специалистов из России. При этом никто не задался вопросом: почему государство не позаботилось о том, чтобы создать своим ученым хотя бы относительно приемлемые условия? Почему 500 долларов, которые Сорос выплачивал российским стипендиатам ежемесячно в течение нескольких лет, станут роковой суммой, приравненной потом путинской пропагандой к предательским тридцати серебряникам?

А ведь на самом деле именно столько получал когда-то юный выпускник Лондонской школы экономики Джордж Сорос за торговлю

Лена Немировская и Джордж Сорос

дамскими сумочками. По собственному опыту он знал, как трудно совмещать коммерцию и учебу и как могут пригодиться эти пять сто долларовых купюр с портретом Джорджа Вашингтона.

Или интернет, которого до Сороса не было в российской провинции. Кто его туда привел? Кто открыл? Кто оснастил 33 классических российских университета новейшими компьютерами, подарив фантастические для того времени возможности работы в Сети? И это только один проект «Открытого общества». А их было десятки и сотни.

Сам Сорос признает, что «историю моей вовлеченности в российские дела вряд ли можно рассматривать как ряд легких решений и успешных свершений. И все же мне кажется, я не зря потратил время и деньги. Мы были первыми и прокладывали дорогу другим. Даже наши оппоненты вынуждены признать, что мы нечто изменили. Мы изменили жизнь тысяч россиян — изменили к лучшему. Мы поддержали российскую науку в наиболее трудное и болезненное время перемен. Мы немало вложили в российское образование, когда существовавшая система начала распадаться. Мы начали серьезные программы в сфере культуры,

коммуникаций, экологии. Нравится это кому-то или нет, но не было в России другого фонда, чей вклад был бы столь же значителен».

Но почему тогда все закончилось закрытием, изгнанием, проклятиями, до сих пор несущимися в адрес великого филантропа и его сподвижников? Причем не только в России, но и в Чехии, Венгрии, Турции, Израиле, Белоруссии, Таджикистане...

Книга George Soros. A Life in Full не дает на этот вопрос прямого ответа. Как не торопится обнародовать версию истинных причин и сам фонд, ограничившийся туманной формулировкой о «начатой в 2021 году трансформации по пересмотру приоритетов своей деятельности и реструктуризации своих более чем 20 национальных фондов по всему миру с применением нового регионального подхода». Но что это за подход, пока никто толком не знает.

Ангажированные политологи считают, что гуманитарные проекты «Открытого общества» на самом деле были не более чем ширмой для вмешательства во внутренние дела суверенных стран и всяческого давления на неподконтрольные правительства. Что цель у Сороса одна — подчинить себе мир, заставить его жить по своим законам, создать свою «Сорос-империю». Неслучайно, что именно его объявили врагом номер один всего русского мира. Для этого годится все: фальсификации, подтасовки, антисемитские выпады, неприкрытая ложь.

Сам Сорос не считает нужным оправдываться или с кем-то объясняться. Он сам признает, что ошибался и не все его предсказания сбылись. Нет, он не пророк и не маг. Он по-прежнему игрок. Вот что поражает больше всего. Но в этой игре Сорос никогда не поступался главным — человеческим достоинством. Собственно, вся концепция его свободного общества построена на этом.

Без чувства достоинства не может быть свободы. Без милосердия не может быть справедливости.

На том стоит Джордж Сорос, главный возмутитель спокойствия мирового политического истеблишмента, негнбимый борец с автократией и тоталитарными режимами. Однажды он уже поспособствовал их крушению. И теперь, несмотря на возраст, не собирается сидеть сложа руки. И когда весной 2022-го в Давосе ему задали вопрос: «Что делать?» — он ответил предельно четко: «В 2015 году Украина доказала всем, что готова и будет сражаться за свою свободу до конца. Путин не захотел признать эту реальность. И вот что из этого вышло. Сегодня Украина бьется за весь западный мир. Поэтому мы должны предоставить ей всю мыслимую поддержку и помощь».

Сорос знает, что говорит. Как знает и то, что безвыходных ситуаций не бывает. Перед его глазами всегда будет дрейфовать плот с отцом, уносимый неумолимым ветром в Северный Ледовитый океан на верную погибель. Но ведь тогда удалось поменять курс. И выжить, и спастись. И победить!

10 лет назад в одном из номеров «Общей тетради» уже говорилось, с чего начиналась и когда появилась Школа. Первый семинар Московской школы политических исследований — после регистрации в декабре 1992 года в качестве некоммерческой общественной организации — состоялся в начале апреля 1993-го в подмосковном пансионате «Лесные дали». Однако до этого ее основатели Елена Немировская и Юрий Сенокосов провели два семинара за границей: в декабре 1990 года при содействии британского историка Джеффри Хоскинга в Школе славистики (при Лондонском университете) и 4–9 августа 1992-го под эгидой общества «Моральное перевооружение» в конференц-центре в Ко под Женевой (Швейцария).

В этом номере, помимо уже напечатанных текстов выступлений участников семинара в Ко (Общая тетрадь. 2013. № 1, 2), публикуются тексты еще двух его участников.

Филипп Буббайер,
историк (Лондон)

Моральные уроки советской истории. Опыт противостояния злу

Заметки о семинаре*

«Одно из духовных преступлений коммунизма... состояло в том, что он отменил понятия греха и порока. Он их заменил понятиями ошибок и недостатков» — так закончил свое выступление «Не будем обольщаться внешним крахом коммунизма» Юрий Карякин, советник Бориса Ельцина по вопросам культуры и специалист по Достоевскому, на семинаре «Моральные уроки советской истории», который состоялся в августе 1992 года в конференц-центре движения «Моральное перевооружение» в швейцарском местечке Ко. В семинаре участвовали известные общественные деятели и ученые как из России, так и из стран Запада. Заключительные слова Ю. Карякина касались существа проблемы. Нельзя покаяться, пока ты не признал, что совершил злодеяние; слово «покаяние» предполагает моральное усилие, связанное не просто с признанием ошибки (ибо последняя сводится всего лишь к недостатку информации), но и с

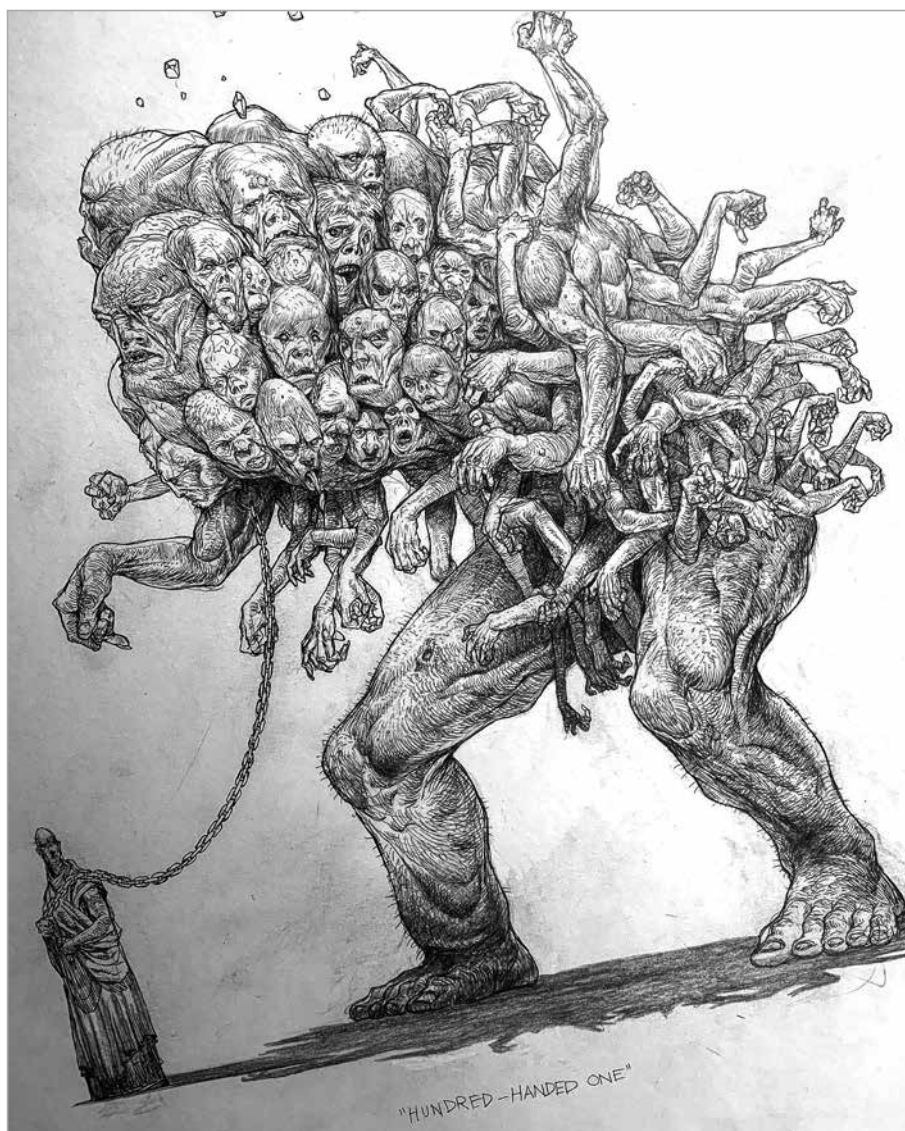
* Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. М.: АО Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1994. С. 220–226.

осознанием зла; предполагает личную ответственность и вину. Главное преступление коммунизма, по словам Карякина, заключалось в том, что он исключил моральный акт личного выбора из процесса исторического созидания.

Русский семинар в Ко был пробным, экспериментальным начинанием. Со времен Второй мировой войны конференц-центр в Ко служит местом для человеческого общения и обмена опытом в целях укрепления мира в Европе, но в нем еще никогда не происходили встречи академического характера. Семинар «Моральные уроки советской истории» был первым шагом в этом направлении. Открывая его, Юрий Сенокосов выразил надежду, что выступления его участников будут содержать в себе не только личные воспоминания, но и элементы философского анализа и размышления. Устроители семинара исходили из того, что сам предмет обсуждения неизбежно предполагает сочетание обоих этих подходов, поскольку опыт переживания зла, равно как и покаяние, является глубоко личным опытом. Покаяние как опыт изменения личности не может быть превращено в некий «метод», и поэтому было важно попытаться сосредоточиться не на внешней критике зла, а на опыте преодоления его в себе. Трудно однозначно оценить, насколько удалась поставленная задача. Тот, кто пытался вести обсуждение в рациональном русле, возможно, остался неудовлетворенным другими выступлениями, полагая, что они были перегружены личными свидетельствами. Те же, кто отдавал предпочтение опыту перед теорией, тоже, возможно, остались недовольны, так как диалог временами забирался на вершины абстракции. Но большинство участников семинара нашли предложенное сочетание подходов в высшей степени продуктивным, и многие, покидая Ко, выражали надежду, что опыт прошедшей встречи так или иначе получит свое продолжение.

Большинство участников семинара, покидая Ко, выразили надежду, что опыт прошедшей встречи так или иначе получит свое продолжение

Анализировать зло нелегко, и на протяжении всей работы семинара наблюдались достаточно отчетливые расхождения в подходах. Выступавших в дискуссии можно разделить на две группы: внимание одних концентрировалось главным образом на индивиде внутри системы, других — на самой системе. В первой группе выступавших сильное впечатление произвело выступление Лейфа Ховельсона, участника антинацистского Соппротивления в Норвегии (вместе с Брайаном Хэмлингом из Бостона Лейф Ховельсон был организатором конференции с западной стороны). Ховельсон говорил об испытаниях во время войны, об опыте «живого нравственного сознания», о страданиях, перенесенных им в гестапо, и о внутренней борьбе, с этим связанной: с одной стороны — искушение пойти на компромисс с нацистами, а с другой стороны — против искушения мести после поражения нацизма. Таким образом, было

Шон Эндрю Мюррей (Sean Andrew Murray). Гекатонхейры. 2020

обрисовано внутреннее религиозное состояние души, поставленной перед лицом зла. Наиболее ярким представителем другой точки зрения был Эрнест Геллнер, профессор социальной антропологии из Кембриджа (Англия). Рассматривая индивида как составляющую общественного развития, Геллнер указал на несостоятельность картезианского представления о рациональном индивиде. История показывает, отметил он, что большинство людей формируются обстоятельствами окружающего их мира и обретают свои ценности извне. Некоторые выдающиеся индивиды, правда, не подчиняются этому закону, но они лишь исключение из правил. Поэтому, сказал он, современный тоталитаризм стоит рассматривать как частный случай общего процесса модернизации в связи с обретенной научной самоуверенностью человечества. Попытка такого

грандиозного социального эксперимента, как советский коммунизм, была в определенном смысле неизбежна.

За такого рода различиями в подходах скрывались, несомненно, расхождения идейного характера, но частично они были связаны и с различиями дисциплинарного порядка. Так, среди выступлений историков особенно примечательным был доклад Джеффри Хоскинга, профессора русской истории Лондонского университета, о концепциях русского государства. Он предложил рассматривать советскую систему как результат сочетания трех факторов: российской самодержавной государственной традиции, марксистского научного мировоззрения и методов мобилизации масс после Первой мировой войны. Алексей Салмин, политолог из Фонда Горбачева, выступил с сообщением «Советская полития как моральный феномен». Советская политическая система, утверждал он, это своего рода техническая попытка устранить из мира грех без помощи Бога. В конце концов она исчерпала себя, но было бы неверно думать, что это произошло в результате победы добра над злом; скорее всего, жизнь как таковая восторжествовала над системой.

Сочетание разного рода подходов привело в итоге к широкому спектру истолкований советского коммунизма, который оказался весьма конструктивным. Правда, в своем выступлении Григорий Померанц сравнил в какой-то момент участников дискуссии со слепцами, исследующими на ощупь слона. Прозвучало сомнение в том, можно ли в принципе сказать что-либо определенное о самом слоне, даже ощупав его до хвоста. Салмин утверждал, что извлечь какие-либо общедоступные моральные уроки в этой связи вряд ли удастся, но тем не менее советскую систему изучать нужно. Эту же проблему затронул в своем выступлении Николай Плотников, молодой специалист по Гегелю из России. В связи с исследованием русской истории, сказал он, проблема заключается в избытке морализма по ее поводу; необходимо развитие объективной, нейтральной историографии. Тем более что советская история, заметил Салмин, притягивает нас к себе, она «сильнее нас».

Выступая с сообщением «Проблема насилия и структура рациональности», Юрий Сенокосов подчеркнул, что крайняя степень зла, выпавшего на долю России, очевидна и насилие само по себе, может быть, и объяснимо, но непостижимы его масштабы. Поэтому задача отнюдь не проста и воинственное противостояние злу не менее опасно. Еще Ницше, напомнил он, говорил, что тот, кто борется с чудовищем, не должен забывать, как легко самому превратиться в чудовище. Будем же осторожны, заключил он, пытаясь постичь прошлое. Ибо наше страстное желание добиться правды, каким бы справедливым оно ни было, может вновь привести к насилию. Здесь важна некая внутренняя самодисциплина.

Эта же проблема была затронута и Григорием Померанцем. «Бесы» Достоевского, сказал он, в свое время не встретили должного понимания

публики по той причине, что автор романа руководствовался в конечном счете разоблачительными мотивами в борьбе с заблуждениями «западников»; это был своеобразный монолог, направленный против последних. В своей же пушкинской речи Достоевский продемонстрировал

*Наше страстное желание
добиться правды, каким
бы справедливым оно
ни было, может вновь
привести к насилью*

готовность вступить в диалог, и этот опыт оказался более продуктивным. Причиной перемены, согласно Померанцу, была победа Достоевского над самим собой. Что именно он имел в виду, осталось все же не вполне ясным. Витторио Хёсле, профессор Тюбингенского университета, отреагиро-

вал, однако, в своем выступлении на то, что, по его мнению, указывает на свойственное русским особое внимание к нравственному цельному знанию. «Я согласен, — сказал он, — существуют истины, постижимые в их подлинной глубине лишь тогда, когда мыслитель обрел определенный жизненный опыт. Одним из величайших достижений греческой и средневековой христианской культуры было убеждение в том, что есть такие истины, которые открываются лишь тому, кто поработал над собой». К сожалению, продолжал он, Запад забыл об этом, Запад выработал систему, где информацией обмениваются вне всякой внутренней связи с личным опытом. Померанц же, продолжая размышление о Достоевском, заявил, что истоки зла лежат в страсти к правоте, из которой и проистекает дух ненависти. «Вечен дух ненависти в борьбе за правое дело», — заключил он.

Как противостоять злу, не заражаясь его ядом? Можно ли быть моральным, не впадая в морализм? Таковы были темы, поднятые Евгением Барабановым в докладе «Что может предложить современная этика?». Барабанов говорил о расхождении между двумя системами этики (автономной и теономной), отметив, что оно не обязательно носит решающий характер. А. Д. Сахаров, например, хотя и не был верующим, придерживался морального кодекса, в котором заключались и элементы трансцендентного; как сказано о последнем суде в Евангелии от Матфея, важны наши дела, а не слова. Главный водораздел, согласно Барабанову, пролегает не между названными системами, а между ними, с одной стороны, и тем, что он назвал «авторитарными системами этики», с другой. Теономные системы по своей природе ориентированы на личность, на индивидуальное «я». Авторитарные же — всегда на коллективную общность, на «мы». Теономные системы сопряжены с абсолютным моральным долженствованием, не абсолютизируя мораль как таковую. А авторитарные, являющиеся извращенным подражанием теономным системам, превращают мораль в абсолют и становятся тем самым «моралью господства». При этом он имел в виду коллективистский кодекс советской коммунистической морали, но отметил также, что подобными установками объясняются отчасти и трагические компромиссы Русской православной церкви.

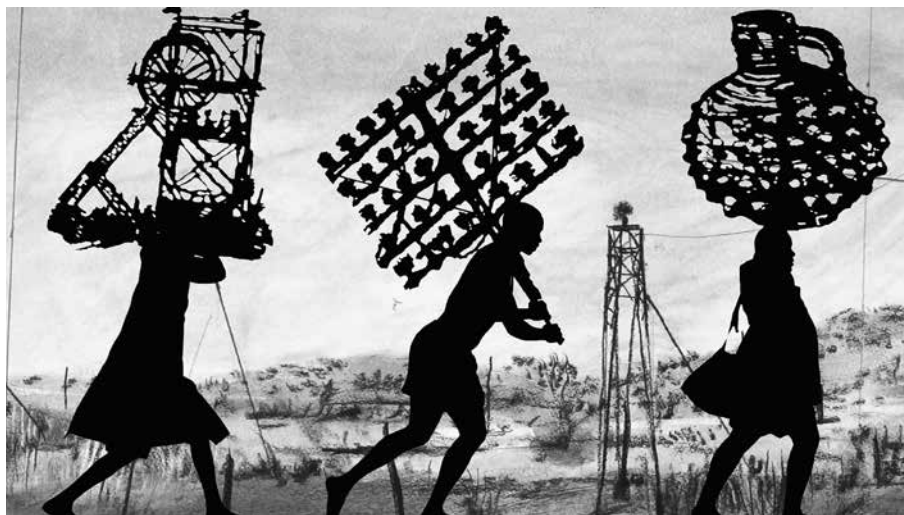
В заключение Е. Барабанов процитировал запись в дневнике, сделанную в 1942 году русским философом Семеном Франком: подлинным победителем фашизма в конечном счете окажется тот, «кто первым начнет прощать. Это и значит: победит Бог».

Опыт Лейфа Ховельсона свидетельствует, что прощение возможно, хотя путь к нему весьма нелегок. Салмин, со своей стороны, заметил, что бороться с ненавистью в высшей степени трудно. В известном смысле целью семинара и был поиск средств противостояния злу и ненависти. Так, во всяком случае, сформулировал ее в своем вступительном слове Ю. Сенокосов: исследование прошлого с целью предотвращения насилия в будущем.

У семинара было и своеобразное практическое измерение — исследование возможностей ненасильственной альтернативы развития для России

Таким образом, у семинара было и своеобразное практическое измерение — исследование возможностей ненасильственной альтернативы развития для России. Лен Карпинский — в прошлом один из лидеров советского комсомола, а ныне главный редактор «Московских новостей» — подчеркнул свою заинтересованность не столько, как он выразился, в «глубокомысленных теориях, сколько в практической политике». Покаяние, заявил он, насущный политический вопрос: верно понятое и осуществленное, оно могло бы стать «реальной альтернативой силовым решениям российских проблем».

Л. Карпинский, отец которого был в свое время соратником Ленина, выступая на семинаре, рассказал о своем жизненном пути при советском режиме. Он озаглавил свое сообщение по-солженицыновски — «Жить не по лжи» — и с подкупающей искренностью говорил о своих взаимоотношениях с коммунистической партией и попытках бороться за реформы внутри системы. Он несколько раз подавал заявления о приеме в партию, дважды был принят и в конце концов сам вышел из нее после кровавых событий в Литве в январе 1991 года. «Это, конечно, может показаться смешным, — заметил он, — но, в общем, это отражает нашу эволюцию попыток преодоления лжи...» Вслед за покойным Мерабом Мамардашвили, назвавшим СССР «антиобществом», Карпинский охарактеризовал его как феномен абсолютного «антимира», в котором было невероятно трудно установить, где именно заключена ложь. Многие искренне пытались найти пути неучастия во лжи, оставаясь внутри советской системы. Внутри этого запутанного мира такие люди, как он, Карякин, Евтушенко и другие, сформулировали для себя критерий «интеллектуальной совести», который заключался в следующем: если ты понял, что что-то действительно верно, то был обязан действовать в соответствии с таким пониманием. «Это, — подчеркнул Карпинский, — и было самым трудным для большинства». В заключение он указал на большую живучесть тоталитарного сознания. Внешне умирая,

Уильям Кентридж. Кадры из фильма "Kaboom!". 2018

коммунизм способен продлевать свое существование в новых формах, например, в «коммерциализированном тоталитарном образовании».

Реагируя на выступление Карпинского, Карякин обратился к литературному образу. Киплинг, сказал он, создал гениальный образ Маугли, который, будучи человеком, вырос среди волков. Человек же, который вырос среди волков, вырастает с волчьим сознанием. «Мы — Маугли, и это надо признать», — подытожил Карякин, имея в виду поколения людей, родившихся после 1917 года. Карпинский, согласившись с этим, добавил, что когда он второй раз вступал в партию в 1988 году, то действовал в соответствии с инстинктивным убеждением, что лишь через партию может быть продолжен процесс реформ. «Мое мышление и выбор были предопределены партийным воспитанием. Но был в этом решении и другой момент», — заметил он. С одной стороны, благородные мотивы. С другой же стороны, вступление в партию было связано с возможностью стать политическим обозревателем в газете. Присутствовал и корыстный мотив. Поэтому, заключил Карпинский, было бы неверно думать, что большинство рядовых членов партии были жертвами системы — ведь все они знали, насколько их карьера связана с их убеждениями.

Ю. Карякин заметил, что он не может участвовать в суде над КПСС, так как сам был ее членом. Это замечание нашло отклик у Вячеслава Игрунова, бывшего диссидента и одного из основателей общества «Мемориал». Хотя он боролся с коммунистической системой большую часть своей жизни, Игрунов все же задался вопросом, все ли он сделал, что было в его силах. Его эмоциональное выступление, смутившее некоторых участников семинара, обострило дискуссию и поставило проблему противостояния злу в конкретную плоскость применительно к людям с

самым разным жизненным опытом. «Всем нам не хватает смелости обнаружить зло в себе», — подчеркнул В. Игрунов и добавил, что не следует винить одну лишь компартию за злодеяния, в которых был повинен весь народ.

Эмоционально насыщенные выступления Карпинского, Карякина, Игрунова выявили, до какой степени труден путь к осознанию прошлого и того, что же есть добро и зло в конкретных условиях, когда людям приходится реально выбирать некую альтернативу, которая в свою очередь оказывается не столь уж «безгрешной», и когда даже самые добрые намерения могут «оправдывать» существующее насилие.

Выступавшие отмечали, что зло коммунизма нельзя недооценивать. В отличие от фашизма, коммунизм, по их мнению, характеризовался более резким (хотя и менее заметным) расхождением между его доктриной и реальностью, поскольку человек верил в определенный набор слов совершенно независимо от того, каким было фактическое положение дел. Коммунизм вовлекал практически каждого человека во всеохватывающую преступную систему и подрывал основы человеческой морали и духовной жизни как таковой. Участники семинара при этом называли атеизм в качестве основы коммунистического насилия и предложили создать «Библиотеку покаяния и исповеди» — собрание материалов и документов, которые бы помогли людям России понять самих себя. Ведь даже Сахаров, заметил Геллнер, хотя и выступал против «реального социализма», но и он, в общем, принимал заданную им картину мира. А Солженицын, по словам Карякина, некогда верил в Ленина и признавал, что его спасло только чудо. Но если даже эти великие люди оказались не безгрешны в отношении веры в коммунистические идеи, то не должно быть никаких иллюзий, что коммунизм уже побежден. «Мы находимся в самом начале духовного и нравственного одоления коммунизма, — сказал Карякин, — и не будем обольщаться внешним его крахом. По-видимому, дело все же не в том, что был период греха, а теперь период покаяния. В каждой точке нашего духовного бытия все это присутствует до последнего мгновения нашей жизни». Подобный вывод подводит, по существу, итог тому, что явилось самым важным в работе семинара. Сталинизм действительно не может рассматриваться как «ошибка». И хотя, вероятно, не все участники семинара были согласны с данным определением зла, это слово достаточно адекватно передает смысл того, что произошло в советской истории. Не признав зла, невозможно говорить о покаянии; зло и покаяние суть конкретные стороны человеческого естества. Быть может, именно в этой области — области, которую можно охарактеризовать как изучение естества человека в чрезвычайных исторических обстоятельствах, — советская история окажется наиболее поучительной для всех нас.

*Памяти моих друзей —
Мераба Мамардашвили и о. Александра Меня*

Насилие и структура рациональности*

*Кто борется с чудовищами, тому следует беречься,
чтобы самому не превратиться в чудовище.*

Ф. Ницше

*Юрий Сенокосов,
сооснователь Школы*

«Чтобы сорвать яблоко, заставляют рубить яблоно. Вот формула деспотизма» (Монтескьё). Но отвечает ли эта формула сегодня на те вопросы, которые мы продолжаем задавать о природе зла и насилия в XX веке? Ведь каким бы жестоким традиционный деспот ни был, его жестокость не выходила за рамки его произвола и не подрывала основы существующего уклада жизни. Он мог быть коварным в отношении своих подданных и соседей, мог грабить и убивать, но он не осмеливался разрушать вековые навыки крестьянского труда (как это произошло в Советской России), не посягал на сложившуюся систему жизненных представлений народа. Поскольку знал, что это неизбежно грозит самим устоям его власти и государства. Иначе говоря, какими бы жестокими его действия ни были, их всегда можно как-то объяснить в рамках того рационального способа, каким вообще человек как конечное существо способен устраиваться и жить. А как объяснить или, вернее, понять, хотя бы из идеи государственной целесообразности, тот масштаб и характер репрессий, что были совершены в СССР во времена Сталина? Оправдать то нескончаемое число жертв (что уже само по себе звучит дико), которые были принесены якобы во имя будущего? Способен ли на это хоть один нормальный человеческий ум?

* Конгениальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. М.: АО Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1994. С. 208–219 (публикуется с сокращениями и небольшой правкой).

Нет сомнения, что все это можно было принять, то есть поверить фактически в необходимость зла, только в состоянии глубоко пережитого ужаса, страха. Именно террор и порожденный им страх формировали сознание миллионов советских людей в сталинскую эпоху (это очевидно), вынуждая их быть строителями социалистической системы. Но, опять же, почему это произошло?

Насилие и жестокость XX века, думаю, будут оставаться непонятными, пока для их объяснения мы будем обращаться к традиционным, существующим понятиям, на основе которых, разумеется, многое объяснимо. В том числе, например, и либеральные заблуждения тех, кто в 1930 годы и позже оправдывал сталинский режим.

Человеческая моральная слепота и заблуждения вполне объяснимы в рамках традиционной системы ценностей и мышления, когда соотносятся средства и цели. То есть предполагается, что цели, сами по себе понятные, находящиеся в границах доступного для человека понимания своих потребностей, желаний, инстинктов, страстей и т.д., достижимы (или недостижимы) определенного рода средствами. В каждом конкретном случае все это остается в пределах объяснимого. Необъяснимо, однако, и непонятно в этом случае само явление. Оно невыводимо, как я сказал, даже из идеи государственной целесообразности, ибо несопоставим масштаб, характер совершенного зла и насилия. Оно оказывается вне рамок постижимого.

Значит, речь должна идти о другом его описании, а не просто о критике прошлого или моральной проповеди. Не о разоблачении, а о понятиях, которые позволили бы ввести в наш анализ некое целостное, неделимое жизненное событие. Так как речь идет не о том, чтобы, подобно большевикам, начать все с начала, а о нашей человеческой способности понимания.

Нельзя начать историю в некоем абсолютном смысле слова. История, по словам М. К. Мамардашвили, завязывается актом мысли, «помещением себя во все-связь однажды случившегося», и философия по определению не может быть иррациональной (от лат. ratio — отношение, пропорция; способ, метод). Поэтому, собственно, философская работа и прodelывается всякий раз заново. В ней нет ничего раз и навсегда достигнутого, завершенного, поскольку она предполагает развитие элемента живого знания, предшествующего описанию и доказательству.

*Философская работа
прodelывается
всякий раз заново*

Иррациональность революционера

Вполне допустимо, на мой взгляд, следующее определение революционера: революционер — это человек, который не согласен быть добрым и умным, если весь мир глуп. Ему нужно, чтобы все вокруг были умными и добрыми, лишь тогда он согласится и будет считать, что его борьба

и жизнь имеют смысл. В противном случае, согласно его представлениям, жизнь бессмысленна, мир безобразен и лучше не жить. Подобная мечта о человеческом счастье на земле воодушевляла, как известно, не одно поколение революционеров.

«Я иду в революцию не из любви, а из ненависти к безобразиям современного строя и из любви к тому будущему строю, который рисуется мне как идеал, — писал в конце XIX века один из основателей русской социал-демократии, Павел Аксельрод, своему другу и единомышленнику Г. Плеханову. — ...Если нет Бога, создавшего Вселенную, — и слава ему, что его нет, ибо царям мы можем хоть отрубать головы, а против деспотического Иеговы уже совсем ничего не поделаешь, — то подготовим появление породы богов на земле, существ всемогущих разумом и волей, <...> — вот психологическая основа всех моих духовных и социальных стремлений, помыслов и действий»*.

В этом ярком признании была выражена, на мой взгляд, суть русского коммунистического и одновременно эсхатологического вероучения и чувства.

Люди, повязанные на протяжении веков системой крепостной зависимости, действительно верили, что на земле правят злые силы, хорошие же силы ждут царства справедливости. И именно эти их ожидания, не укорененные в духе Евангелия и лишённые рационального начала, нашли спустя 60 лет после отмены крепостного права в стране свое естественное разрешение в идее построения коммунистического общества. Оставалось лишь направить эти ожидания в соответствующее русло, что и сделали большевики на основе разработанной ими марксистской идеологии и репрессивных государственных институтов.

Две вещи представляются в этой связи особенно важными с исторической точки зрения: неспособность социальных институтов и русской культуры в целом противостоять в свое время революционному социалистическому движению ввиду слабости либерально-демократической традиции в стране и привлекательность, доступность — на фоне ценностей либерализма — коммунистического идеала. Либерализм в России никогда не вызывал особого энтузиазма, так как мало кто верил, что только политическая свобода и просвещение без организованной вооруженной борьбы способны сокрушить создававшееся веками деспотическое государство. Лишь учитывая эти обстоятельства, можно, я думаю, понять в том числе и фатальную направленность русской революции против частной собственности — этой основы развития либерализма. После отмены крепостного права институт частной собственности, как заметил когда-то П. Б. Струве, оказался беззащитным с двух сторон: от него отреклась интеллигенция, замороженная идеей социалистического

---

* *Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925. С. 192–193.*

переустройства общества, и к нему не пришли, не имея соответствующего опыта, народные массы. Поэтому правы сегодня те, кто считает, что в России нужно не восстанавливать собственность, что было бы, видимо, легко, а нужно нечто более трудное — создавать собственность как особую сферу права. Создавать ее как жизненную необходимость и потребность людей на основе принятия соответствующих законов и расширения тем самым политических и экономических прав и свобод граждан.

И все же почему именно социалистическая (классовая) идея, нацеленная в свое время, казалось бы, на достижение как раз этих прав и свобод, привела к появлению в России тоталитарного режима? Объяснять это характером и пороками ее исторической власти — значит видеть прежде всего причину и цель борьбы с этой властью, но отнюдь

не ее последствия. Ибо невозможно, как я сказал, оправдать эти последствия. И учитывая к тому же, что революционный пафос и вера в «светлое будущее», которые в равной мере были присущи и европейским (а не только русским) последователям «Коммунистического манифеста», также зараженным идеей классового насилия, не вызвали, например, во Франции или Англии той катастрофы, которая произошла в России.

Что лежало в основе теории «научного коммунизма» Маркса? Этого своеобразного орудия социальной мести? Во-первых, то, что любой человек есть продукт исторического развития общества, которое определяет его характер и поведение, и, во-вторых, что все зло (индивидуальное и общественное) — результат предшествующего устройства социальной системы. Следовательно, пока существует эта система, люди не ответственны за свои поступки и их усилия должны быть направлены на ее свержение.

Другими словами, идея личной ответственности человека подменялась в данном случае идеей радикального, механического преобразования общества. Однако что касается родины социализма — Франции и Англии, то в этих странах распространение коммунистических и социалистических идей хотя и сопровождалось с самого начала их апологией и попытками практического воплощения (в виде создания разного рода «союзов», добровольных объединений взаимопомощи и т.д.), но и регулировалось законодательством. Сдерживалось самой культурой, фундамент которой составляли два жизнестроительных начала: идея юридического закона (права) и христианское учение о свободе воли. Осознав в какой-то момент, что человеческая природа и социальная жизнь в принципе несовершенны, люди в этих странах фактически отказались от идеи искоренения зла на земле и стали стремиться к его ограничению, опираясь, наряду с религиозными заповедями, на институт права

Правы сегодня те, кто считает, что в России нужно не восстанавливать собственность, а нужно нечто более трудное — создавать собственность как особую сферу права

Роберт Ирвин (Robert Irwin). Свет и пространство. 2007

в качестве инструмента разрешения социальных конфликтов и защиты собственности.

То есть я хочу сказать, что именно законодательное, правовое оформление стихии народной жизни с ее неизбежными социальными противоречиями и конфликтами было фактором сдерживания социализма в Европе в эпоху смены форм власти (отказа от теократии в пользу парламентского, конституционного строя). Во Франции, в частности, это развивалось на основе жесткого государственного регулирования. Причем характерно, что приписываемая Людовику XIV известная формула «Государство — это я» помогала французам в самые трудные периоды их истории. Но эта формула или принцип абсолютизма, в силу укорененного одновременно в культуре духа рационального (декартовского) сомнения, не приобретали самодовлеющего характера. Благодаря чему и был создан со временем достаточно сложный политический механизм и появилась соответствующая традиция ограничения абсолютной власти. В Англии же сходную функцию ограничения верховной власти исторически выполнял парламент, а также присущий англичанам и их культуре дух эмпирического, опытного знания. Сходные механизмы ограничения власти появились во многих странах западного мира.

Иначе говоря, европейская цивилизация в той мере, в какой она является христианской по своему духу, на мой взгляд, давно уже не обращает внимания на ум, доброту или глупость своих правителей. Хотя люди говорят об этом, но не это характеризует современную европейскую

историю. Европейское общество сложилось и существует так, чтобы меньше зависеть от того, находятся ли умные и добрые люди у власти или нет. Ибо не они управляют просвещенной Европой.

Или можно сказать так: поскольку есть просвещенная Европа, то есть просвещенное новоевропейское общество, постольку власть в нем не обязательно находится в руках самых просвещенных, умных и добрых, так как это общество появилось благодаря эмпирически налаженному взаимоотношению сложившихся государственных и гражданских институтов, реализующих те или иные возможности и способности человека. И эта эмпирически налаженная игра, ведущаяся по определенным правилам, и есть то, что действительно управляет в Европе. Это и есть европейские ценности, европейское достижение. Хотя когда заходит речь о статусе интеллектуала в Европе, конечно, имеется в виду и статус ума внутри реально действующей социальной, экономической и исторической силы. То есть насколько эта сила не слепа и не инстинктивна. Но не слепота и не инстинктивность рождаются в пространстве христианской мистерии человеческой свободы и истории как драмы. Той драмы, которая и сегодня не является для Европы чем-то само собой разумеющимся. В сущности, это и является главной европейской проблемой в отличие от России, где главной проблемой остается преодоление и изживание зла и насилия. Почему?

*Это общество появилось
благодаря эмпирически
налаженному взаимоотношению
сложившихся государственных
и гражданских институтов,
реализующих те или иные
возможности
и способности человека*

Потому что производительность современного общественного труда в Европе и на Западе настолько велика, что общество может содержать все более растущее число людей, фактически не работающих, благодаря существованию «государства всеобщего благосостояния», развитой системы благотворительности и т.д., что и привело к обесмысливанию необходимости насильственного, революционного подхода к решению социальных проблем.

В России же фундаментальное противоречие, с которым мы сталкиваемся, пытаюсь разобраться с помощью привычных понятий в природе революционного насилия, развязанного во имя установления социальной справедливости, продолжает оставаться проблемой в силу появления феномена призрачного бытия. Появления фантомов мысли, рожденных страстью сделать всех умными и счастливыми. Это «антимир», созданный воображением одиночек и навязанный в СССР миллионам людей, которым в течение десятилетий внушали, что «декабристы разбудили Герцена», Герцен развернул революционную агитацию, которую подхватили революционеры-разночинцы, а затем большевики, чтобы «раздавить гадину, царскую монархию» (В. И. Ленин). Все это,

считали они, было абсолютно оправданно с точки зрения будущего торжества социализма, так как были убеждены, что владеют истиной на века. Пока все созданное ими не обрушилось на них самих.

Так как же изжить это небывалое зло, преодолеть его, чтобы снова и нам «не превратиться в чудовище»?

Онтология рационального усилия

Очевидно, чтобы приблизиться к пониманию этого явления, нужно ввести, как я сказал, некое дополнительное, духовное измерение в то состояние, в котором рождается нечто принципиально другое.

Чтобы разорвать порочный круг зла и насилия, обратимся к структуре рациональности и взглянем в само событие мысли, которое случается в лоне того, что можно назвать, следуя евангельской традиции, «духовной силой языка» (А. Мень). То есть случается на основе символизируемых религией возможностей человека в его вечном настоящем, из абсолютов свободы и закона, когда эмпирически нащупываются ра-

циональные механизмы складывания общественной и культурной жизни.

*Природа демократии,
как и человеческой дружбы,
одна и та же:
терпимость и уважение*

Возьмем в качестве примера «событие мысли», связанное с законом, поскольку для закона нужен человек-гражданин. Или, другими словами, человек, соразмерный миру законов, сопричастный их

первоначальному смыслу, обязанный, с одной стороны, участвовать в гражданских делах, а с другой — способный на это участие в смысле уважения свободы и мыслей других людей. Поскольку свобода других (или демократия) — условие моей гражданской свободы, и наоборот. Природа демократии, как и человеческой дружбы, хотя это может показаться на первый взгляд странным, одна и та же: терпимость и уважение. Просто в одном случае это держится на свободном, обоюдном доверии. Дружба — это по-своему самодостаточное явление в мире. А в другом — в случае демократии, вырастающей из признания обществом гражданских прав и свобод каждого человека, — эти права и свободы, в силу неизбежного столкновения и борьбы человеческих интересов, нуждаются в юридической защите.

Как это достигается? Очевидно, в первую очередь с ясного отличия силы языка от закона. В Евангелии встречается очень странная, казалось бы, фраза, которая гласит, что до Христа были закон и пророки, а ныне Царство Божие силой берется. Фактически это и есть разрешение проблемы зла и добра. Или насилия и терпимости. Во всяком случае, различение добра и зла возможно лишь после закона.

То есть, с одной стороны, закон как бы порождает добро, создавая определенную устойчивость социальной жизни, оберегая ее, а с другой (когда он нарушается) — зло. И тогда пророк риторически провозглашает

о том, что было перед законом, но не может войти в формулировку закона, а проявляется через нарушение или отклонение от него. И что может быть восстановлено только силой языка. Или формой, которая сама своей внятностью вызывает такие события в жизни, которые не могли бы появиться иначе: ни на основе закона и власти, ни благодаря крику пророка или диссидента, если иметь в виду российскую историю. Где периодически в лицо власти выкрикивается последняя правда о том, что не входит в рамки закона либо искажается им, и в силу этого сам закон оказывается источником зла. А путь, предлагаемый Евангелием, — другой! Усилием берется. То есть силой внутреннего труда человека, участвующего в делах общества и пребывающего в истории.

*Мысль, если она есть,
не оставляет после себя
предмета, который можно
где-то хранить
и затем использовать*

Значит, цели законов достигаются только законами (если иметь в виду действие бытийных, неделимых законов, лежащих в основе права). И другой жизни, достойной этого слова, у человека нет. Учитывая, что кроме смерти ей вообще нет альтернативы. Как нет альтернативы и свободе, которая «производит только свободу», и ни для чего другого она не нужна и «недоказуема»*. Поскольку ее нельзя помыслить независимо от человеческого существования, как, например, числа. В этом смысле свобода вообще не является понятием, а относится, по выражению Мамардашвили, как и добро, к «плодотворным тавтологиям бытия», без противоречия и парадокса невысказываемым. И европейская цивилизация движется в этом историческом горизонте свободы, этими тавтологиями. Это и есть собранность субъекта в цивилизации, наследующей дух христианской, личностной религии.

Мысль, если она есть, не оставляет после себя предмета, который можно где-то хранить и затем использовать. Но она же является и движущей пружиной европеизма. Ибо рации — мера, пропорция — означает не что иное, как преодоление человеком в состоянии духовного усилия пропасти между «конечным» и «бесконечным» (или между объектной и безобъектной мыслью).

Таким образом, из введения постулата рациональности следует, что мой мир рационален в той мере, в какой универсальное в нем и его элементы не являются элементами другого неизвестного мне целого. В сущности, в этом и находит свое выражение позиция здравомыслящего западного интеллектуала и вообще любых реальных субъектов в гражданском обществе, хотя и не занимающихся интеллектуальным трудом, а занятых своей жизнью, но обладающих нормальным социальным пафосом. В той мере, в какой они строят свою гражданскую частную жизнь, они неизбежно реализуют и свой индивидуальный пафос, но

* Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. 2-е изд. М., 1992. С. 370.

отнюдь не в том смысле, что именно их ученость и философия должны управлять обществом. Принцип рационального отношения к жизни, включающий в себя осознание того, что человек уже есть мера вещей, запрещает это. Им вводится иная посылка, иное измерение. А именно, что социальная справедливость устанавливается в зависимости от конкретных усилий людей, а не достигается утопическим и страстным желанием философа-революционера сделать всех умными и счастливыми.

Известно, что в истории любого народа, особенно в переломные эпохи, многое, если не все, определяют человеческие страсти, находящие свое разрешение в символах. И символами же описываются те неизбежные оппозиции, которые очерчивают онтологию мысли, — между индивидом и обществом, духом и телом, мыслью и реальностью. Все эти оппозиции фактически неразрешимы. Это апории. Непроходимые места. Но оказывается, что и в них есть место для мысли. То есть такого рода оппозиции, будучи неразрешимы в логическом синтезе, в то же время как бы «растворяются» живой душой, способной держать оппозицию. И наблюдение за такой душой есть просто способ фиксирования факта присутствия живого, а не умершего в «букве» или «законе» человеческого сознания.

* * *

Разделенные ходом истории и противостоящие друг другу на уровне государств и народов, Добро и Зло создавали в XX веке иллюзию ясности в отношениях между Западом и Востоком. отождествляя капитализм со злом, а социализм с добром, и наоборот, Советский Союз и Запад в равной мере полагались долгое время на идеологию конфронтации и угроз, которая, будучи доведенной до абсурда в СССР, и породила в области морали тот хаос, в котором мы пытаемся разобраться. Когда наше неутоленное желание знать правду и жить не по лжи есть не что иное, как выражение права на свободу. Того права, которого российские люди когда-то добивались и которое, будучи отданным государству, и сегодня продолжает оставаться проблемой.

Так может ли освободить нас от зла даже знание всей правды? Ведь это правда зла и насилия! Хватит ли у нас мужества принять ее, когда мы выступаем от имени замученных и погибших (и это считаем правдой)? Устоим ли перед тем, чтобы она не вызвала нового зла и ненависти, поскольку неизбежно при этом делим людей на «своих» и «чужих». Где гарантия, что мы не разрешим ее новым историческим судом и насилием?

Как философ и гражданин я продолжаю задавать эти мучительные вопросы.

Знакомим читателя с нашими свежими изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

Учреждение Парламентской ассамблеи ООН в качестве первого шага к мировому парламенту — это главная цель «Демократии без границ». В настоящем исследовании рассматривается проект Ассамблеи и предложены официальные рекомендации по ее созданию.

«Демократия без границ» (Democracy Without Borders) — это международная организация гражданского общества с отделениями по всему миру, цель которой состоит в развитии демократии на всех уровнях, от местного до глобального, с особым вниманием к усилению гражданского участия и представительства в эффективных глобальных институтах. «Демократия без границ» выступает координатором международной Кампании за Парламентскую ассамблею ООН (Campaign for a UN Parliamentary Assembly).

Предисловие к русскому изданию

Реализм планетарного парламента

Перед вами книга, фактически представляющая международный юридический документ. Проект создания мирового гражданского представительства на базе Парламентской ассамблеи ООН впервые выглядит не утопией, а реальным делом. Для его осуществления предлагаются конкретные шаги, поэтапно приближающие мир к реализации давно назревшего замысла. Это не призрак и не набор благодушных мечтаний, а вполне ясный и достижимый план действий. Авторы проекта обеспокоены глобальными проблемами, с которыми столкнулось человечество и которые не находят решения в условиях международной системы, построенной на перманентном противоборстве независимых национальных государств. Международные организации, представленные правительствами стран и ограниченные их эгоистическими интересами, неспособны в должной мере решать эти проблемы.

Какой будет жизнь наших внуков? Хватит ли им полезных ископаемых, чистой питьевой воды и свежего воздуха на нашей планете? Этими вопросами думающие и ответственные люди в разных точках Земли задаются уже более половины столетия с момента появления первого доклада Римского клуба и труда академика Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной

Майя Брауэр,
 Андреас Буммель.
 Парламентская ассамблея
 Организации Объединенных
 Наций. Политический обзор,
 представленный
 «Демократией без границ».
 Пер. с англ. Марка Дадяна.
 Рига: Школа гражданского
 просвещения, 2022. 220 с.

свободе». Так возникла концепция устойчивого развития, цели которого в середине прошлого десятилетия были сформулированы и утверждены на уровне Генеральной ассамблеи ООН. Однако для их реализации делается явно недостаточно.

Глобальные изменения климата в сочетании с постоянно увеличивающимся разрывом между богатыми и бедными, старые и новые региональные кровопролития — все это имеет эффект накопления в современном мире. Добавим к этому ментальный кризис, вызванный

Все последние десятилетия глобальные проблемы, угрожающие будущему человечества, становятся все более зримыми

упадком универсальных ценностей свободы и верховенства права. Все большему числу людей кажется, что либеральная демократия пережила свою лучшую эпоху и катится к закату. В разных концах планеты поднимают голову авторитарные и неототалитарные режимы, стремящиеся сократить существующий ареал распространения демократии и не допустить продолжения волн демократизации.

Все последние десятилетия глобальные проблемы, угрожающие будущему человечества, становятся все более зримыми. Однако национальные государства, оставаясь в плену собственного эгоизма, не спешат реализовывать задачи по спасению человечества в целом. Несмотря на все усилия по созданию интернациональных институтов, международные отношения пребывают в состоянии анархии, когда каждый действует в интересах исключительно собственного выживания. «Разобщенность человечества угрожает ему гибелью», — предупреждал академик Сахаров. Сегодня его слова актуальны как никогда. В шорах собственных интересов отдельные страны по-прежнему готовы уничтожить других и даже весь мир.

Несмотря на очередной переживаемый человечеством крайне драматичный момент своей истории, именно сейчас идея поиска общего блага на интернациональном уровне обрела зримую необходимость и имеет реальные шансы на воплощение. Проект создания Парламентской ассамблеи Организации Объединенных Наций детально проработан и с учетом опыта деятельности международных институтов последние 80 лет выглядит реалистичным шагом на пути человечества к объединению ради свободы и жизни каждого. Мировое общество может обрести зримые организационные формы для выражения волеизъявления всех людей, живущих на планете Земля.

Идея создания мирового парламента насчитывает уже многим более 100 лет. Еще в 1889 году в Европе был учрежден Межпарламентский союз (Inter-Parliamentary Union), штаб-квартира которого с 1921 года находится в Женеве. Эта международная организация объединяет представителей парламентов 178 стран мира. В 1920-х годах в период подъема Лиги Наций вынашивались проекты создания всемирного

народного представительства на базе Межпарламентского союза, однако в дальнейшем эти идеи были отложены в контексте надвигавшейся Второй мировой войны.

В послевоенной Европе институт политического представительства сложился в рамках Европейского парламента, выросшего из Парламентской ассамблеи Европейского объединения угля и стали. Авторы проекта Парламентской ассамблеи ООН апеллируют к этому опыту как к успешному примеру для себя. Именно Европейский парламента стал первой крупной международной организацией новейшего времени, которая выступила с инициативой создания Парламентской ассамблеи ООН для содействия успешной реализации Целей устойчивого развития, принятых Генеральной ассамблеей в 2015 году. По сути, это отправная точка нового проекта.

Авторы проекта не считают его панацеей для современного мира и осознают все возможные сложности на пути его реализации. Тем не менее они считают необходимым двигаться к созданию мирового парламента, представляющего на уровне ООН не правительства, а граждан планеты Земля. На начальном этапе Парламентскую ассамблею предлагается формировать из представителей парламентав стран мира с обязательным участием представителей оппозиционных фракций. Они будут действовать не на основании правительственных инструкций, а исходя из повестки своих избирателей.

В дальнейшем не исключен переход к двухпалатной форме мирового парламента, где в одной из палат будут представлены страны, а в другой — все граждане планеты Земля. Успех на этом пути возможен только в случае появления политических лидеров нового поколения, способных формулировать и продвигать глобальную повестку в интересах выживания, развития и процветания человечества в целом.

По сути, в качестве стратегической цели ставится создание мирового политикума — пространства высокого общения и созидания, связанного со справедливым и равноправным существованием людей не в отдельной государственной капсуле, а в общепланетарном масштабе. Эта амбициозная задача не знает аналогов в мировой истории. Политика на протяжении столетий была делом национальных общностей. Именно на их уровне формулировались потребности, задачи и представления об общем благе. Общее дело республики всегда реализовывалось в границах, заданных географией, историей и групповой идентичностью отдельных наций. Вся повестка и связанная с ней артикуляция интересов также формировались на уровне отдельного национального государства. Мировой парламента в этом плане — шаг в неизвестность.

Проект Парламентской ассамблеи предлагает выйти на новый уровень. Общее благо должно мыслиться и достигаться на глобальном международном уровне. Кто и как будет формулировать задачи? И главное, насколько население Земли готово к формулировке общепланетарных

Катарина Фрич (Katharina Fritsch). Грунтта фигур. 2008

интересов? Это выглядит как игра с прозрачными правилами и непредсказуемым результатом. Как вариант, признают авторы проекта, возможно, возобладают «враги либеральной и космополитической системы ценностей». Однако в случае позитивного результата, когда им придется потерпеть поражение в публичной дискуссии на глазах у всего человечества, напротив, весьма вероятно укрепление институтов демократии и верховенства права по всему миру.

Среди многочисленных функций Парламентской ассамблеи можно выделить несколько важных смысловых блоков.

Во-первых, речь должна идти об укреплении легитимности существующих международных институтов. Когда резолюции Генеральной ассамблеи будут приниматься с участием не только правительств, но и представительной власти стран мира, это может усилить их значение и вес.

Во-вторых, деятельность мирового парламента должна быть направлена на поддержку организаций гражданского общества и вынесение повестки этих организаций на уровень многостороннего международного регулирования.

В-третьих, консультативные и надзорные функции Парламентской ассамблеи ООН должны быть распространены на крупнейшие международные финансовые и торговые институции — МВФ, Всемирный

банк и ВТО. В результате деятельность этих организаций должна стать более открытой и прозрачной, соответствующей социальным и экологическим стандартам. И главное, будет обеспечена страховка от негативных последствий их рецептов и мер в отношении развивающихся бедных стран.

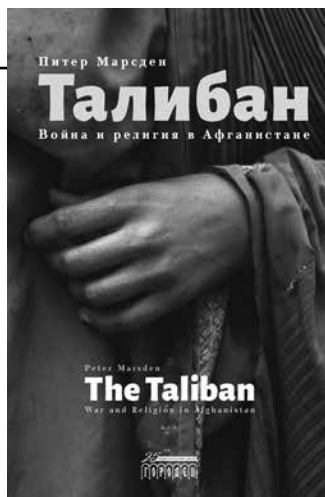
В контексте описанных задач Парламентская ассамблея действительно может стать площадкой для формирования политики нового уровня. Проблемы изменения климата, бедности и защиты прав меньшинств в условиях отсутствия возможности решения на национальном этапе должны быть вынесены на глобальный уровень политических элит. Это потребует нового типа мышления от всех сторон процесса.

Можно пожелать успехов Майе Брауэр и Андреасу Буммелю, предложившим проект мирового парламента, уникальный своей ясностью и реалистичностью с точки зрения воплощения. В такой форме либерализм в международной политике не выглядит больше утопией, как это в 1939 году представлял в своей известной работе Эдвард Карр.

Вместе с тем авторы правы: ничто не предопределено и все главным образом зависит от усилий людей и их готовности работать на конкретный результат. В данном случае этот результат касается будущего человеческой цивилизации, значит, его достижение невозможно без титанических усилий и лидеров мирового масштаба.

Консультативные и надзорные функции Парламентской ассамблеи ООН должны быть распространены на крупнейшие международные финансовые и торговые институты – МВФ, Всемирный банк и ВТО

*Василий Жарков,
кандидат исторических наук
(г. Вильнюс)*

*Питер Марсден. Талибан.
Война и религия
в Афганистане.
М.: Городец, 2022. 320 с.*

«Да, азиаты – мы...»

Не исключаю, что читатель, привычно надевшийся обнаружить в публикуемых «Общей тетрадь» рецензиях очередную книгу о России, будет немало удивлен, найдя здесь свежую русскоязычную публикацию об афганском движении «Талибан». Смущаться, однако, не стоит: в силу обстоятельств, которые совсем недавно казались невообразимыми, организация пуштунских фундаменталистов и взятое ею под железный контроль центральноазиатское государство оказались вдруг в ряду тех политических акторов, с которыми Россия если и не полноценно союзничает, то охотно сотрудничает. Одного этого факта уже достаточно, чтобы присмотреться к афганским пассионариям-экстремистам попристальнее. Англичанин Питер Марсден выпустил свою книгу более двух десятилетий назад в связи с крушением первого правления «Талибана», но труд 2001 года, напечатанный по-русски в 2022-м, и в наши дни читается с легкостью: он актуален едва ли не в каждой своей запятой. «Талибан» объявился вторично — причем, как без труда можно убедиться, взявшись за эту книгу, движение почти не изменилось: оно все так же благоволит бородатым мужчинам в шароварах и с головы до пят задрапированным женщинам, любит не индивидуальные, а коллективные молитвы, не позволяет афганкам ни учиться, ни работать, не терпит никакого инакомыслия, ненавидит атеизм, алкоголь и Запад. А вот что в последние год-полтора действительно стало новым, так это многочисленные точки соприкосновения и притяжения, внезапно обнаружившиеся между Афганистаном и его самым влиятельным северным соседом. Именно из-за них старая работа британского эксперта достойна прочтения сегодня.

Первое, о чем в этом контексте стоит поговорить, — во многом сходное позиционирование двух стран на международной арене. Как не раз подчеркивается в обозреваемой книге, при талибах — причем «второй»

«Талибан» в этом отношении ничуть не лучше «первого» — Афганистан оказался в глубочайшей международной изоляции, обусловленной отказом фундаменталистского режима соблюдать ключевые нормы международного права. «Осуждение, с которым во всем мире отнеслись к проводимой в Афганистане дискриминационной политике, талибы расценили всего лишь как очередной вражеский выпад со стороны Запада», — пишет Марсден (с. 244). Понятно, что у государства, руководители которого практикуют подобные воззрения, неминуемо возникают трения с тем политическим образованием, которое с 1945 года принято отождествлять с «международным сообществом», а именно с Организацией Объединенных Наций. И действительно, автор сполна подтверждает эту нехитрую догадку: «Когда ООН делает свои заявления, основывающиеся на признанной во всем цивилизованном мире Конвенции по правам человека, такие движения, как “Талибан”, это не так уж сильно трогает. Они с полным основанием относятся к ООН как к организации, испытывающей значительное влияние со стороны США. <...> Следовательно, полагают талибы, все ее конвенции базируются на принятой на Западе системе ценностей» (с. 247). И, словно издеваясь над российским читателем, британец меланхолично добавляет: «И не надо думать, что такую точку зрения разделяют одни лишь талибы» (с. 247–248). Тут остается только плечами пожать: увы, мы так и не думаем, причем довольно давно и с каждой неделей все пуще.

Из сказанного вполне понятно, что режимы, противопоставляющие себя всему остальному миру — или, как в российском случае, наиболее развитой его части, — неизбежно тяготеют к внедрению единомыслия, которое рассматривается в качестве эффективной мобилизационной технологии. Вот как описывал эту систему один из теоретиков «Талибана»: «В основе всех принятых нами решений лежат советы Амира. Ни в каких других советах или консультациях мы не нуждаемся. <...> Мы никогда не противоречим Амиру, даже когда он принимает решения единолично. <...> Мулла Мухаммед Омар — высочайший авторитет, и правительство не имеет никакой возможности ввести новый закон, если он с ним не согласен. Общегосударственные выборы противоречат законам шариата, и поэтому мы отказались от них» (с. 142). «Но куда же делось народное волеизъявление?» — спросит иной обескураженный читатель, смущенный идеями Монтескье и Джефферсона. Действительно, неужели талибы управляют довольно большой страной, вообще не интересуясь мнением своих подданных? Это, как выясняется в процессе чтения книги Марсдена, упрощенное видение ситуации. Дело в том,

*Режимы, противопоставляющие
себя всему остальному миру,
неизбежно тяготеют к
внедрению единомыслия, которое
рассматривается в качестве
эффективной мобилизационной
технологии*

что у них есть действующий аналог того, что в некоторых других системах называют Общественной палатой: это институции под названием «джирга» — собрания деревенских общин, на которые приглашаются только старейшины рода и наиболее уважаемые жители. Все решения на этих форумах принимают коллегиально; участникам позволено обсуждать инициативы властей и даже не одобрять их — хотя последнее слово всегда остается за религиозными авторитетами, на которых ориентированы талибы, как уже отмечалось выше.

Таким образом, «суверенной демократией» «Талибана» «исключается участие в голосовании и принятие решений на основе существующих политических партий или военной силы, как это было в период советской оккупации и последовавшего за этим правления моджахедов» (с. 143). Разумеется, здесь открывается соблазн провести кое-какие политически не деликатные параллели, но я преодолею его, ибо всякое сравнение герметично закрытой (или стремящейся стать таковой) системы с иными системами бесполезно по сути. Покойный мулла Омар, упомянутый выше первый вождь «Талибана», — любопытный, кстати, персонаж, который «практически никогда не появлялся на людях» и «ограничивался общением лишь с самыми близкими помощниками и друзьями, особое внимание уделяя организации военных сил движения» (с. 97), — замечательно высказался по этому поводу: «Нам нет необходимости знать, что и как делает какое-то другое правительство, тем более что у нас и нет никаких сведений по этому поводу» (с. 144). Готова ли современная Россия с пониманием отнестись к подобного рода творческим методикам взаимодействия с миром? Этот провокационный вопрос я оставляю на усмотрение читателя.

Наконец, талибский Афганистан и путинскую Россию в наши дни сближает еще одна важная вещь, а именно приверженность официоза обеих стран консервативной идеологии, пусть и в разных ее наполнениях. Разумеется, консерватизм консерватизму рознь, но, несмотря на все буйство оттенков, большому и интернациональному семейству консервативных идеологий, бытующих нынче, присущ один и тот же набор родовых черт. По-видимому, оба рассматриваемых здесь режима, невзирая на разницу вдохновляющих их конфессиональных ориентиров, были бы готовы подписаться под компактным консервативным кредо следующего типа: а) религия и вытекающие из нее социальные нормы есть важнейшая ценность; б) сильная государственная власть, лишь минимально ограничиваемая гражданами, является политическим идеалом; в) главную угрозу для национального бытия представляет культурная, экономическая, военная экспансия секулярного Запада. Но если дело обстоит так, то неужели афганские и российские государственные деятели не найдут о чем поговорить друг с другом? Конечно, в проявлениях этого идеологического родства не обходится без парадоксов: так, Кремль развивает отношения с талибами, не снимая с них официально

Максим Горюнов,
философ

Почему именно американский опыт?

Два взгляда на недавнее и дальнее прошлое
из настоящего

Пока просвещение народов, обитающих на ледяных пустошах Северной Евразии, отложено на неопределенный срок, самое время читать книги об опыте успешного переустройства обществ, таком, к примеру, как опыт Американской революции, о которой в российских средах не часто рассуждают, как кажется. Российские читатели хорошо знакомы с неудачным опытом своей собственной страны, когда мечты о лучшем устройстве приводили к катастрофе. Опыт марксистской модернизации, а до нее опыт абсолютистских преобразований оставили после себя богатый опыт неудач. Нынешний опыт трансформации из авторитаризма в старческое помешательство тоже добавляет трагических сюжетов.

Сам по себе опыт катастроф, безусловно, важен. Благодаря ему многое можно узнать, например, о базовых мерах предосторожности против тирании. Российскому читателю известно, как важно вовремя менять лидеров. Российская политическая рутина наглядно показывает, что у адекватности ограниченный срок годности. Особенно это касается лидерских позиций. Просроченный лидер создает проблемы, и львиная доля новой российской истории — это заунывная песнь о том, как лидер засиделся и его ментальные особенности из персональной проблемы превратились в геополитическую. Сценарий, когда очередной лидер задерживается, у российских читателей вызовет беспокойство, полезность которого трудно переоценить.

С другой стороны, слишком детальное знакомство с катастрофами, взятое отдельно, мало вдохновляет. Полезно знать о неудачах, но если неудачи — это единственное, что вы знаете, то на что вам надеяться? По общему мнению, учиться следует на примерах

успеха, а опыты провалов принимать во внимание с осторожностью. И желательно, конечно, опыты чужих провалов, не своих собственных — но это уже как кому повезет.

Российские книжные реалии, когда читатель год за годом переходит от одного толстого тома о катастрофе к другому, чреватые. В худшем случае может появиться устойчивое мнение, что перемены к лучшему невозможны и что новое — это только новые средства надзора и наказания, а не свободы и просвещения. Устойчивый нигилизм в отношении прогресса — вещь неприятная, поскольку очень на руку любым возможным тираниям. Очевидно, что нигилистический настрой при прочих равных быстрее приведет к коллективной немощи. И еще очевидно, что во многом поэтому у российского читателя часто бывает излишняя настороженность к переменам. Или излишний оптимизм, что, в общем, одно и то же.

В этом отношении опыт Американской революции как пример успеха кажется наиболее предпочтительным. Российскому читателю, чье внимание перегружено историями о том, как граждане, желая улучшить свою страну, чудовищно ее ухудшили, полезно узнать, как оно бывает, когда нации удается добиться перемен.

Почему именно американский опыт?

Во-первых, потому, что американский успех очевиден всем, кроме афганских исламистов и так называемых русских националистов. Начиная с первого главы республики и вплоть до наших дней, у американцев не случилось тирана в российском смысле слова. И есть вероятность, что еще долго не случится. С точки зрения российской политической истории это волшебство какое-то.

Во-вторых, нередко можно встретить мнение о том, что Американская революция оказалась чуть ли не единственной удавшейся. Как пишут, движение тринадцати североамериканских колоний к республиканским идеалам было прямым и последовательным, что тоже впечатляет, особенно, повторюсь, российских читателей, у которых опыт прямого и последовательного движения был только в обратную сторону. Изучение, допустим, революций на Гаити и в Китае, учитывая их результаты и долгие последствия, вряд ли обогатит российского читателя новыми сюжетами. Скорее, уточнит и подтвердит уже понятное. В российских революциях, как утверждают отдельные снобы, было много гаитянских и китайских моментов. Еще раз читать примерно об одном и том же не очень интересно.

И, в-третьих, американский опыт, безусловно, доступный и открытый для знакомства. Начать с того, что на его изучение были потрачены абсолютно астрономические суммы. Лучшие университеты этой планеты, лучшие кафедры, самые многообещающие авторы. Американские

*Российскому читателю
полезно узнать, как оно
бывает, когда нации
удается добиться
перемен*

революционеры были людьми книжными и пишущими и оставили после себя внушительные архивы из писем, черновиков, мемуаров. Сочетание подробности архивов и интереса со стороны лучших умов академии дает уникальный результат: о революции в Америке можно найти исследования, свободные или почти свободные от национализма — стыдной, но широко распространенной болезни, которая снижает нашу способность изучать прошлое.

Всякое общество питает слабость к помпезным историям о величии собственного прошлого. Человеческие коллективы устроены так, что средневзвешенное мнение о прошлом много нам говорит об искажениях восприятия, унаследованных от наших пещерных предков. И совсем мало нам говорит, что же на самом деле было. Это проблема, которую непросто решить, и есть подозрение, что решить ее невозможно. За исключением тех редких ситуаций, когда предки были очень письменными, а потомков, желающих прочесть их тексты, оказалось слишком много. Тогда у прошлого статистически появляется шанс быть понятным.

В случае с Американской революцией у читателя есть возможность узнать о событиях двухсотлетней давности без националистических искажений. Прочитать не «великую песнь о мудрых реформаторах», а относительно правдоподобный анализ того, что случилось, — это роскошь, которую предлагают бесчисленные фолианты о событиях 1776–1789 годов.

Почему Американская революция удалась

Начать знакомство можно с книги *To Begin the World Anew: The Genius and Ambiguities of the American Founders* («Начать мир заново: гений и неоднозначность американских основателей»), которая вышла в 2003 году. Ее автор, профессор Бернард Бейлин (Bernard Bailyn), к тому времени уже пятьдесят лет преподавал историю в Гарварде и дважды получил Пулитцеровскую премию за свои исследования, касающиеся Американской революции.

Краткая, меньше двухсот страниц, почти брошюра является результатом его многолетнего поиска ответа на вопрос, почему Американская революция удалась. Для Бейлина прямого ответа на этот вопрос не существует. Как и не существует прямого ответа, почему вдруг и как бы ниоткуда появляются художественные школы, чьи произведения переживают своих создателей. Успех американцев был похож на успех художественной школы, уверен историк.

Никогда заранее неизвестно, в какой стране, в каком городе, на какой улице встретятся художники, которые объединятся в школу и создадут нечто прекрасное. Это случается редко, но когда случается, происходит нечто прежде невообразимое. В случае с Американской революцией произошел всплеск творческой энергии, уверен профессор. Только не в

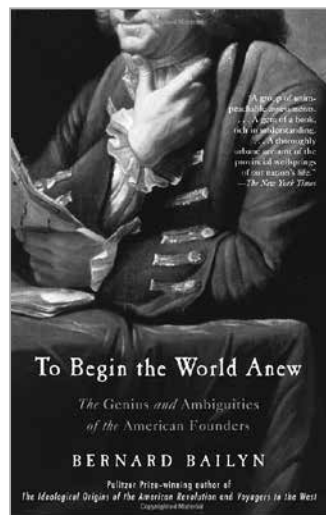
искусстве, а в государственном администрировании. Каждый из тех, кого называют основателями, был или юристом, или управленцем, или теоретиком права, которому удалось совершить открытие в своей области. Никто из основных участников революции не творил в одиночку. Это была живая сеть знакомств, наподобие той, которая складывается в случае с художественными школами.

Уточняя свою метафору, профессор Бейлин знакомит читателя с эссе *Provincialism* известного в свое время искусствоведа, а до того директора британской Национальной галереи Кеннета Кларка. По мнению искусствоведа, искусство живет и развивается в метрополиях, провинциям нужно его только усваивать и воспроизводить. В провинциях лишь идиот откажется следовать образцам, предлагаемым метрополией, считает Кларк. Он уверен, что у провинций из-за их во всех смыслах удаленности есть устойчивая тенденция к упрощению, которая может серьезно сдерживать развитие. Одновременно с этим у удаленности могут быть и преимущества. Иногда искусство в метрополии теряет темп, тускнеет, становится слишком академическим и рафинированным, его способность удерживать внимание падает. В этом случае у наиболее талантливых художников из провинций появляется шанс преодолеть притяжение и создать нечто ценное и уникальное. Бернард Бейлин утверждает, что с американцами так и было.

Во второй половине XVIII столетия удивительно богатое на таланты поколение юристов и управленцев из отдаленных британских провинций, воспользовавшись историческим моментом, сделало шаг в сторону от метрополии и, по сути, создало новый мир. Бейлин осторожно предполагает, что это был уникальный случай. Другого такого сочетания талантов и благоприятной обстановки может и не быть.

Насколько американские провинциалы были провинциальными? И так ли уж велика была роль британской метрополии?

Бейлин цитирует дневники американца по имени Уильям Бёрд II (William Byrd II). В 1726 году тот возвращается из Лондона в свою родную Вирджинию и скоро обнаруживает себя в обществе, где ему не с кем разделить свои интересы. После десяти лет в лондонских литературных кругах Уильям Бёрд каждый день читает на нескольких европейских языках, учит греческий, латынь и иврит, коллекционирует книги. Такой образ жизни приветствовался в метрополии, но не в колониях. К разочарованию вернувшегося, никто из его соседей не видел смысла в уроках иврита на восходе солнца. Правила жизни состоятельного человека в Вирджинии были менее книжными и не настаивали на ежедневном знакомстве с периодикой на французском. В письмах к своим

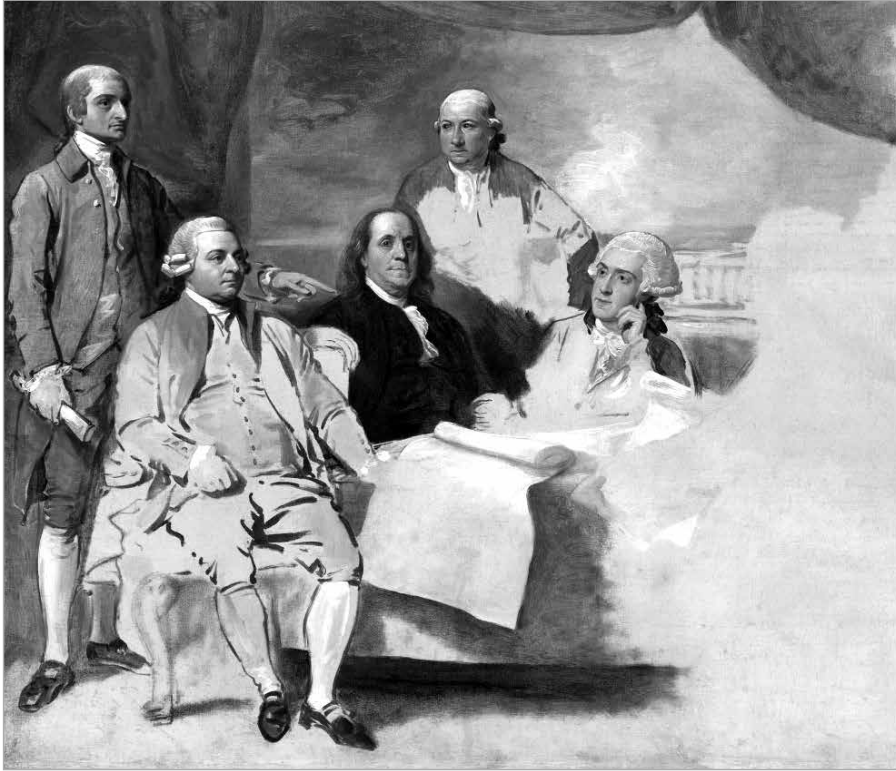

лондонским знакомым Бёрд жалуется на одиночество и утверждает, что в колонии он оказался похоронен заживо.

Бейлин приводит в пример письма еще нескольких американцев, которые по разным причинам были вынуждены уехать из Лондона к себе. Никто из них не нашел дома атмосферу, к которой они привыкли в метрополии. Яркий пример — Бенджамин Франклин, самый известный и самый народный из отцов-основателей. О его упрямом нежелании возвращаться из Лондона — а потом и из Парижа — к себе в Филадельфию ходили анекдоты. Филадельфия с ее сорока тысячами добрых горожан и без малого миллионный Лондон были несопоставимы. В Париже, куда Франклин переехал после начала революции, проживало шестьсот тысяч. Нужно иметь в виду, что на тот момент Филадельфия была самым большим городом в американских колониях. В недавно еще голландском Нью-Йорке жило двадцать пять тысяч, а в Чарльстоне, крупнейшем городе на юге, всего двенадцать. Жена Франклина, долготерпеливая Дебора Рид, умерла, так и не дождавшись мужа. Он задержался в метрополиях на десять долгих, непрерывных лет.

Интересна разница в финансовых возможностях. Бейлин сравнивает размеры поместий аристократов в метрополии и наиболее благополучных людей в колониях. Как следует из описаний современников, дворцы британской аристократии были больше американских в десятки раз. Бейлин упоминает и об отличии в сексуальных практиках. Несмотря на радикальность и готовность выйти за рамки, американские революционеры оставались протестантами. Их реакция на привычки и обыкновения европейских — в основном французских — аристократов была резко негативной. Уже упомянутый Франклин получил множество порицаний от Адамса, будущего второго президента республики, за то, что в Париже прямо на улице позволял юным поклонницам целовать себя в лоб. Для Адамса, который писал своей Эбигейл исправно каждый день, это было отвратительно и недопустимо. Бейлин обращает внимание на портреты американцев, живших до и во время революции. У состоятельных американцев и британцев нередко были одни и те же художники, но отличия между метрополией и провинцией заметны. Американцы предпочитали простоту и неформальность. Помпезность, нарочитая роскошь и заоблачная метафизичность, принятые у британцев, не пользовались спросом в колониях.

Обобщая, Бейлин находит в американском опыте схожие черты с неожиданным расцветом наук в Шотландии. В век Просвещения у амбициозных и талантливых провинциалов в Эдинбурге, хорошо знакомых с метрополией, но удаленных от нее и географически, и политически, сама собой сложилась оригинальная школа мысли, сделавшая возможной, например, экономику как науку. В североамериканских колониях движение умов было скорее в сторону юридической и управленческой практики. Спонтанно сложившаяся сеть единомышленников была

Бенджамин Уэст. Парижский договор. 1783

увлечена усовершенствованием судов и налогообложения. Постигание универсальных законов роста благосостояния интересовало их в меньшей степени.

Как выходцам из шотландских высокогорий удалось превзойти метрополию в знаниях, так и американским революционерам удалось показать метрополии класс в управлении. Непрерывная смена глав государства в результате выборов — это нечто невообразимое по меркам XVIII века. Как справедливо заметит внимательный российский читатель, в некоторых частях планеты о регулярности и качестве американских выборов люди могут только мечтать. И это несмотря на успехи цифровизации и благоустройства.

Никто не был доволен происходящим

Несколько другую картину предлагает профессор Деннис Расмуссен (Dennis Rasmussen) в книге *Fears of a Setting Sun: The Disillusionment of America's Founders* («Тревога перед заходом солнца: разочарование отцов-основателей США»), увидевшей свет в 2021 году. В его книге нет и намёка на сияющий триумфализм Бернарда Бейлина. Отцы-основатели, добившись независимости, не празднуют победу. Они не уверены, что

именно им удалось основать. И удалось ли хоть что-то. Со дня на день они ждут, когда предложенная ими модель управления будет отброшена и жители колоний отойдут от идеалов республики и Просвещения.

Расмуссен обращает внимание на последние годы жизни отцов-основателей, когда они, уступив место следующим поколениям политиков, обменивались друг с другом письмами о том, как идут дела. Из переписки и дневников следует, что никто не был доволен происходящим. Американская реальность пугала и наводила на мысли о том, что эксперимент в ближайшее время завершится.

Первый президент республики, Джордж Вашингтон, был ошеломлен партийностью своих сограждан. В его картине мира никаких партий быть не должно. Как человек Просвещения Вашингтон верил в способность каждого быть разумным и опираться на факты и логику, а не на предрассудки, слухи, мнение институций или математического большинства. Разумному человеку не нужна партия, чтобы составить мнение о том, что на данный момент хорошо, а что дурно. Разумному достаточно его разума. К удивлению Вашингтона, практика оказалась иной. Люди предпочитают быть в партиях. И люди охотно вовлекаются во вражду с теми, кто с ними не согласен. Американская публика, добившись независимости, почти мгновенно разделилась на две враждующие партии, больше похожие на отдельные племена. Когда обе эти партии перешли к брутальным публичным оскорблениям, Вашингтон был уверен, что финал республики близок. Уровень взаимного неприятия был на грани гражданской войны, и первый президент регулярно делился своими разочарованиями с близкими. В предсмертном послании нации Вашингтон убеждал сограждан преодолеть партийность и опереться на благожелательность, что звучало наивно и непрактично.

Александр Гамильтон, первый министр экономики республики, всерьез опасался за судьбу институций. Смогут ли департаменты новой республики остаться на страже интересов граждан? Не превратятся ли они в новые феоды? Не станут ли источником доходов для новой аристократии, которая заместит британских лордов? Наблюдая за первыми шагами американской государственности, Гамильтону казалось, что она слишком слаба, чтобы противостоять хаосу. Институциям не хватает энергии, считал он. Избыточные меры защиты от тирании сделали государственные службы малоэффективными и уязвимыми для алчности индивидуальных интересов. В результате, считал Гамильтон, американские граждане скоро окажутся в ситуации, когда налоги будут расходоваться не в интересах общества, а в интересах отдельных групп. Гамильтон, как и Вашингтон, порицал легкомысленность сограждан, слабость к популизму и их склонность принимать важные решения на основании сильных эмоций.

Второй президент республики, Джон Адамс, был разочарован гражданами. По его мнению, им не доставало гражданских добродетелей.

Если в Европе жители королевств объединены глубокой детской привязанностью к своему монарху, то граждан республики объединяет взаимное уважение. Как настаивало Просвещение и как верил сам Адамс, гражданин отличается от подданного своей зрелостью. Гражданину монарх не нужен. Гражданин действует разумно. Гражданин сам, без принуждения со стороны, способен поставить общественное благо выше своих интересов. Действовать во благо общества — это морально и разумно. Поэтому образцовый житель республики добровольно преследует общественный интерес. То, как вели себя американские граждане, не было похоже на гражданственность, какой ее воображал себе Адамс. Они вели себя как европейские подданные, если бы тем повезло остаться без королей. Реагируя на ежедневные скандалы, Адамс, слегка подражая церковным проповедникам, высокопарно рассуждал о порочности человеческой природы и рисовал ближайшее американское будущее в темных тонах.

Томас Джефферсон, третий президент республики, отойдя от дел, оставался оптимистом дольше всех. Его вера в успех американского эксперимента не пошатнулась, даже когда Французская революция скатилась к террору и многие из его парижских знакомых оказались на эшафоте. Время пессимизма пришло в последние годы жизни, когда дебаты по поводу отмены рабства разделили республику на два лагеря. Джефферсона абсолютно не устраивали предлагаемые решения. Они казались ему грубыми, сырыми и, очевидно, односторонними. Перейдя на апокалиптический тон, он писал о скорой катастрофе по причине явной некомпетентности управления.

Из всех отцов-основателей, как утверждает автор, только Джеймс Мэдисон, четвертый президент и автор конституции, сохранял спокойствие. Его не пугали мрачные рассуждения Адамса о порочности человеческой природы, страхи Вашингтона по поводу партийных склок, опасения Гамильтона по поводу анархии и филиппики Джефферсона по поводу некомпетентности. Секрет уверенности Мэдисона был в его умеренности. Мэдисон не ждал многого. Он сознательно был готов мириться с несовершенствами и американских граждан как граждан, и американской республики как республики. На его довольно философский взгляд, ни одна администрация не является совершенной. Совершенных администраций не бывает. Разница между администрациями — в степени их несовершенства. Лучшая та, в которой несовершенств меньше. Администрация, созданная отцами-основателями, предлагает меньшее несовершенство, и это означает, что революция, в общем, удалась.

FEARS OF A SETTING SUN

*The Disillusionment of
America's Founders*

DENNIS C. RASMUSSEN

В ноябре 2022 г. в Лондоне вышла в свет книга Леона Конрада *Story and Structure: A complete guide* («Повесть и структура: большой путеводитель»), получившая восемь международных премий, включая премию Независимых издательств Новой Англии «Книга года — 2022» (*Independent Publishers of New England Book of the Year 2022*).

В письме главному редактору журнала «Общая тетрадь» автор написал: «Я благодарен Школе гражданского просвещения за возможность поделиться на ее семинарах некоторыми из идей, изложенных в книге. Тогда эти идеи находились в развитии».

Видеозапись лекции, специально записанной для Школы, доступна в YouTube на русском и английском языках: https://youtu.be/1EyyJ_C8Zwg, <https://youtu.be/Vosu0gsdtYo>

Леон Конрад

Предисловие

*Что необходимо истории о Золушке,
чтобы быть историей о Золушке?
... На этот вопрос никогда нельзя
будет дать точный ответ.*

Г. Портер Эббот.

Кембриджское введение в нарратив

Откуда берутся истории? Почему они существуют? И коль скоро мы изучаем эту тему... как вообще история работает? Что делает ее тем, чем она является?

Ответить на эти вопросы нелегко. Если мы хотим найти удовлетворительные ответы, нам нужно будет вернуться к самому истоку истории.

Этот процесс похож на то, как если бы летящий мотылек пытался наблюдать свой собственный полет. Можно лишь успеть выхватить отражение периферийным зрением, фокусируя при этом взгляд прямо впереди. Нужно лишь суметь замедлить время и перейти границы пространства, чтобы прикоснуться к бесконечности, где нет начала и нет конца, и наблюдать бесконечно малые изменения, происходящие внутри состояния бесконечности.

Это немного похоже на то, как если пытаться услышать музыку, потенциально заключенную в тишине, или поймать мысль в полете, не ограничивая ее или не меняя как-либо ее направление.

Чтобы сделать понятным всё, с чем мы сталкиваемся или что осознаем, нам нужно рассказать

какую-либо историю. Все, что мы говорим или делаем, — это либо история, либо ее часть. И путь к осмыслению тайны истории в том, чтобы стать историей — и быть рассказанной как история — в живом процессе. Это в некотором смысле как если бы эмбрион пытался расслышать биение сердца, которое он еще должен в себе развить.

Мы не просим, чтобы нас родили, но как человеческие существа мы призваны осуществить наш потенциал, понять свое призвание, ответить на наше предназначение. Иногда мы можем добиться этого своим собственным путем, иногда жизнь ставит перед нами вызовы, а иногда случаются те моменты ясности, которые позволяют нам ухватить отблески возможного.

История придает форму всем этим впечатлениям.

История формирует прядильщика истории... историю прядильщика... и то, как прядильщик развивает свою историю. И когда рассказчик истории осознает это, история узнает саму себя.

В этой книге я предлагаю вам переосмыслить ваши представления об историях. Вместо того чтобы классифицировать истории на основании содержания и говорить, что мифы и легенды — истории, а эссе и реклама — нет, я приглашаю вас посмотреть на историю по-другому: как на ожерелье.

Ожерелья — это комбинации дискретного и непрерывного: бусины и нить, на которую они нанизаны. С историями все так же: они включают дискретные моменты или события, последовательно упорядоченные, как бусы, и динамические отношения, которыми связаны события, образующие нить, которая собирает их воедино. История — это совершенное ожерелье, ожерелье, которое может формировать само себя, пересобирать и перемоделировать себя снова, и снова, и снова в бесчисленных паттернах повествования, которые согласуются с гораздо меньшим количеством структур историй.

Глядя на истории под таким углом, мы можем наблюдать, как и почему события в историях связаны между собой — процесс, который приведет нас к идентификации структур, лежащих под поверхностью любой истории.

Мы используем структуры историй намного чаще, чем когда просто рассказываем истории: мы используем их в режимах своей повседневной жизни «с девяти до пяти», «с понедельника по пятницу», «в выходные и в перерывах», «4 недели отпуска в год». Как человеческие существа мы имеем уникальную предрасположенность к размышлению над этим. Узнав структуры историй и поняв, как они работают, мы будем лучше вооружены для решения проблем, с которыми мы сталкиваемся в «повседневной жизни». Мы начнем видеть параллели между структурами

*Узнав структуры историй
и поняв, как они работают,
мы будем лучше вооружены
для решения проблем,
с которыми сталкиваемся
в «повседневной жизни»*

историй и привычными паттернами поведения и мышления, которые мы используем. Некоторые из них обычно полезны, некоторые в меньшей степени. Умение оценить их различия поможет нам думать яснее и проживать свою жизнь более эффективно, более целенаправленно. Хорошая новость в том, что есть способ, которым можно сделать нечто, что и легче, и интуитивно более понятно, чем когда-либо прежде.

Несмотря на нашу длинную историю сказания сказов, нам нужен простой, легкий, интуитивный способ визуализации того, как работают истории

Мы знаем, что истории можно классифицировать под различными рубриками: историю «Золушки», к примеру, относят к типу «Из грязи в князи»; «Белоснежку» и «Спящую красавицу» — к типу «Смерть и воскрешение». Вы можете быть знакомы с 31 функцией Владимира Проппа, с «Тридцатью шестью драматическими ситуациями» Жоржа Польти, с «мономифом» Джозефа Кэмпбелла, попросту называемым «путешествием героя», или с

«Семью основными сюжетами» Кристофера Букера. В своих работах все эти авторы сосредотачиваются главным образом на содержании. И это делает для нас более сложным сопоставление наших собственных историй с паттернами, которые они определили. Чтобы схватить пульс — или биение — истории, нам нужно выйти за пределы содержания, и нам нужен легкий способ нанести на карту паттерны, возникающие на этом глубоком уровне.

Некоторые пытались использовать алгебраические символы для обозначения форм историй, Клод Леви-Стросс — один из примеров. Некоторые (как Курт Воннегут) использовали волнистые линии или графики. Другие использовали таблицы, кривые и диаграммы. Существуют словесные описания для разного рода мотивов и номера для различных типов сказаний. Тем не менее, несмотря на нашу длинную историю сказания сказов, нам нужен простой, легкий, интуитивный способ визуализации того, как работают истории. И это именно то, что обеспечивает система, изложенная в этой книге.

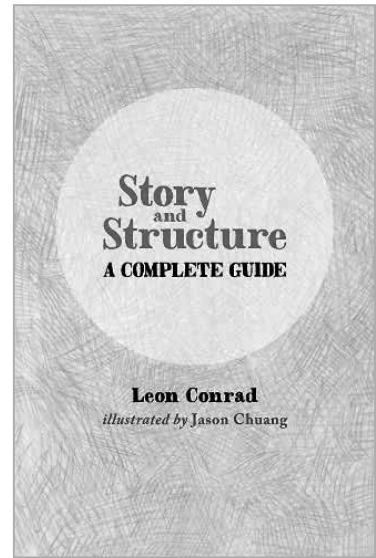
Она вдохновлена работой профессора Джорджа Спенсера-Брауна, чья книга «Законы формы» была впервые опубликована в 1969 году. Мне повезло изучать ее с ним ближе к концу его жизни. До сих пор работа Спенсера-Брауна использовалась главным образом в области математики, логики и социальной теории. Ее применение в литературном анализе и исследовании нарратива было минимальным. Тогда как были попытки применить его труд в области литературного анализа, впервые его работа систематически применяется для анализа структуры историй в самом широком смысле. Основанный всего на шести символах, подход Спенсера-Брауна замечательно прост. Он визуально интуитивен, легок для понимания и чрезвычайно мощен.

Использование его шести символов дает нам свежие идеи относительно того, как работают истории, почему и как структуры историй различаются и почему рассказ в действительности более широко распространенное явление, чем большинство людей до сих пор считали. Он обладает потенциалом, чтобы привести нас к самой сердцевине того, что позволяет историям работать, и чтобы позволить нам лучше решать проблемы и — возможно, самое важное — помочь нам лучше понять себя.

Книга вводит 18 различных повествовательных структур:

- Квест
- Превращение
- Из грязи в князи
- Смерть и воскрешение
- Трикстер
- Откровение
- Вызов и ответ (вариация 1)
- Вызов и ответ (вариация 2)
- Вариация трикстера
- Китайская замкнутая структура
- Дилемма
- Ки-Сё-Тен-Кетсу
- Ки-Сё-Тен-Кетсу с открытым концом
- Коан
- Загадка
- Путешествие и возвращение
- Вечное движение
- Миф о сотворении

Книга показывает, что структуры историй могут классифицироваться четырьмя различными способами — по тому, как истории разворачиваются, основываясь на характере первого шага в сюжетной линии героя; по ключевым элементам, находящимся в середине (пороговые и непороговые структуры); по тому, что случается в конце (структуры с открытым или закрытым концом); и, наконец, по качеству, принимая во внимание два вышеупомянутых аспекта истории (линейный и динамический), смыкающемуся с идеями дискретных линий «бус» и непрерывного «нанизывания», которое ожерелье истории использует для создания своих паттернов. В то время как каждая бусина отличается, все вместе они укладываются в общую семью форм — к примеру, сферы, цилиндры, капли. Каждая неподвижная бусина, однако, зависит от объединяющей нити, которая держит ее на своем месте как часть динамической структуры, которая и есть ожерелье.

Хотя подход основан на работах Спенсера-Брауна, не беспокойтесь, если вы с ними незнакомы. Все, что вам понадобится, изложено прямо

здесь, в этой книге, в удобочитаемой, легко понимаемой форме. Может быть, инстинктивно вы уже знаете большую часть этого. Просто раньше оно не описывалось в такой форме.

Даже притом, что подход основан лишь на шести первичных символах, он допускает неограниченное расширение без необходимости введения дополнительных символов. Это как та мандала, в которой маленькие фрактальные элементы увеличиваются в масштабе, чтобы образовать целое, которое больше суммы своих частей.

Я считаю, что минималистская система Спенсера-Брауна не только красива, но и доставляет удовольствие при работе с ней. Ее применение позволило мне ответить на вопрос Г. Портера Эббота (процитированный в начале этого раздела) о том, что делает историю о Золушке историей о Золушке... с точностью.

Паттерн структуры этой истории (структуры «Из грязи в князи») и остальные 17 структур историй, изложенных в этой книге, можно проследить на века назад — до самых ранних письменных источников, что означает, что они существовали как часть устной культуры задолго до этого. И мы используем те же самые структуры при создании историй сегодня! Очевидно, существуют законы историй. Представленная здесь методология действует в согласии с ними.

Если мы посмотрим на то, как соотносятся структуры, мы увидим глубокие связи, дающие нам новые идеи о соотношениях между структурами историй. Например, понимание того, как структура квеста, вмонтированная в более сжатую структуру превращения, ведет к глубокому пониманию того, как мы переживаем эмоции, — и это поможет нам более эффективно справляться с гневом. Оно также может показать нам, как можно избежать того, чтобы быть втянутыми в эмоциональные ловушки, расставленные нам недобросовестными рекламщиками. Это только немногие из захватывающих идей и возникающих из них применений.

Эта книга ясно показывает, как можно различать разные структуры историй... более точно, чем когда-либо раньше, а также почему комедия и трагедия структурно нейтральны; она показывает, как это может быть применено к любой структуре историй, и представляет аргумент в пользу того, что они предназначены для того, чтобы привести нас в состояние лучшего баланса. Более того, она показывает, что именно наше внутреннее стремление к балансу — это энергия, движущая историю. Если в этой книге будет обнаружена какая-либо склонность или предрасположенность, то она будет состоять в равнении на принципы, общие для даосизма и «вечной философии», а также на тот род рационализма, который защищал Дж. М. Робертсон.

Истории, на которые я опирался как на примеры, возникли в различных культурах и эпохах — они пришли к нам из Китая, Японии, Европы, Северной, Западной и Юго-Восточной Африки, Северной Америки,

Индии, Персии, Среднего Востока и других регионов. Они берут начало во времена Древнего Египта, в древнем Израиле и Вавилоне, Древней Греции и Древнем Риме и далее через Средние века, Возрождение, период раннего модерна и до наших дней. Все они имеют отношение к нашей теме.

В своих примерах я опираюсь на хорошо известные и любимые читателем истории — на истории о Братце Кролике и Джеке-простаке, загадки из «Старинной английской книги загадок», на классические произведения, как «Беовульф», на истории из «Метаморфоз» Овидия, на греческие трагедии и выдержки из разнообразных произведений, таких как «Просто сказки» Киплинга. Я также опираюсь на менее известные примеры, такие как сказка о муже-подкаблучнике из «Тысячи и одной ночи». Кроме того, я включил шутки, западноафриканские сказки-дилеммы, восточные истории Ки-Сё-Тен-Кетсу и истории из Малави «О Месяце и двух его женах» (редкий пример структуры истории «вечного движения»), сказки из России, Китая, Среднего Востока и фрагменты китайской литературной классики.

Я также полагаюсь на спектр поэтических текстов в определенных формах, как, например, лимерик Салмана Рушди о Ким Кардашьян, хокку Басё и Бусона, шекспировский сонет, газель Вали и собрание ландаи из Афганистана.

Я интересуюсь тем, почему некоторые структуры историй чаще встречаются в песнях и стихах, чем в историях... все для того, чтобы подойти к обнаружению источника историй ближе, чем это было возможно ранее.

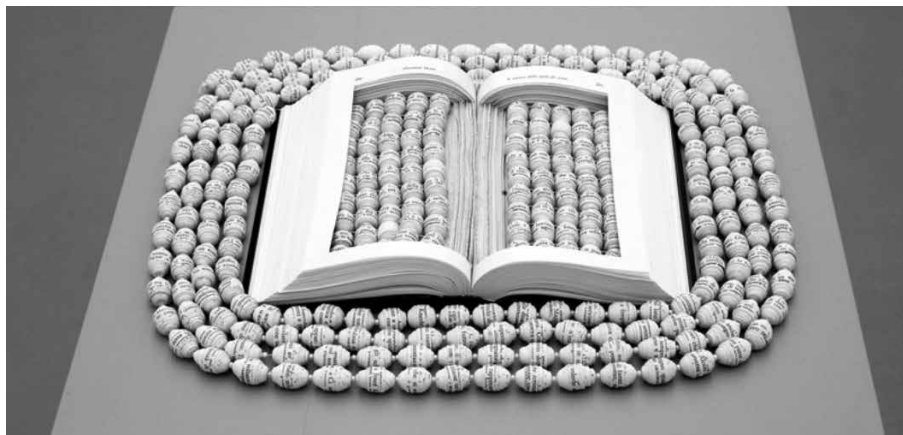
Такой способ видения историй требует, чтобы мы смотрели глазами, слушали ушами, но чувствовали душой. Он требует воплощенного участия — он призывает мысли и чувства работать вместе сбалансированным образом. Он требует нового угла зрения. У каждого будет свой путь. Эта книга имеет одну цель: вызывать историю к жизни в вас.

Если, как я утверждаю здесь, структуры историй произрастают из человеческого сознания и отражают те его аспекты, которые соотносятся со стремлением к балансу, то нужно спросить: почему? какой цели они служат? Единственный удовлетворительный ответ, к которому я пока что пришел, — это то, что они указывают на глубокую необходимость того, чтобы голос «неизвестного рассказчика» был услышан. Мы приходим к этому через открытость к сказыванию сказов внутри нас — к тому, чтобы истории рассказывали нас самих.

В этих вступительных заметках я представляю некоторые ключевые определения. В главе 1 ввожу краткий обзор методологии, изложенной в этой книге, который я продолжаю в трех последующих главах. В главах

Такой способ видения историй призывает мысли и чувства работать вместе сбалансированным образом

Сабрина Меццакви (Sabrina Mezzaqui). Игра в биссер. 2010

5–18, в свою очередь, идентифицируются и представляются отдельные структуры историй с показом их отличий, после чего в главах, начиная с 19-й и дальше, я исследую некоторые импликации методологии. В главах 21 и 22 я ввожу идеи того, что выбранный подход может привести к пониманию таких литературных форм, как повествование и поэзия, в ожидании более глубоких работ, показывающих, как эта методология может быть применена в писательской практике.

Некоторые из лучших рассказчиков — это поэты. Поэты лучше других знают, как работает история — они творят на гребне мгновения, в то же время сами оказываясь субъектом истории как живые, дышащие существа, заключенные во внушающую благоговение тайну живого и дышащего космоса.

Величайшие из поэтов оставили нам сокровища — например, Фарид ад-Дин Аттар, чьи цитаты обрамляют эту работу, а также великие поэты, которые стоят за текстами «Ригведы», слова которых подводят нас к источнику историй, думаю, настолько близко, насколько это возможно.

Мы начинаем и заканчиваем это путешествие их произведениями, которые указывают на исходную точку и на пункт назначения наших исследований историй, лежащих вне нас... пока мы не переоткроем их вокруг и внутри себя. Раз это случилось, то будет легче увидеть, что жизнь живет, а история рассказывает. История живет. Жизнь рассказывает истории. История = жизнь, жизнь = история. История и жизнь тождественны. Осознание этого даст нам возможность достичь более тонкого чувства баланса — как в отношении нас самих, так и по отношению к другим людям.

Я надеюсь, эта книга поможет вам рассказать историю жизни и поможет облечь в историю собственную жизнь, проживая историю своей жизни в гармонии... с историями.

Перевод с английского Родиона Гаршина

TABLE OF CONTENTS

No. 1 (88) 2023

ON OUR 30TH ANNIVERSARY

- Lena Nemirovskaya, "I Want to Thank You All So Much!" 5
- This School Is a Meeting Place
Michael Sohlman 10
- This School Has Been a Gift to Many of Us
John Lloyd 12
- A Mission of Vital Importance
Arndt Freytag von Loringhoven 15
- Signs of Big History
Jan Philipp Albrecht 17

THEME OF THE ISSUE

- We Have No Right to Be Naive
Ralf Fücks 20
- When Negative Emotions Prevail Over Positive Ones
Dominique Moisi 26
- But What About the Truth?..
Shelby Coffey 30
- Preserving the Universalist Calm
Sergey Lagodinsky 35
- On Certain Signals of Declining Social Trust
Michael Mertes 37

NEW AXIAL TIME

- Universalism Implies Global Citizenship with Equal Rights
Andreas Bummel 40
- Mass Education as a Tool for the Degradation of Values
Vladimir Shmelev 44
- State of Law in Exile
Delphine Nougayrède 46

MATTER AND CONSCIOUSNESS

- Materialism Alone Cannot Explain the Mystery of Consciousness
Krzysztof Antoni Meissner 53

WAR DIARIES

- Words about the War
Serhiy Zhadan 46

HISTORIC EXPERIENCE

- The Nostalgia for Sacrifice
Andrei Kolesnikov 69
- On the 30-year Anniversary of the School of Civic Education
- The Russian Empire Must Die
Anne Applebaum 74

BIOGRAPHY

- Mikhail Fishman on His Book "The Successor" 83
- To Survive and Win: About the Book "George Soros. All His Life"
Sergey Nikolayevich 94

FROM OUR ARCHIVE

- The Moral Lessons of Soviet History: The Experience of Opposition to Evil
Philip Boobbyer 100
- On Violence and the Structure of Rationality
Yuri Senokosov 108

ANNOUNCEMENT

- The Realism of a Planetary Parliament
Vasily Zharkov 117

BOOKS

- "Yes, We Are Asians..."
Andrey Simbirtsev 122
- The Counterpoint
Maxim Goryunov 117

NOTA BENE

- Foreword
Leon Conrad 134

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

30 ЛЕТ ШКОЛЕ

Наши авторы:

Армаз Ахвледиани

Андреас Буммель

Максим Горюнов

Василий Жарков

Армен Закарян

Томаш Зарицкий

Кирилл Кобрин

Сильви Кауфман

Игорь Ковалев

Андрей Колесников

Соня Лихт

Елена Лукьянова

Михаил Минаков

Нил Муйжниекс

Григорий Охотин

Андрей Симбирцев

Роберт Скидельски

Джек Ханнинг

ISSN 2592-897X